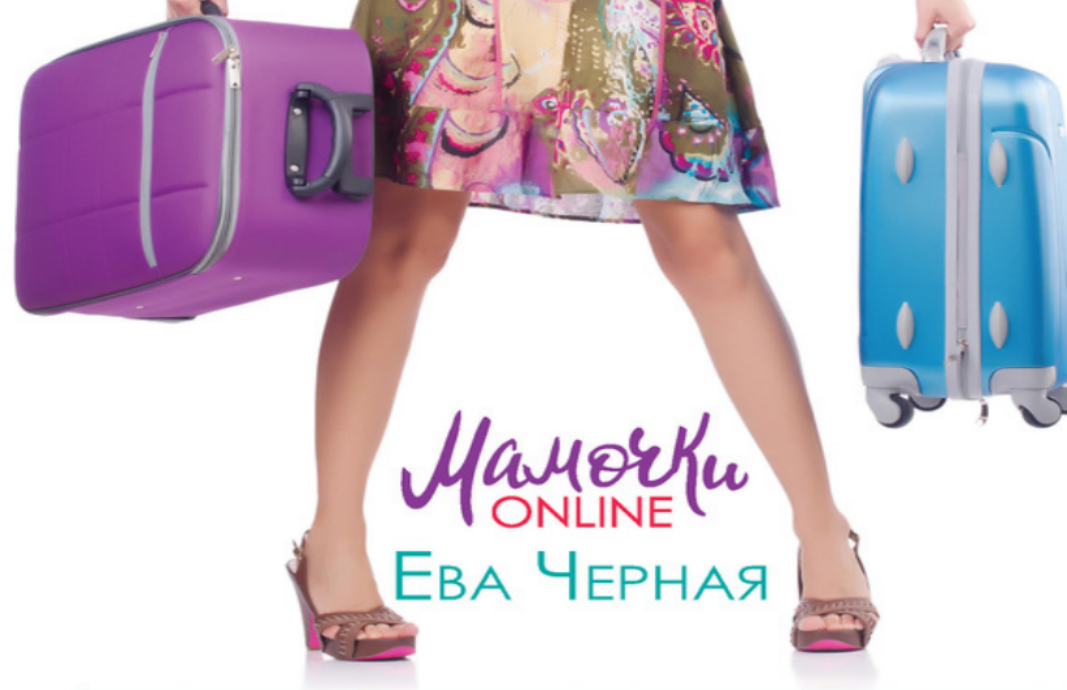

Мамочки ONLINE

Ева Черная

МОИ НЕПУТЁВЫЕ ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

ТОП-АВТОР «САМИЗДАТА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жизнь у Мамы бьет ключом. Чаще всего гаечным и в основном по голове, но… Унывать особо ей не приходится.

А на любые события можно взглянуть и с другой, юморной, стороны.

События в жизни пролетают со световой скоростью. Вот Мама и решила составить свои непутёвые заметки.

На мемуары она, конечно, не замахивалась – так, ма-а-аленькие мемуарчики потомкам.

Опять же компроматом на подрастающих детей всегда можно воспользоваться в развлечении будущих внуков.

В общем, обычная жизнь в обычном городе обычной семьи… взглядом Мамы.

- Ева Черная
  -
  -
  - Из прошедшего
  - Из учебного
  - Из утреннего-приветственного
  - Из школьного
  - Из деньрожденного
  - Из туристического-гостевого
  - Из очевидного-невероятного
  - Из призывного
  - Из дежавюшного
  - Из фантастического
  - Из почтового
  - Из кровавого
  - Из базарно-предпраздничного
  - Из прогрессивного
  - Из застольного
  - Из экстремального
  - Из просыпательного
  - Из написательного
  - Из невысыпательного
  - Из питательного
  - Из построечного
  - Из плохо-выученного
  - Из празднично-традиционного
  - Из празднично-традиционного-2
  - Из лечебно-травматического

- ○ Из морского
- ○ Из мечтательного
- ○ Творческая
- ○ Домашняя
- ○ Коротенькая-суржиковая
- ○ Из ночного
- ○ Из аппетитного
- ○ Из воспоминательного
- ○ Из газетного
- ○ Из наследственного
- ○ Из размышлятельного
- ○ Из обедного, сложно-произносимого
- ○ Из звериного
- ○ Из почитательского
- ○ Из сильно-коротенького
- ○ Из обучательного
- ○ Из козаностренного
- ○ Из легендарного
- ○ Из диетического
- ○ Из пиратского
- ○ Из должностного
- ○ Из философствующего
- ○ Из зимнего
- ○ Из детско-походного
- ○ Из незаразного
- ○ Из прибалтийского
- ○ Из обувного
- ○ Из вредно-вспоминательного
- ○ Из былого боевого
- ○ Из папиросного
- ○ Из пончикового
- ○ Из болячкового
- ○ Из погодно-ожидаемого
- ○ Из ново-пиратского
- ○ Из ужасающего
- ○ Из приносимого
- ○ Из перелетного
- ○ Из в-мире-животного
- ○ Из ментовского-воинственного
- ○ Из ментовского-воинственного-2
- ○ Из лотерейного
- ○ Из ветрянково-болячкового
- ○ Из игрушкового
- ○ Из чертового, прошедшего

- ○ Из обучательно-познавательного
- ○ Из кошачьего
- ○ Из кошачьего-2
- ○ Из папиного
- ○ Из задаваемого
- ○ Из традиционно-праздновательного
- ○ Из магазинного
- ○ Из зимнего
- ○ Из гололедного
- ○ Из сериального
- ○ Из блатного
- ○ Из предвкушательного
- ○ Из ракушково-камушкового
- ○ Из надуманного
- ○ Из выдавительного
- ○ Из приятно-получательного
- ○ Из познавательно-вопрошательного
- ○ Из деньго-обращательного
- ○ Из трудно-добывательного
- ○ Из долгожданного
- ○ Из подготовительно-поздравительного
- ○ Из грустно-написательного
- ○ Из катастрофического
- ○ Из бородатого
- ○ Из убирательного
- ○ Из избирательного
- ○ Из выпивательного
- ○ Из прочитанного
- ○ Из мимолетного
- ○ Из специального
- ○ Из фильмотечного
- ○ Из приглашательно-посещательного
- ○ Из жениховского
- ○ Из мамой-оберегательного
- ○ Из впечатлительно-рассказываемого
- ○ Из заболевательно-последовательного
- ○ Из пасхального
- ○ Из протокольного
- ○ Из армейско-подготовительного
- ○ Из призывного-нескучательного
- ○ Из рационально-экономного
- ○ Из приглашательного
- ○ Из увлекательно-посещательного
- ○ Из присягательного

- ○ Мимолетное. Сладкое
- ○ Из советуемого-переживательного
- ○ Из организовочного-волнительного
- ○ Из садово-размышлятельного
- ○ Сладкое. Мимолетное. Неповторимое
- ○ Из парково-развлекательного
- ○ Из несоответствующего
- ○ Из родильно-воспоминательного
- ○ Из учителя-добивательного
- ○ Из веселого-разведывательного
- ○ Из старше-сестринского, незабываемого
- ○ Из особенного, воспитательного
- ○ Из парадоксально-невероятного
- ○ Из возмущательного
- ○ Из несъедобного-съедобного
- ○ Из взаимоповязанного
- ○ Сладкое. Мимолетное. Незабываемое
- ○ Из новогоднего-поломательного
- ○ Из домашне-уборочного
- ○ Из думательно-размышлятельного
- ○ Мамин постскриптум

Ева Черная
Мои непутёвые путевые заметки

© Черная Ева
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

С большой благодарностью ко всей Маминой большой семье от всего ее любящего сердца.

За «безвозмэздно» подаренные минуты счастья, смеха и радости.

Потому что она, семья, есть и именно такая.

Живая, противоречивая, вредная, забавная…

Жизнеутверждающая такая, самая обычная – правильная.

Из прошедшего

Когда Мамино семейство только сюда приехало, отгремела очередная война и дальний родственник мужа, живший как раз на севере страны, где и был конфликт, делился своими впечатлениями.

Больше всего Маме тогда запомнился его рассказ о том, как сирена службы тыла застала его в ванной и бедный мужик, прикрытый местами только мыльной пеной, вылетел на лестничную клетку (в некоторых домах бомбоубежища были оборудованы именно там), где уже были его соседи.

По дороге, естественно, по закону подлости грохнулся и набил себе здоровенный синяк на бедре (хорошо хоть ничего не сломал).

Так вот, когда начали в этот раз обстреливать Мамин городок, у Мамы прямо-таки пунктик появился по поводу ванной (для нее, с ее-то занятостью, сломать себе что-то, выскакивая и поскользнувшись, был бы «ой, какой караул!», а если еще и сломать одну из четырех конечностей, «караул» вдвойне!

Сломать себе шею и то Маму так не пугало (после этого ее вообще что-либо пугало бы), потому душ принимала она обычно быстро и оперативно, утешая себя тем, что все же и от этого есть польза – экономия воды как-никак.

Но, сами понимаете, закон подлости – наше все.

Как раз под самый конец всей этой заварушки с бомбежками все и случилось.

Оно самое, душ и сирена.

Ну что вам сказать? Мама вынесла и из этого урок.

Вывод первый – никогда в период обстрелов не закрывайте двери ванной на ключ/ щеколду/ загнутые гвоздики – реально мешает скоростному вылету. Мокрые пальцы становятся во время спешки до ужаса неуклюжими, а ключ/ щеколда/ загнутый гвоздик (нужное подчеркнуть) совершенно неповоротливыми.

Еле успев захватить пару полотенец и на ходу в них заматываясь кое-как, Мама мокрой курицей с разъезжающимися ногами в таких же мокрых тапочках (почему-то казалось, что с босыми мокрыми ногами добираться будет намного хуже) поскакала в детскую, которая в ее жилище находилась в комнате-бомбоубежище.

Вывод второй – в мокрых тапочках скользишь по плитке сильнее, чем босыми ногами.

Босой и с нестриженными ногтями (теоретически) вы возможно еще сможете за что-то зацепиться и затормозить (по

примеру альпинистских «кошек»), а вот резиновые сланцы вам такого выбора не оставляют.

В общем, угроза «упасть, потерять сознание, очнуться – гипс» превращалась из призрачной в реальную.

И вот когда бронированная ставня со всем ее тарахтением и скрежетом задвинута (на фиг Маме гантели, она тут и так железо таскает!), окно наглухо задраено, бронированная же дверь закрыта и заблокирована поднятой вверх ручкой, Мама поняла – с нее капает, противно так, холодно и уже успело собраться в целую лужу.

Вывод третий – держите всегда под рукой длинный банный халат с капюшоном. А лучше несколько (запас лишним не бывает). Полотенца, даже во множественном числе, вам в таких ситуациях не помощники.

* * *

В тот раз, слава Всевышнему, все обошлось.

Радовало Маму, что дети не проснулись и не лицезрели ее во всей капающей красе.

Выводы из произошедшего извлечены. Подробная инструкция или, проще говоря, памятка – составлена…

И Мама таки, несмотря на все ее старания самоубиться, осталась жива и во всех местах здоровая.

Из учебного

Заканчивает Мама со Средним учить дома русский словарь.

Дошли до буквы «щ».

Мама говорит: «Читай «шчу».

Средненький старательно складывает губы трубочкой.

Разминает.

Опять тянет их куриной гузкой.

Потом задумчиво косится на книжку и наконец-то выдает: «Шу-у-у-чу».

Посмотрели они друг на друга – губы сами растягиваются в улыбке.

Маму окончательно разбирает смех:

– «Шучу» – это, конечно, хорошо, но (!). Шутки шутками, а повторить придется.

Средний уже и сам заливисто хохочет:

– Я же не виноват, что в иврите такой буквы нет.

– Ее много где нет, – ворчит, пытаясь выглядеть серьезно, Мама.

Так она и появилась буква под названием «шу-чу».

Из утреннего-приветственного

Рано утром.

Провела Мама своих младших до школы.

Стоит возле перехода, ждет, когда, повернувшая с круга на перекрестке, проедет машина.

Она таки подъезжает – оказывается, такси.

Спереди, из пассажирского окна, наполовину вываливается совершенно незнакомый марокканец:

– Женщина, ты знаешь, что у моего сына сегодня день рождения?!

Следующие несколько секунда она судорожно пытается вспомнить – знакомы они с этим индивидом или нет? Причем вопроса по поводу самой фразы даже не возникает.

В то же время на заднем сиденье замечает любопытно торчащие большущие черные глаза, смуглый лоб и темную кудрявую макушку пятилетнего мальчишки.

– Нет, – и замирает, пытаясь предугадать, что будет дальше.

– Ну-у-у, – с требовательной интонацией выдает слегка возмущенный отец, – ты почему не говоришь «мазаль тов»?!

От возмущенной требовательности папаши губы сами собой расползаются в улыбке:

– Мазаль тов, – поворачивается к заднему окну Мама, понимая, что этот день так и будет продолжать улыбаться. Просто так.

Тем временем в ответ из этого самого окна такая счастливая улыбка засияла, как будто Мама этому ребенку луну подарила.

Из школьного

Чем родительское собрание отличается от детско-школьного представления для родителей? Отсутствием музыки и детей. Ну, почти.

Груднички в колясках, слингах, автокреслах и прочее были представлены в ассортименте.

Музыка тоже отчасти присутствовала – то у одного родителя, то у другого мелодично звонил телефон и в очередной раз голосом старшего детя, на которого был оставлен весь остальной кагал, выяснял каждый раз новый, срочно важный вопрос.

А остальное…

Француженки бонжурят, англоязычные омайгадят, сабры (коренные израильтяне) и остальные мэдабэрят.

И только Мама с еще одной теткой, единственные русскоговорящие на всю школу, сначала со всеми помэдабэрили, а потом уселись рядышком и начали перемывать косточки, но уже на русском.

Кто с коляской уже пришел.

У кого неожиданно за два месяца живот вырос.

В общем, базар.

Через полчаса руководство школы решило, что дали достаточно времени для обсуждения последних новостей (наивные) мамам (дисциплинированные папы, тихо перешептываясь, молчаливо замирали при каждом резком звуке), и попытались навести порядок.

Директор прыгает.

Учителя за ним в унисон подскакивают.

В общем, тоже своего рода концерт.

Еще через пятнадцать минут им таки это удалось.

Нет, не концерт – угомонить не видевшихся долгое время родительниц.

Сорок минут общешкольного собрания прошло, как одна минута.

Мама уже на низком старте в уме рассчитывала, в какой из двух младших классов ей стоит сначала ломануться для «а пообщаться» с классным руководителем…

На самих классных собраниях тоже было весело.

Мама только и успевала строчить за преподами в блокнотике, стараясь не пропустить ни одного перла из серии: «Не давайте ребенку в школу бутылку с замороженной водой, потому что потом весь класс вместо того, чтобы слушать урок, наблюдает, как ваш ребенок делает массаж бутылке, пытаясь добыть оттуда

хоть каплю оттаявшей жидкости…»

Мамина тактика прилежной ученицы была выбрана верно, и уже через еще час, проскакав тихой рысью по первому и второму классам, с пачкой собранных бумажек со всей нужной и околонужной информацией выползала за ворота.

Оттуда закрепив над головой нимб для освещения, отрастив крылья и вставив в зад пропеллер для ускорения, Мама полетела на другой конец города в школу к Старшенькому.

С просчетом времени в этот раз вышла ошибочка.

Директор его школы еще не закончил вводить родителей своей речью в гипнотический транс на общешкольном собрании, и Маме пришлось, как и многим другим предкам, придерживать пальцами веки, чтобы не поддаться соблазну слегка всхрапнуть на галерке.

Встреча с родителями и классным руководителем Старшенького проходила уже в фоновом режиме.

То есть Мама вроде здесь и не здесь одновременно. Работа и предыдущие сборища родителей младших классов сделали свое грязное дело, оставив механически работающую телесную оболочку для сбора еще одной порции бумажек-списков и совершенно отключив сознание.

Энергии для нимба, крыльев и пропеллера на обратный путь не хватило.

Ползти пришлось медленно и лениво.

Дома, чисто из вредности и для поднятия боевого духа, Мама совершила диверсию по отношению к своему организьму и сделала себе очень неполезный, но компромиссный со своей совестью бутерброд с диетическим хлебцом из воздушного риса и недиетическим сгущенным молоком.

Который покупала для детей, но ест пока почему-то она сама.

Из деньрожденного

Средний и Младший старательно дорисовывают Старшему «подарок» (есть у них такая традиция – на день рождения всем младшие члены семейства в подарок дарят рисунки и другие поделки, сделанные своими руками).

Во-о-от, значит, рисуют, перечисляют по очереди, у кого, когда будет следующий день рождения.

Посчитали Старшенького.

Потом Папу.

После этого дошли и до Мамы.

Тут Средний задумался, притих и ломанулся к входной железной двери, на которой у них все это рисунчатое великолепие висит, прибитое магнитиками.

Достал рисунок, который он Маме сделал на День рождения в позапрошлый раз, и потащил обратно к карандашам и фломастерам, что на столе.

Рисунок действительно чудесный.

Весь в шариках, бантиках и с шикарным разноцветным тортом (мама тортов таких ядовитых цветов в жизни не видела), на котором нарисованы зажженные свечи в виде циферок – очередной Маминой даты (единственное, что Маму в этом рисунке немного огорчало, как и любую женщину, – напоминание о ее возрасте).

В прошлом году Мама уже получила повторно, так понравившийся ей до этого, шедевр изобразительного искусства.

С затертой старой и нарисованной новой последней циферкой.

Когда Средний опять начал стирать в дате «37» семерку и малевать на ее месте уже восьмерку, Мама опешила.

На животрепещущий вопрос: «А зачем?»

Получила такой же лаконичный ответ: «А вдруг забуду».

Ну да, до марта от сентября еще куча времени, конечно, можно забыть перерисовать цифру в мамином любимом рисунке.

А циферки, даже если они свечи на праздничном торте, точность любят.

Мама по профессии бухгалтер, Мама знает.

«И все равно, – упрямо подумала мама, – мне еще только тридцать семь с хвостиком».

* * *

Средний Младшенькому:

– Надо, чтобы он (Старший) взял кого-то из нас на руки – мы ему глаза закроем, пока он будет подходить к торту и задувать свечки.

Младший мечтательно:

– Да-а-а, а вот если бы был еще и папа дома, он бы его (опять же Старшенького) на руки поднял и самого принес свечи задувать.

Старший пытается на доступном им, младшим, уровне опровергнуть заблуждения Младшенького:

– Не, папа меня уже на руки не подымет – я уже большой, а папа старенький.

Мама, слушающая весь этот диалог, подавилась – папе, на минуточку так, сорок два всего лишь.

Пытаясь не заржать, а только похихикать, добавила:

– Папа, конечно, тебя не подымет, у тебя ноги по полу все равно будут волочиться, только про старость ему лучше не говори…

Заметив недоуменный взгляд, пояснила:

– Когда тебе, с Божьей помощью, стукнет глубоко за тридцать – сам поймешь.

Ну и кто из них после этого взрослый?

Дети, как есть дети.

Из туристического-гостевого

Иногда Просто-Маме казалось, что ей с Папиной мамой повезло больше, чем с самим Папой.

Уже полчаса обсуждался вопрос, куда повезти Папину маму и что ей показать.

Папа хотел в Массаду.

Там и горы, разрушенная крепость и торговый комплекс внизу с кафе и магазинчиками для туристов.

Мама пыталась Папе объяснить, что у его мамы уже не тот возраст для гор.

И лучше всего отвезти в Золотой Город к Стене Плача, потом и побродить по старым улочкам можно.

Сами улочки с их бесконечными ступеньками вверх-вниз тоже могли сойти за какие-нибудь горы для особо жаждущих пожилых экстремалов.

Папина мама, по незнанию местности, просто молчала и ожидала вердикта.

Папа своего добился, и вся семья поехала в Массаду.

Проблемы начались еще на подходе.

Стоило только Папиной маме увидеть единственных два пути, по которым можно было подняться в крепость.

Первый – «козья тропа», с теми же беспрерывными очень крутыми щербатыми ступеньками, по которой если начнешь взбираться ранним утром, то хорошо, если к обеду доберешься до места.

Второй не лучше – скользящие кабинки по канатной дороге на такой высоте, что даже у Просто-Мамы вызвали предательские мысли на тему: «А не посидеть ли мне тут – природой полюбоваться».

Что уж говорить о Папиной маме.

Выражение ее лица настойчиво говорило, что все мамы одинаковы и направление мыслей у них работает в одном и том же направлении.

О чем и высказалась собственному бородатому сыночку в пока еще культурных выражениях.

Сыночек, то есть Папа, не внял и начал бомбить свою маму обещаниями неземного рая наверху. Так в горах, на руинах древней крепости.

В общем, когда пришел фуникулер, – под шум толпы Папину маму практически внесли под локотки в качающуюся кабинку собравшаяся кучка новых посетителей.

Где она вцепилась сразу в два поручня и уставилась на

Просто-Маму.

Просто-Мама тоже немного тряслась, но искренне пыталась себя уверить, что это всего лишь пол качается.

Кабинка тронулась.

Папина мама принялась буравить взглядом простомамин лоб, в душе наверняка не раз поминая «добрым» словом инициативного сыночка.

Дети и Папа прилипли к окнам. Причем сделали это с таким напором, что показалось, будто кабинка как-то опасно накренилась. Хотя это, возможно, были уже галлюцинации, навеянные страхом.

А Просто-Мама надеялась, что дырки в ее лбу в точке «бурения» все же не будет.

Не передать словами, какой вздох облегчения вырвался у Папиной мамы по прибытию наверх.

Хотя мысль о том, что возвращаться надо будет тем же путем, немного ее радость омрачала.

Но тут уж выбирать не приходилось.

Два часа брожения по развалинам за группой туристов из Польши, которым экскурсовод вещал про «добже», «вогнем» и прочее.

Постоянно летящие в ее сторону фразы «а сфоткай меня еще здесь»…

И голова крутящаяся, как перископ у подлодки, на все 360 градусов с приглядом за детьми (на Папу надежды мало, за ним самим присмотреть не мешало бы)…

Просто-Маму добили окончательно.

Потому пофигистическое отношение ко всему на обратном пути не могло ничто испортить.

Ни раскачивающаяся кабинка от топота особо непоседливых туристов.

Ни Папина мама, решившая в этот раз сделать дырку в Просто-маминой груди.

Ни Папа, которого хотелось придушить еще сильнее, чем после поездки на Мертвое море.

Просто-Маме еще пришлось в ускоренном темпе прошвырнуться с Папиной мамой по всем сувениркам.

Скупить памятные подарки всем родственникам до седьмого колена… «и дяде Вове тоже».

Приготовить материальное подтверждение посещения памятных мест в виде брошюр, диска с фотографиями и карт с экскурсионными путями для Папиного папы.

Заскочить в косметический магазин и поработать переводчиком во время выбора кремов, мазей и солей с

минералами Мертвого моря.

В общем, день для Просто-Мамы закончился позднее, чем ожидалось.

Причем значительно.

Из очевидного-невероятного

Купила Мама в начале лета юбку.

И забыла совершенно, вспомнив лишь недавно, когда наткнулась на нее случайно.

Юбка оказалась подозрительно большой и так и норовила слететь с Мамы вниз.

Всем своим видом, можно сказать, существованием пытаясь доказать, что Мама таки похудела.

Мама же в растерянности смотрела на весы, которые в последнее время пытаются ее убедить в совершенно обратном.

Весы электронные, блестяще-стеклянные и, судя по инструкциям, оченно-сильно умные.

И кому после этого верить?

Загадка.

Из призывного

Год назад…

Приходит Старшенький домой, с таким выражением на лице – ну, рай просто.

И с воплями: «Наконец-то, наконец-то…»

На Мамин вопрос: «Что случилось?» – ответа она так и не дождалась.

Чес слово, грешным делом подумала, ребятенок выиграл мульон.

Оказалось, все еще круче (по его скромному мнению)…

Ему пришел тоар ришон по почте (повестка из военкомата на медкомиссию).

Все как полагается – с билетами на автобус в обе стороны, анкетами и рекламкой, в какие части и на каких условиях можно попасть.

Если бы Мама рассказала где-то на постсоветском пространстве, что подросток от радости до потолка чуть не прыгал, когда повестку в военкомат получил, то ее собеседники бы только пальцем у виска покрутили.

К слову сказать, Старшенький даже одно время очень переживал, что ему повестка все никак не приходит.

Все его друзья в классе уже получили, а он еще нет. Печаль, однако.

Из дежавюшного

Вечером залетает домой Старшенький с таким же выражением лица, как и неделю назад, когда получил повестку.

Радостный такой, возбужденный, глазки горят, в общем, заинтриговал.

Опять.

Залетел и кричит: «Мама, танцуй – тебе письмо».

Сначала Мама в тайной надежде подумала: «Может, это все-таки я выиграла мульон».

Потом увидела знакомую символику на конверте в виде меча и оливковой ветви и вообще впала в прострацию: «Теперь меня в армию призывают?»

Короче, пришлось-таки танцевать, после чего ребятёнок торжественно вручил Маме письмо, адресованное родителям такого-то, то есть Старшенького.

Пока открывала, подумала: «Точно мне тоже повестка в военкомат пришла».

Оказалось, нет.

ЦАХАЛ (Армия Обороны Израиля) уведомляла Маму о том, что деть получил повестку в военкомат.

Маму сильно просили не препятствовать его службе в армии и давали адрес сайта и номер телефона, где она сможет узнать все об армии и выяснить интересующие ее вопросы по поводу прохождения службы.

В общем, они Маму соблазнили, и она таки полезла на этот сайт.

А там таки-и-е мужчины…

Хорошо, что муж улетел в очередную свою командировку еще за день до этого, утром, и не видел, как Мама получала чисто эстетическое удовольствие, рассматривая чернявых, смуглых, мускулистых парней в форме.

Из фантастического

Иногда Мама себя чувствовала устаревшим, еще первого поколения, киборгом.

Ну, реально!

Всю неделю она носилась, крутилась, выматывалась.

Получала кучу нужной (а чаще совершенно не нужной) информации и всю ее перерабатывала, сортировала и усваивала.

В общем, пахала.

И к концу недели организьм, чувствуя близость отдыха и усиленной дозаправки питанием, начинал сбоить.

То головной процессор глючило.

И тогда в голове все мешалось: бутерброды в школу пытались сойтись с дебетом, а рецепт предновогодних печеных яблок смешаться с ценой «PSP VITA» (последней подарочной мечтой Средненького и Младшенького).

То нано-импланты тормозили.

И в тот же миг мышца на шее при растяжке неправильно тянулась, начинал ныть зуб, стреляло ухо и побаливали все кости по очереди, а то и вместе – разве что хвост не отваливался.

И то только ввиду своего, хвоста, полного отсутствия.

А то и вообще, все скрипело, как несмазанные шарниры.

Видимо, титановые суставы не такая уж и хорошая идея.

Так что…

Ощущения полной развалины были представлены в полной мере.

А потом…

Наступала Она, Суббота.

Полноценный сон.

Вкусная еда.

Смех и игры с детьми, иногда переходящие в настоящие баталии с применением подушек и прочих подручных средств.

И усиленные учения языков, посредством чтения, со всеми оболтусами, вместе взятыми…

И уже через сутки…

Подзаряженный, сбросивший ненужный, скопившийся за прошедшую неделю груз, молодящийся, десятого, самого последнего, поколения киборг-мама опять готов скакать, носиться и решать…

Post scriptum.

Да-да, Мама тоже иногда читает фантастику.

Будучи три раза сыночкиной мамой, ей приходится

соответствовать.

Из почтового

Есть Маминой в стране такая тема – отсылать в преддверии местного Нового года родным и друзьям посылочки, бандероли или просто открыточки с поздравлениями.

Да-да, те самые, незаслуженно забитые в дальний угол электронными прототипами, красивые, разрисованные, бумажные и в конвертиках.

Маме тоже надо было послать пять бандеролек, потому зашла она на почту прикупить для запаковывания своего подарочного добра коробочек и конвертиков.

На почте в такое, совсем не ранее время и в этот период года обычно толпа народа присутствует.

Кто-то получает уже свои бандероли.

Кто-то только отправляет.

А кто-то, как Мама, только к этому мероприятию готовится.

Впереди Мамы стояла семейная пара с двумя большими коробками, набитыми бандеролями(!).

Видимо, друзей-родственников у них даже очень много. Но и тут ничего удивительного – большие семьи для Маминой страны не редкость.

Когда наступило их звездное время «Ч», вся очередь считала вместе с ними все пятьдесят семь упаковок и потихоньку по-доброму подкалывала.

Разброс адресатов поражал.

Начиная с Хорватии и Австрии и заканчивая Австралией.

Кто-то даже спросил: «Почему нет в Южную Африку? Не доработано, однако!»

Почтальон, принимавший все это «счастье», чуть не сбился с ног, пока все обклеил марками-наклейками и растасовал по местам.

Мама же тоже посмеивалась, а еще думала, что хорошо иметь столько близких людей.

Прошла неделя, и уже Мама с гордостью потащила на почту свои бандероли.

Там она застала ту же картину. Прямо-таки дежавю.

Очередь-посылки-бандероли-письма и… та же семейная пара с забитой под завязку коробкой.

Так сказать, охватили не охватуемое в два захода.

В этот раз в адресатах присутствовала и Южная Африка.

Из кровавого

Много-много лет назад стояла Мама на продуваемом всеми ветрами углу собственного дома (еще живя на малой родине) и ждала со школьной развозки своего, тогда еще пятилетнего, Старшенького.

Старшенький, можно сказать, старшеньким тогда и не был, а был еще просто Единственным.

Развозка приехала, Старшенький вывалился из теплого нутра автобуса в снежный сугроб, чему был безмерно рад, судя по расплывшейся в довольной улыбке мордахе.

А вот потом…

Дорога в пять минут ходьбы до квартиры показалась для Мамы вечностью.

И всему виной был восторженно-ужасающий рассказ собственного детеныша.

Сначала он во всех красках вещал о том, как мальчик из его класса треснул его по башке шахматной доской.

Мама представила, как здоровенная деревянная бандурина с острыми углами и железной застежкой (прям, как в ее детстве) опускается на голову ее сына, и стала рукой искать у себя сердце.

Ускорившись так, что ребятенок тряпочкой мотылялся позади нее, держась за руку, Мама летела домой с удвоенной скоростью.

За оставшееся время – подъезд, лестница до пятого этажа и скрежет проворачиваемого ключа в замке – сынуля поведал, как у него бежала рекой кровь и ему перевязывали голову.

К сожалению, из-под зимней шапки-ушанки Мама ничего не смогла разглядеть.

Но явственно себе представляла на голове у сына под шапкой «шлем» из бинта, как это часто показывали в старых фильмах о войне.

Домой они долетели на две минуты быстрее.

Мама трясущимися, ледяными лапками начала развязывать детенышу шапку, при этом ногой пытаясь нашарить место, куда будет падать, если ноги не удержат от увиденной картины.

В голове уже выстроилась целая гневная тирада для преподавателя, выражавшая все мамино возмущение травмой ребенка.

Глаза же рыскали в поисках телефонной книжки, чтобы вызвонить знакомого травматолога, педиатра, хирурга и отвезти кровинушку на осмотр.

И вот шапка уже развязалась и начинает медленно сползать.

Под подбородком бинтовых завязок не обнаружилось.

И Мама решила, что – то ли бинта не хватило, то ли шлем настолько плотно намотали (а что, голова – не горло, если пережмешь немного – никто не задохнется), что завязок и не нужно.

Когда шапка снялась, Мама все же упала на стул.

Она схватила сынулину голову, покрутила ею в разные стороны, а потом слабым голосом все же спросила:

– Ну и где?

– Да вот же, мам, видишь? – тычет пальцем в небольшую царапину, разгребая густую челку.

– Вижу, – бормочет Мама, думая о том, что все же стоит выпить успокоительное и что-то от сердца, ага.

Из базарно-предпраздничного

– Ты гранат брать будешь?

– Пока нет.

– А чего нет?

– Думаю.

– Слушай, женщина, что тут думать? Бери гранат, я тебе говорю.

– Не-а, я еще там посмотрю.

– Что там смотреть?! Смотри, какой красный, сочный, слаще щечек ребенка.

– А у того такой же, но дешевле.

– Где дешевле?! – на Маму секунду смотрят до глубины души возмущенные большие черные глаза и тут же меняют в них выражение на хитрющее.

Белоснежная улыбка на смуглом лице практически слепит:

– А я тебе инжиру со скидкой отвешу.

– Нужен мне твой инжир, – недовольно бубнит Мама, – у меня его все равно никто не ест.

– Как не ест?! – такое «непотребство» вызывает у вопрошающего бурю эмоций, и владелец глаз и щетинистой улыбки вскакивает на ноги. – Женщина, ты чему детей учишь?!

Новая волна возмущения практически была осязаема.

– Так не ест, их проверять на отсутствие жуков-червяков замахаешься.

– Что ты такое говоришь, какие жуки-червяки? – обида на все небритое лицо. – Ни одного нет. Я тебе, как есть, говорю.

– А проверять все равно придется, – все так же бурчала Мама, – … мне. Ты мне лучше со скидкой финики отвесь.

– Не-е-е, – улыбка вновь слепит белизной, и Маме думается, что лучше попросить телефон стоматолога для белизны зубов или нарисовать дорогу на тот пляж, где так хорошо загореть можно, – смотри, какие они, желтые, большие, мягкие-е-е – лучшие на всем этом рынке – песня, а не финики. Попробуешь, сразу захочешь петь.

«Какими порами удобряли те пальмы? – теперь уже о другом думала Мама. – Финики – не грибы, после них обычно не поется, а одно место от сладости слипается».

– Баранья голова-а-а! – доносилось со стороны мясной павильона. – Готовые половинки-и-и!

«Видели мы те половинки. С не выколупанными глазами. Вот варишь ты ее в кастрюле. Открываешь, а там – глаза на тебя смотрят. Наверное, так и тянет в этот момент сказать: «Кто там?»

Нет уж, мы уже рыбьи купили, – шла Мама дальше, высматривая, все ли купила. – Рыба, головы, финики, гранаты, яблоки и меда, да виноградного сока не забыть, фасольки с изюмом и там морковки набрать, и еще…»

Мама неслась на всех парах.

Ну, насколько ей давали такую возможность движущиеся в разные стороны реки покупателей.

Подальше, подальше от соблазнительных запахов булочек, самсы и бурекас из открытой настежь пекарни.

В правом полушарии мозга уже зрел план, куда дальше надо ломануться, чтобы все успеть и прикупить.

Левое пыталось выдать на-гора рецепт медового лекаха и сопоставить список ингредиентов со списком уже купленного.

Домой мама приплелась убитая, но довольная…

Отвоевав себе у закупочного ужаса два дня неспешной готовки вместо одного аврального.

Из прогрессивного

Папа, чтобы та не пачкала пальчики гранатовым соком, подарил Маме Штучку.

Штучка была красная в красивой коробочке, но немного непонятная Маме.

Ну как? Как может пластиковая Штучка успешно бороться с твердой гранатовой кожурой?

Но ведь подарок! Да, Папин!

Папа вообще прогрессист в отличие от кухонно-консервативной Мамы.

Просто так от него не отплюешься.

От подарка, не от Папы.

Штучка делилась на три части: глубокую красную мисочку, крупноячеистую того же цвета решеточку и большой резиновый алый колпак.

В очередной раз посмотрев на коробочку, где к словесному описанию последовательности действий, еще и фотографии прилагались…

Как раз для особо «сообразительных» в этом плане…

Ну, почти как она, Мама.

Мама и принялась за дело.

Вставила в мисочку решеточку.

Разрезала поперек гранат на две ровные части.

Положила одну его половинку на решетку разрезом вниз.

Накрыла сверху резиновым колпаком.

И полезла в кухонный ящик доставать ложечку, с точностью следуя фотоинструкции.

– Ну, и что ты делаешь? – решил проявить себя, до этого молча наблюдавший за маминими действиями, Старшенький.

– Так тут же написано ложечкой бить по резиновой фигнюшке, – растерянно пробормотала Мама.

– Тяжелой же, – попытался сделать внушение Старшенький.

Мама посмотрела на простую столовую ложку из нержавейки.

Решила, что немного не права, и полезла в другой шкаф.

Доставать тяжелую.

Ту самую, почти столетнюю, передававшуюся по наследству со всем набором посеребренных столовых приборов, привезенным Маминым дедушкой еще со Второй мировой, как трофей.

Уже приготовившись бить семейной реликвией по алой резине, опять услышала восклицание сына.

Восклицание было невнятное, но тоном подразумевалось не шибко лестные мысли Старшенького о Маминой прогрессивной

жилке.

Дальше не тратя время на слова, Старшенький просто отодвинул Маму от столешницы и алого «агрегата» на ней.

Достал из ящика деревянный молоток для отбивания мяса и начал усердно колотить им по центру резиновой шляпки.

Это оказалось действительно быстро.

Правда, Маме потом все равно пришлось запачкать пальчики, перебирая зерна и выгребая оттуда кусочки тонких, перепончатых желтоватых мембранок.

Все время перебирания, вспоминая, с каким упоением Старшенький орудовал молотком, у Мамы в голове произносился кривлятельный монолог:

«Прогре-е-е-с-с-с, понимаешь ли!

Недоработано у них, не-до-ра-бо-та-но…

Хоть бы в комплект засунули молоток с твердой резиновой насадкой вместо железной!

Мда…

Идею, что ли, запатентовать, а потом заключить с фирмой-производителем договор и продавать совместно, как усовершенствованный вариант?»

В голове у Мамы идеи превращались в золотые пиастры и блестящими столбиками строились сначала на столе, потом (когда там не осталось места) на всех остальных поверхностях кухни, умножая Мамино мнимое состояние на глазах.

Из застольного

«Три дня подряд жрать – тяжело», – решила Мама.

И приняла приглашение на второй вечер застолья.

От родителей одного из друзей Старшенького.

Знакомые были правильные.

Радеющие за здоровое питание и умеренное воздержание.

Нет, может, когда-то они и были другими.

В глубоком детстве.

Когда приехали из Одессы в Австралию с родителями.

Но теперь…

В общем…

Как раз, как Маме надо.

Рассчитывавшей на травянисто-оздоровительное застолье.

Маме подумалось, что ее семейство вряд ли вынесет такое издевательство днем.

Потому дружно сговорились за вечер.

И вот все вместе сидят, разговаривают и клюют «траву» в тарелках.

Время идет.

«Трава» жуется.

Дети балкон по камушку раскатывают потихоньку.

Разговор у взрослых меж тем неспешно тянется.

«Австралийцам» интересно все о далекой и почти забытой исторической родине.

Маме же – когда ее гоп-компания взвоет и запросится домой.

Вечер неспешно шел и, судя по всему, не спешил заканчиваться.

«Взвыла» компания нескоро.

Так что травы все могли наестся вдоволь, с запасом, так сказать.

И с полными животами «силоса» поскакать домой.

На встречу уже к своей завтрашней, дневной оздоровительно-майонезной «диете».

Из экстремального

Мама вовсю копошилась на кухне.

Большой живот, в котором на тот момент обитался Средненький, делал Маму совершенно неповоротливой.

В условиях маленькой кухоньки тогдашней съемной квартиры сие было поистине проблематично.

Семилетний Старшенький тихо шебуршал у себя в комнате.

Папа все еще был на работе.

У Мамы была радость – первая неделя из предродового декрета.

В общем, на подъеме настроения Мама чистила-крошила-готовила.

Неожиданно в дверном проеме в кухню показался Старшенький.

Вел он себя подозрительно.

Смотрел на Маму виновато.

Чихал.

И иногда дергал головой, как пес, унюхавший что-то не то и пытающийся чихнуть.

И тут Мама увидела ЭТО.

Под носом у Старшенького, над губой, были ржаво-коричневые засохшие пятна.

Первой мыслью было: «Это что же туда надо было засунуть, чтоб кровить начало?»

Второй: «Почему так долго молчал, если кровь уже успела не только свернуться, но и засохнуть?»

Старшенький был вмиг усажен на кухонный уголок.

Молчащий, как партизан, ребенок совершенно не хотел сдаваться на мамином допросе.

Все так же продолжая дергать головой и пытаться прочихаться.

Мама тихо, но верно впадала в панику, собираясь звонить всем.

«Скорой помощи», папе, знакомому педиатру и даже своему гинекологу.

Вдруг, что дельное посоветует.

Или кого.

Старшенький сдался только через десять минут и под угрозой вызова «Скорой».

Совершенно спокойный до того, ни разу не замеченный в опасных шалостях и экспериментах, ребенок.

Решил попробовать, каково это нюхнуть щепотку понюшки.

У Папы был шикарный нюхательный табак с запахом вишни.

Лежал он в красивенькой круглой коробочке.

И доставался папой только по субботам для замены обычных сигарет.

Каждый раз, в период торжественного доставания, табак Папа расхваливал, друзей угощал и просвещал о том, какие еще полезные добавочки там есть.

От сердца у мамы отлегло и даже немного порадовало – Старшенький, после того как прочихался и начал ясно изъясняться, поклялся даже сигареты в руки не брать, когда вырастет.

Причем совершенно добровольно.

Прошла неделя.

Мама опять на кухне.

Готовка в самом разгаре.

Живот все еще на месте.

Дверной проем и Старшенький в нем тоже.

В этот раз совершенно спокойно сообщающий, что «совершенно случайно» проглотил магнит, для чего-то выковырянный из одной шахматной фигурки.

Мама, успокоившись размерами магнитика, уже не хваталась за сердце.

Просто позвонила Папе и попросила купить в аптеке слабительное для сына.

Уже позже, сидя на кухне и попивая чай, Мама пришла к правильному выводу.

Старшенький до появления на свет младшего поколения решил наверстать упущенное в раннем возрасте.

И выполнить программу-минимум по проглатыванию, нюханию и влезанию во все и сразу.

Из просыпательного

Воскресенье – день особенный.

У Старшенького позже всех начинаются занятия, из-за чего Мама может встать на полчаса позже.

Как раз к тому времени, когда надо будить младшеньких в школу.

Вот и в это утро мама спокойно спала, ожидая, когда на телефоне сработает будильник в назначенные шесть тридцать.

Будильник ожидания оправдал – зазвенел вовремя.

Стоило Маме открыть глаза, как перед ней предстала незабываемая картина.

Тридцать три богатыря…

Вернее…

Оба младшеньких стояли возле ее кровати, полностью одетые.

И сообщали, что зубы они уже почистили и готовы к приему пищи.

Событие было экстранеординарное.

И впервые произошедшее в ее жизни.

Чтобы ее дети сами встали пораньше?

Да еще и Маму не будили?

Без словесных пинков, самостоятельно почистили зубы?

И без вопросов попросили кушать?

Вероятно, слон таки сбежал из сафари-парка и в лесу испустил последний вздох.

Маме даже на минутку показалось, что из открытого окна повеяло неприятно-трупным запахом.

Какой он на самом деле, Мама не знала, но предполагала, что пахнет он именно так.

Последние же слова Средненького, сообщившего Маме, что сейчас не шесть тридцать, а целых семь тридцать, еще больше вогнали ее в ступор.

Как же так?

Вот, на телефоне часы показывают совсем другое.

И будильник звенел тоже.

Решив проверить, кто прав, Мама подорвалась и понеслась в салон свериться с настенными часами.

Те действительно показывали полвосьмого.

Мама на этом не остановилась и сверилась со всеми ручными часами в своем доме.

Телефон проигрывал по всем фронтам.

Мама пригорюнилась.

Телефон ей нравился.

Хорошенький, белый с перламутром.

И даже трехлетний возраст маминого Галакси на фоне стремительно появляющихся новых моделей не менял ее любовь к нему.

Неужто «старичок» заглючил по старости лет, и придется его менять на более новую модель?

Вот так размышляя, как обустроит торжественные похороны своему любимчику, Мама в скоростном режиме покормила младшеньких и выпинала, с пожеланиями хорошего дня, в школу

Старшенький еще спал.

Мама, вздыхая, набодяжила себе большую чашку горячего какао с молоком и начала заливать собственное горе.

Когда за темно-коричневой гущей начало просматриваться донышко, уже почти бывший верный друг сообщил Маме об очередном смс-сообщении, полученном им.

Через минуту Мама влезала в настройки телефона, ругая телефонную компанию за «скорость» и «своевременность», свою несообразительность и любителей вносить поправки в законодательство.

Сообщение было не объемным. Но информативным.

Говорило оно о том, что в связи с поправками внесено изменение в даты перевода времени.

И телефоны со старой прошивкой, если будут стоять на автоматической смене времени, могут перевести время на час назад не тогда, когда надо.

Из написательного

Маме не писАлось.

Ну, вот вообще.

Совсем.

Никак.

Муз в этот день попался очень капризный.

И это ему было не так.

И то не этак.

То мозг недостаточно проснулся.

То, наоборот, излишне проголодался и нужно еще раз подкормить.

То слишком переел и, получив от сытого организма положительные посылы, захотел поспать.

То, поработав пять минут, понял, что сильно устал.

То…

И вот то.

И еще вот это.

Таких «то» мозг выдавал по сотне за минуту.

Глазки мамины медленно закрывались.

Но Муз не терял бдительности.

И все так же нашептывал полусонному мозгу.

Что вечер-то поздний.

Никто его, мозга, усилия не оценит.

Жертву не примет…

А вот если бы прилечь и с компьютером в обнимку, да книжечку почитать…

В общем, саботаж налицо.

Борьба между Музом и Мамой шла на равных.

Но Муз он на то и Муз.

Талантлив во всем.

Даже в плетении сонных чар.

хр…

Из невысыпательного

Маме очень хотелось спать.

Сильно-сильно.

Можно сказать, до невозможности.

Но, как и всегда, это было практически невыполнимо.

Сначала Мама долго готовила, потому что уже завтра надо было опять садиться за стол.

Потом долго бродила и страдала от того, что сейчас не имеет возможности перезвонить Старшенькому и спросить, как у него дела.

Тоже головная боль – на всю ночь с друзьями умотал к Стене Плача на последнее чтение в этом году «Слихот».

Потом, когда Мама, уже немного забыв о переживаниях, практически отключилась, пришел Средненький и, скорчив несчастную мордочку, сообщил, что вот никак больше без мамы спать не может.

Мама практически спящая, хоть это и не в ее правилах, ничего не сказала – просто подняла край одеяла.

Куда шустро ввинтился маленький нытик.

Очередное пробуждение произошло через полчаса, когда в мамину спальню просочился Младшенький, потребовав и себе кусок «счастья» на маминой кровати с маминым же одеялом.

Маме уже было пофиг и, подвинувшись еще немного, попыталась продолжать и дальше дремать.

Не получилось.

Посреди ночи разгорелась нешуточная борьба за место под солнцем.

В смысле у мамы под боком.

Получив пару тычков локтями и коленями, «солнце» в мамином лице выпроводило всех жильцов по своим койкам.

Уйти спокойно ей не дали, потребовав срочно почесать спинку, погладить вдруг заболевшую ножку, оценить заработанную в бою шишку.

Блаженство, испытанное Мамой, когда она добралась к кровати, было почти осязаемо.

На волнах сна опять не удалось покачаться долго.

Под утро приковылял Старшенький.

Нет, ему не надо было ничего чесать, гладить или оценивать.

Ему требовалось общество для «а поделиться впечатлениями».

Ну и фотографиями на телефоне.

Спать больше не имело смысла – скоро надо было делать

капарот.

Мама капарот обычно делала на деньги.

Чем была вполне довольна.

Последний раз капарот на птицу она делала еще, когда была беременна Средненьким.

Крутить круги у себя над головой, держа в одной руке курицу и петуха, очень тяжело.

Даже несмотря на то, что обе птицы были размером ближе к перепелкам, чем к нормальным курам.

Бедным пернатым тоже, видимо, не нравилась устроенная им Мамой карусель вниз головой.

Перепуганные птицы обгадили маме и свитер, и юбку.

Радовало, что до головы не добрались.

«К деньгам», – подумалось тогда маме.

«К большим деньгам», – уточнила она для себя, тщательнее осматривая обгаженную… «обогащенную» территорию.

Из питательного

Иногда Маме казалось, что авторы книг специально над ней издеваются.

А как еще об этом думать, если бедная, сильно уставшая, но не сломленная Мама садится за компьютер немного отвлечься и почитать.

А там в каждом втором произведении кто-то что-то ест: хрустящих курочек, румяных булочек, бутербродиков с семгой, канапешек с икрой.

И это при том, что Мама после семи не ест!!!

Читать вкусно-описанные блюда становится практически невозможно исключительно из-за угрозы захлебнуться с собственной слюной и изойти на нет из зависти ко всем этим: толстушкам и не очень, магичкам, оборотницам, демоницам, эльфийкам, перевертышам, джиниям, альфа-центаврийкам и очередной независимой лаборантке Марии Федоровне.

Которые жрут все это счастье и не полнеют.

Причем вкусно жрут! И не менее вкусно об этом рассказывают.

И совсем не полнеют!

Только титаническим усилием воли и уговорами: «Как лень будет опять идти в ванную зубы чистить» (так никаких денег на зубную пасту не напасешься!).

Маме удается сдерживаться и не навестить своего самого лучшего объемистого пятисотлитрового, хладотворящего, сверкающего глянцевыми боками друга.

Но самое страшное наступает потом.

Когда Папа или Старшенький таки наведываются в кухню – исконно мамины владения.

И, исчезнув в темноте гостиной, начинают отдельно или вместе смачно хрустеть, хрумкать, причмокивать, стуча вилками или шурша обертками.

И ладно бы Старшенький.

У него организьма быстрорастущий, энергию-много-потребляющий.

Но Папа-то, Папе куда бросаться в эти жестокие игры Ночного Дожора?!

А Мамин желудок, услышав подобные звуки, начинает горестно подвывать, обиженно бурчать и тоскливо усыхать, стараясь всеми стенками обмотаться вокруг позвоночника.

Из построечного

Маме очень сильно хотелось кого-то покусать.

Даже не покусать, а загрызть…

Кровожадно и с зубами!

И она даже знала кого!

То ли Папу, за неделю до этого опять улетевшего по делам, но, как Карлсон, обещавшего вернутся…

До праздника.

Вернее, в самый его канун.

То ли его начальника/ компаньона/ заказчика (тут выбор был значительно больше).

В общем, надо зубки поточить об кого-то.

А все потому что…

«Сукку со Старшеньким строите сами – я не успеваю – сказал Папа по телефону, – там легко – справитесь».

Оно, конечно, да.

Мама со всем справится, но…

Зачем ей это надо?

Или уборка-стирка-готовка недостаточны для предпраздничного времяпрепровождения?

Так у нее еще забеги по магазинам.

Это только при покупке чего-то себе любимой шопинг является отдыхом.

А килограммы лука-картошки-морковки и прочее, и прочее никак не способствуют физической и моральной релаксации.

Старшенький же послушал Мамин рык и заверил, что все будет хорошо.

Наступил день «Ч», на который было назначено эпическое событие.

Старшенький с утра позвонил Маме и обрадовал, что ему придет помогать его друг.

Так что Мамина роль будет сводиться только к «принеси-подай».

Мама подумала и решила, что с этой ролью справятся и младшенькие.

А вот Мама займет почетное место руководителя и исполнит роль «покомандуй».

– Не туда ставишь, – уже днем давала ЦУ Мама, – Средненький… Средненький, где те черные пластиковые шляпки, чтобы в угловую стойку внизу вставлять?

– … – выражал свое мнение Старшенький.

– А я тебе говорю внизу. Черные снизу – белые сверху…

Маме со Старшеньким очень повезло в этот раз.

Их семья еще несколько лет назад приобрела новую сукку (название вполне безобидное, обозначающее слово «шалаш», если кто-то еще не догадался), и теперь можно было собирать ее, как конструктор.

Главное, чтобы память не подвела.

Ну или на крайний случай схема сборки сохранилась.

Раньше было намного сложнее.

И им бы было в два раза тяжелее, если бы пришлось, как и многим другим, сбивать гвоздями дощато-фанерные прямоугольные, выше человеческого роста, блоки.

На фоне таких перспектив собрать из прямоугольных труб каркас Маме казалось просто-таки сверхлегкой задачей.

Спустя три часа, когда у соседей все еще рьяно лупили молотками по доскам на балконах, у Мамы уже стояла готовая сукка.

Старшенький с другом такой темп работы взяли, что Мама только успевала моргать… и командовать, куда ж без этого?

Младшие потом тоже были рады скоростному строительству.

И сразу же припахали Маму в деле украшательства их временного (на целую неделю) помещения на балконе.

В общем, довольны были все.

Мама – что все это быстро закончилось.

Старшенький – что эта обязанность больше не висит на нем.

Младшенькие – заказанной по случаю пиццы (Мама все же очень устала со всей этой беготней.)

Друг Старшенького тоже был доволен.

Наверное, выполненной работой.

Хотя Мама и не могла сказать, что только поэтому.

Но пообещала себе, как-то отблагодарить отзывчивого ребенка.

Да, для нее он тоже, как и Старшенький, ребенок.

Даже если ему уже за семнадцать.

Из плохо-выученного

Первая неделя после продолжительных осенних праздников.

Мама и Старшенький, которому повезло на неделю больше каникул отхватить, встречают малолетних босяков семейства.

Звонок в двери, и Старшенький открывает.

Первым входит Младшенький, протягивает Маме конверт и говорит:

– Мама, а Средний себе палец отрезал.

Мама со Старшеньким медленно, но уверенно глаза принимают форму блюдца и опускают взгляд на протянутый до этого конверт.

Немая сцена.

Хотя пятен крови нигде не видно, но он (конверт) пухлый весь… и весь какой-то помятый.

Через полчаса, разобравшись во всем, Мама костерила всех:

И Младшенького за лень и нежелание правильно формулировать мысль на русском.

И Средненького за порезанный (!) палец.

И Старшенького, который до сих пор ржал, что тот конь (отходняк у ребенка после стрессовой ситуации, что поделаешь?) …

И себя, грозясь всем и каждому мозг выесть, но заставить нормально изъясняться… и на русском в том числе.

Чтобы не доводили ее до состояния цугундера.

Из празднично-традиционного

Вы когда-нибудь сидели в закрытых кабинках в ресторане?

А если они еще и без звукоизоляции?

Вот и у Мамы было такое же чувство.

Стук вилок о тарелки, звон бокалов, бульканье бутылок.

Разговоры, песни, смех и болтовня детей.

Сверху, снизу, по бокам.

С соседями не обязательно друг друга видеть, чтобы перекидываться друг с дружкой парой слов.

Совершенно удобно спросить, есть ли лук (а то на салат не хватает), и отправить за ним к соседям кого-нибудь из детей.

Кажется, что вся страна на неделю переехала жить на балконы в сукку.

И оно так и есть.

Некоторые даже затаскивают после застолья внутрь раскладушки или надувные матрацы и спят там.

А почему нет?

Свежий воздух, тепло и места достаточно, а еще… тра-ди-ци-я.

Папа у Мамы тоже решил в сукке поспать.

Забыл Папа только об одном.

Он давно не тренировал соседей.

И за пятимесячное его отсутствие они как-то подзабыли, какие рулады спящий за стенкой Папа умеет выдавать.

Ночь.

Первый день праздника.

Папа вырубился на балконе часов в десять – свежий воздух, чтоб его!

Мама уже давно выработала иммунитет и на такие вещи, просто не реагируя, засыпает.

Над парком плывет мощный храп.

Подсвистывает, выпевает, выписывает рулады.

То затихая, то с новой силой набирая обороты.

Спит Папа…

Дремлет Мама…

Соседи… пока молчат.

Примерно в час ночи раздается скромное царапанье во входную дверь.

Делегат от общественности с кучей извинений…

Переживая, что не дает в полной мере отдать дань традиции и восхищаясь музыкальным слухом исполнителя (еще бы!),

Интересуется, можно ли перебазировать «музыканта»

в помещение, потому что мощный бас с нашего балкона слышится, даже если уйти с их балкона и наглухо законопатить все окна-двери.

Мама милостиво соглашается посодействовать.

И… словесными увещеваниями и пинками гонит Папу на кровать.

Обещая утром рассказать причину и все подробности своего бодрствования.

Из празднично-традиционного-2

Маме всегда казалось, что после окончания первого праздничного дня Суккота и перехода к полупраздничным народ вокруг делает свободный облегченный выдох и…

Нэмножко дуреет.

Правда, делает это культурно, безалкогольно и совершенно безбашенно.

Не понятно: то ли из-за того, что довольно спокойно пережили десять дней раскаянья и Йом Кипур.

То ли потому, что праздничный марафон, включающий в себя систематические застолья и постоянные забеги по магазинам, вышел на финишную прямую.

А значит, денежные вливания в торговую инфраструктуру, наконец, можно будет перекрыть, оставив лишь маленький ручеек купюро-потока.

Но факт остается фактом – вечер после окончания первого дня Суккота просто взрывается звуками, как буря после долгого затишья.

Песни и музыка, разносящаяся над парком и отталкивающаяся от стен, близлежащих домов, звучит допоздна.

О папином храпе и его влиянии на сон соседей уже можно и не беспокоиться.

Соседи сбоку напевают под караоке свои бразильские мотивы.

Снизу под праздничный салат целый американский концерт с электрогитарой, бас-гитарой, израильской дарбукой и армянским дудуком.

У соседей сверху дети устроили хоровод.

По крайней мере, судя по слоновьему топоту практически над Маминой головой, так оно и есть.

Какофония звуков утихает ближе к двенадцати, сменяясь полуночными тихими разговорами взрослых и редким позвякиванием рюмок-бокалов-бутылок – дети уже спят, а значит, можно нэмного расслабиться.

Так, чисто символически, для поддержания разговора.

Впереди несколько дней иногда даже совсем не тихого (с детьми он по определению тихим быть не может) семейного отдыха.

Поездки в гости.

Поездки гостей к вам.

Поездки на море, в зоопарк, сафари-парк, луно-парк и еще-какой-то-там-парк.

Программу-минимум по музеям семья обычно выполняет еще весной в пасхальные праздники.

И главное, никто особо никуда не спешит.

Удивляло Маму всегда одно – все происходящее из года в год ее совершенно не раздражает.

Наоборот, так и тянет к следующему году и себе устроить что-нибудь этакое.

Из лечебно-травматического

Суббота.

Утро.

Семейно-парадная трапеза в салоне.

Семейство в неполном составе (Папа как всегда отсутствует, но обещал скоро поприсутствовать) кушает, делится новостями.

Начинается новая тема обсуждения.

Младшенький:

– Мама, а если посыпать соль или перец, как куркуму, рана тоже заживать будет?

Мама:

– Нет, наоборот, будет печь сильно.

Младшенький:

– А печь будет, как если бы рану порохом прижигали?

Мама настороженно:

– Нет, горящий порох останавливает кровь в ране, а соль-перец рану только раздражает.

Младшенький:

– А если раскаленным ножом к ране приложить то, что он делает?

Мама задумчиво смотрит на Старшенького.

Старшенький:

– Мы вчера «Рембо» твое смотрели, определялись, чем это вас таким в моем возрасте киноиндустрия «кормила».

Мама Младшенькому слегка испуганно:

– Вот только не надо на себе никаких экспериментов проводить.

Младшенький, оперативно среагировав:

– А на других?

Мама нервно:

– На других тем более.

Младшенький примирительно:

– Так что там с раскаленным ножом?

Средненький, пытаясь уберечь от нервного срыва Маму:

– Если порохом или ножом прижигают, то там все эти маленькие механизмы погибают и кровь становится чистой.

Мама уже шокированно смотрит на Старшенького.

Старшенький Средненькому сочувственно:

– Следующий сезон «Трансформера» ты увидишь не скоро.

Вот она – связь поколений!

От Рембо до Трансформеров.

Из морского

Несколько лет назад, осенью, прилетала мама нашего Папы.

Папа решил устроить своей маме развлекательно-оздоровительную программу.

На море в такое время ездить самый кайф, а на Мертвое море – кайф двойной, так как оно расположено ниже уровня моря и там летом обычно находиться вообще невозможно из-за температуры воздуха, зашкаливающей выше +45.

Так вот, Мертвое море.

Пляж, по традиции поделенный на две части (мужскую и женскую) высоким ограждением.

Вышка спасателей, которые с русским акцентом периодически окликают особо увлекшихся в лежании на спине поплавков, которых начало относить далеко от берега.

Папа, смывшийся со Старшеньким, Средненьким и Младшеньким на свою половину.

И Просто-Мама с Папиной мамой сами перед всем этим солено-минеральным великолепием, любуясь красотами, готовились к водным процедурам.

Даже любители точечной и игло… – терапий без обуви в это море не входят.

Потому, натянув поплотнее на ноги кроксы, пошли в «заплыв».

Причина таких мер проста – соль, которая покрывает все: дно; поручни лестницы для пожилых людей, что спускаются в воду по пологому пандусу; сам пандус; металлическую трубу изображающую столб у большущего зонта и даже металлический круг, опоясывающий тот самый столб.

В общем, идут по воде Просто-Мама с Папиной мамой, бродят.

Вода, словно мыльная с плавающими тонкими пластинками кристалликов, что на солнце бликуют.

Папина мама пару раз окунулась, но плавать боялась (позже Просто-Мама поняла почему, но было поздно).

Присесть в воде негде.

Не сильно-то и посидишь на кусках соли у тебя под ногами.

Тут уж либо стул пластиковый с собой тащишь, либо сидишь на воде (в прямом смысле этого слова). Правда, в таком случае лучше себя, как лодку, пришвартовать к какому-нибудь столбу.

И тут Просто-Мама сделала самую большую ошибку – повела Папину маму к тому самому огромному зонтику, под которым на железном круге, что к нему крепится, грушами висели остальные

тетки.

Тетки попами не светили, создавая впечатление своего стояния на твердой почве и, вполне управляя своими телами, держат ножки внизу.

Это-то Просто-Маму и сгубило.

То, что под зонтиком у круга немного глубже, она поняла, когда со своим полтора метра в кепке начала идти на носочках, пока не схватилась за круг и не повисла на нем еще одной грушей.

А вот Папина мама, которая ниже даже Просто-Мамы… (то есть уже без кепки).

Тоже повисла на кругу.

Только не столбиком, ножками вниз, как все остальные дамы.

А немедленно всплыла попой кверху.

Ну да, аэробикой, зумбой и прочими упражнениями по физподготовке Папина мама в жизни не занималась.

Потому дать своему телу установку стать, как надо в воде, которая так и норовит это самое тело вытолкнуть, а не покачиваться тряпочкой на небольших волнах, не смогла.

Понимая, что телом своим она уже совсем не управляет – запаниковала, а дальше…

Вы когда-нибудь пробовали корковую пробку втолкнуть в воду? А сели эта «пробка» килограммов на …сят вас тяжелее?..

У Просто-Мамы было то же самое – она ее вталкивает, а та выскальзывает и все так же плавает поверху, отчего паникует еще больше.

А если вспомнить еще, что этой «пробке» Просто-Мама еще и в объемах уступает…

Дамы-груши, не разговаривавшие по-русски, наблюдавшие сие представление, загомонили о том, как нелегко приходится дочерям с некоторыми мамами.

Услышав от пыхтящей Просто-Мамы, что это вовсе не ее мама, а мама Папы, посмотрели сочувствующе-уважительно (некоторые недоуменно, типа «что ж ты ей помогаешь? Топить надо! Топить») и приняли участие в спасательных работах.

Совместными усилиями Папиной маме удалось принять вертикальное положение, и она, вцепившись в Просто-Маму, начала делать тактическое отступление кормой вперед в сторону песчаного пляжа.

Просто-Мама уже мысленно проклинала все: и Папу, и его маму, и само море, и помахавшую прощально ручкой возможность нормально побултыхаться в этой богатой минералами пересоленной воде.

Весь оставшийся кусок до оговоренного время «Ч» встречи с

Папой и Ко.

Просто-Мама сидела на скамейке рядом с Папиной мамой, любуясь видом на море, и перемывала косточки всем знакомым.

Занятие тоже в своем роде полезное…

Из мечтательного

Мама мечтает о многом.

Правда, мечты эти редко исполняются или, наоборот, в таких вариантах это исполнение осуществляется, что лучше б его вообще не было.

В такие моменты у Мамы возникает закономерный вопрос: «А что это было? Исполнение желания или наказание за то, что желалось вообще?»

Потому желать что-либо Мама уже давным-давно остерегается, надеясь, что оно как-то само того… этого… сбудется…

При благоприятных обстоятельствах.

К мечтам же Мама относилась и того более трепетно, воспринимая их скорее, как сладкий чарующий сон-фантазию, чем побуждение к действию.

И не сказать бы, что Мама инертна.

В любой жизненной ситуации она будет выкручиваться, цепляться, тянуться, не отпускать и держаться бульдожьей хваткой.

Но мечты…

Материя тонкая.

Наукой не изученная, а скорее не замученная.

И совершенно Маме неподвластная.

А ну как помечтаешь так, чтобы тебе помогли сменить работу и вместо старой взяли на новую гипотетическую службу с большой зарплатой, а потом окажется, что тебя раз и… уволили.

И сразу тебе такой простор в поисках «сверхновой» и «больше-зарплатной».

В общем, мечты и желания одна сплошная засада.

Не мечтать у Мамы тоже не получалось.

Поэтому, чтобы не попасть впросак со всякими там «больше-зарплатными» Мама решила мечтать глобально-фантастично.

А что? И мечтаешь, и от этого никак не страдаешь.

Потому что реально понимаешь, что даже если оно, это «глобальное» и «фантастическое», сбудется, то явно не при Маминой жизни, уж точно.

А значит, страдать ей по этому поводу точно уже не придется.

Творческая

Младший на радостях от возвращения Старшего из двухдневного похода с классом, после долгого заучивания и энного количества раз просмотров решил в лицах расписать сценку поиска своей возлюбленной в монастыре Д'Артаньяном-Боярским из «Трех мушкетеров»:

– Констанция, где ты, где ты?! Констанция, где ты?! Где ты, блин, Констанция?!.

Интонации возмущения были настолько искренни, что не обратить на них внимание не представлялось никакой возможности.

Оттого и рождалось в душе тихое веселье…

Проще говоря, Мама тихо ржала за углом, Старший, прикрыв рот рукой, «кашлял», в общем, «зал аплодировал стоя».

Домашняя

Что нужно для того, чтобы пощекотать здоровенного лба выше вас на полторы головы?

Проводим локтевой захват шеи, прикидывающегося спящим противника, наваливаемся всем корпусом и начинаем его щекотать.

На вопли типа: «мама перестань!», «что за телячьи нежности!» и «я уже взрослый!» не реагируем, как и на попытки вас сбросить.

И, дабы окончательно сломить сопротивление на пути к смеху, начинаем вопить: «А мама просто так, что ли, лишний вес набрала на ваших каникулах! Мама, что твой танк – теперь тебе меня не сдвинуть!»

Всё! Цель достигнута! Враг повержен! В смысле, ржет, как конь вместе с Мамой, и уже не сопротивляется продлеванию жизни посредством смеха.

Заметка начинающим врачевателем смехом:

Внимание!!! Учитывайте излишек собственного веса, дабы не придушить в порыве счастья собственное чадо.

Коротенькая-суржиковая

Как разговаривает ребенок из русскоговорящей семьи, посещающий израильский детсад, где практически все дети англоязычные?

Примерно, как Младшенький пару лет назад на День варенья своего брата: «С Йом рождения ту юуууууууу!»

Напевая мелодию «Хэппи Бёздей».

Йом – день на иврите (прим. автора).

Из ночного

Начало второго.

Мама только легла спать.

Состояние полудремы.

Открывается дверь детской – Средненький вышел посетить клозет.

Через пять минут голос оттуда:

– Мама, у тебя новые соседи…

Полусонная мысля:

«Какие новые соседи?»

«Ночь на дворе!»

«Почему «твои», а не наши?»

Дальше уже пошли более осмысленные:

«То ли у ребенка бред, то ли не проснулся совсем».

Решила проверить, какая из версий верная – поплелась к нему:

– Какие соседи? – с виду, казалось, вполне вменяемое состояние у ребенка.

– К тебе в комнату только что ящерица заскочила, – и улыбка на все свои молочные, постоянные и отсутствующие зубы.

Ну да, чего б ему не лыбиться, он же знает, что Мама теперь спать не ляжет, пока не отловит нового временного постояльца.

На переполох из комнаты выполз Старший и (после маминых визгливых: «я же не засну, зная, что она по мне может шастать!») решил тоже принять деятельное участие в «охоте».

Она все же состоялась. И даже вполне успешно.

Полчаса спустя запыхавшийся Старший, ржущий Средний и облегченно вздыхающая Мама выдворяли со своей территории временного квартиранта за периметр, то есть на улицу, из переносной тюрьмы в виде большой кружки, накрытой непонятно откуда тиснутой картонкой.

«Надо-таки завести кота или кошку – подумала Мама, сладко позевывая и собираясь еще досмотреть свой сон, – пусть бы сама охотилась на временных переселенцев, косяком лезущих каждую осень в нашу квартиру».

Из аппетитного

Мама всегда думала, что в своей рекламе пиццерии лепят количество иксов от балды.

Главное, чтобы побольше было.

Заявленные очередные XXL или XXXL уже давно не воспринимались, как нечто сродни колесу от КамАЗа.

Причем в каждой пиццерии свои параметры соответствия в сантиметрах всем этим иксо-элям.

Не, ну реально, как это еще воспринимать?

Сами предъявители икселевой тематики тоже понимали, что все не просто так.

И дабы не было проблем с потенциальными покупателями бесконечного иксового «счастья», внизу маленькими цифрами указывали диаметр в тех самых «см».

Тоже в принципе неплохо, но…

Это что же, Маме нужно каждый раз перед заказом бегать за сантиметром?

Чтобы определить – подходит это «колесо» ее семейству по размерам на съедание или нет?

Опять же вполне себе могут быть проблемы и ошибки с визуализацией всех этих сантиметров на все это мучное великолепие.

В общем, засада.

Потому Мама в выборе пиццерии для заказа стала еще консервативнее, чем в выборе кухонных Штучек, Которые каждый раз пытается ей всучить, в смысле «подарить», Папа.

Из воспоминательного

Младшие уже второй час ныли Маме о том, что таки пора.

Раз в несколько месяцев дети вспоминают, что они давно не видели видео про Дядю.

Дядя, муж Маминой сестры, был для них предметом восхищения.

А диски, передаваемые Маме с очередной оказией с малой родины, поводом для выедания Маме же мозга.

Ну да, что может быть лучше, чем сесть перед DVD-плеером и посмотреть очередной сезон гонок на выживание.

Покомментировать под динамичное техно-музыкальное сопровождение типа: «Куда ты прешь?!»

Покивать важно головой под очередное интервью с участниками гонок.

И в очередной же раз полюбоваться заработанной Дядей неизвестно-какой-по-счету-медалькой.

Периодически, в особо кульминационные моменты, ставя воспроизведение на паузу и зовя Маму с кухни на «посмотреть».

Мама и в этот раз не избежала своей участи.

Поставила, когда надо, прибежала-покивала, поподдакивала

И если было надо, пообъясняла…

Продолжение тоже было традиционно-почти-ритуальным.

По окончанию диска Маму уговаривали достать альбом с фотографиями.

На которых Дядя совсем еще зеленый и почти девятнадцатилетний прыгал по трассе на мотоциклах, парил в воздухе и стоял на очередном пьедестале с очередным же кубком.

На этом вечер спортивных воспоминаний плавно переходил в просто-воспоминаний и заканчивался только после просмотра последней старой, почти столетней давности фотографии из Аргентины, с прилагающимся к ней письмом от сестры Маминой прабабки.

Которое загадочным именем «Роберто» (как звали сына двоюродной Маминой прабабки, а проще говоря троюродного Маминого деда) навевало на Маму ностальгические воспоминания о всех просмотренных в детстве-юности мексикано-аргентино-бразильских сериалах.

Из газетного

Мама с утра ликовала.

И думала о том, как же повезло, что Старшенький пойдет не в этом, а в следующем году в армию.

Еще пару лет назад она уже читала о том, что армия, наконец, взялась за ум и изменила рацион солдат в сторону более здоровой пищи.

Оно и понятно, несмотря на все нагрузки, форму служащим менять приходится слишком часто – так никаких денег не напасешься.

В прошлый раз руководство решило полностью заменить еще иногда попадавшиеся в меню сосиски курицами.

Что такое для еврейской мамы курица, вам рассказывать не надо.

И то количество блюд, которых из нее можно слепить, тоже не перечислишь.

Один наваристый бульончик чего только стоит.

Но… не единой курицей жив человек.

И угроза в виде остальных напастей, так любимых с младенчества местными детьми, но столь же неполезных, Маму беспокоила пресловутым «как бы чего не вышло».

Как же сынок обойдется без полезных супчиков, нежирных котлеток, оздоровительных салатиков?

Ситуация.

И тут, будто ее мысли услышали сверху – Мама набрела на еще одну статейку.

Что бальзамом пролила на измученную душу последние решения армейского руководства.

И завтраки им сделают более здоровыми, сократив до минимума блюда с содержанием шоколада.

И рыбку разнообразят, вместо традиционного тунца в тарелке.

И на обедик Дитя получит макарошки из цельной муки, и рисовую смесь с кокосом под соусами исключительно на основе растительного масла.

Любимая детенышем кукуруза, менее любимые финики и даже красная икра(!) тоже посетят его стол.

В общем, душа у Мамы пела.

О том, что делали души командного состава, Мама была не в курсе, но…

Видимо, расходы на частую смену формы военнослужащим превысили все возможные границы.

Мама уже обдумывала о том, что как раз к призыву все нововведения войдут в обычный режим и ребятенок придет на все готовое.

Но, поразмышляв еще немного, Мамино ликование только возросло.

От одной мысли, сколько теперь всякого вкусного (пусть и немножечко не полезного) Мама сможет купить для того, чтобы порадовать деточку в увольнительной…

В общем, армейское руководство может спать спокойно,

Зная остальных местных мам, Мама не удивится, если форму будут менять так же часто, как и до нововведений.

Ведь так приятно порадовать вкусненьким ребенка.

Из наследственного

Видимо, это карма.

Ну а как еще это обозвать?

Мама с обреченным видом смотрела на еще недавно целехонькое флисовое покрывало.

«Это у него от меня», – с непонятной смесью гордости и паники думала она.

Вспоминая, как в детстве, прячась за горой подушек, вырезала дырки на коленках в новеньком, недавно присланном теткой гэдээровском вязаном костюмчике.

Красно-белый с яркими цветочками, в Маминых глазах (когда Мама еще была просто шестилетней буйствующей хулиганкой) без дырок на коленях он выглядел не так гармонично, как с ними.

Старшенького и Средненького сия генетически-наследственная страсть миновала, а вот Младшенький…

То глаженую рубашку Старшенького, висящую на дверце шкафа, нужно ножницами подправить.

Оттачивая свое мастерство до совершенства.

То в пододеяльнике, для доставания совершенно необходимой игрушки, дырку раскромсать.

Причем сделать это виртуозно – так, чтобы мама обратно заштопать уже не смогла.

То скрыть следы другого своего «преступления» на флисовом изделии.

Этот ножницеман решил попробовать себя в роли юного пиротехника и проверить, как будет плавится флис, если к нему приложить только что затушенную спичку? А если не одну?

Флис плавился неплохо – дырка получилась замечательно-обугленно-черная.

И у юного вредителя возник новый вопрос: «Как скрыть свою “шалость”?»

Ходить далеко не пришлось, давний друг – ножницы – всегда был лучшим помощником.

И уж лучше огрести от Мамы за уже знакомую и понятную тягу к экспериментальной резке.

Чем за новую и более опасную.

Возможно, у Младшенького и прокатило бы, если бы Мама с достойным любого гэбиста нюхом на неприятности не начала «копать» дальше.

И не раскопала сохраненный на память и заныканый в самый темный угол кусок покрывала с обугленной дыркой…

Из размышлятельного

«Нельзя!»

«Нельзя, – думала Мама, – ставить на почте в одну смену двух сильно коренных представительниц ближневосточного происхождения».

Они же полностью лишены европейского лоска и американской практичности а-ля «время-деньги».

Почтовое отделение медленно, но уверенно превращалось в восточный базар.

Маме даже на секунду повеяло ароматом специй в воздухе.

Вопросы: «Кто остается работать после обеда» и «Кто кому звонил, чтобы договориться» выяснялись уже в течение часа.

Делалось это одновременно с работой.

А потому она, работа, продвигалась медленно.

Очень медленно.

Зато присутствующий в очереди народ мог вникнуть во все перипетии «американской восточной трагедии».

Можно сказать, прочувствовать в полной мере.

А как хорошо было, когда на почте работал дяденька.

Ну и что, что один?

Зато как работал…

Ни очередей особых, ни трескотни на все отделение (потому что тупо не с кем).

В общем, идиллия, честное слово.

Этот дядечка один обслуживал всех вместе взятых быстрее, чем эти две… многоуважаемые ближневосточные дамы.

Из обедного, сложно-произносимого

Опять суббота.

День.

Семейная трапеза.

Младший пытается задать свой сто сорок первый очень важный вопрос.

Мама же, наоборот, пытается успеть хоть что-то съесть в перерывах между…

Средненький, наблюдая за мучениями Мамы, пытается защитить ее от младшинского произвола:

– Младший, ты что, не понимаешь?! Когда мама ест, она – глух и никого не слушает!

Из звериного

Ночь.

Тишина.

В полуприкрытое окно дует легкий ветерок.

И тут началась она – песня.

Мама уже привыкла.

Хотя раньше специально вскакивала, чтобы подобраться тихонько к окну и подсмотреть в щелочку, боясь спугнуть «певцов».

Звонкая.

Немного заунывная.

Тянущаяся вдоль всего тихого парка.

Она звучала.

Слышимая в каждом доме.

К первому голосу присоединяется второй, потом третий…

Вот уже набрался целый хор койотов.

Которые своим прерывистым подвыванием то ли выносят людям мозг.

То ли убаюкивают (кому что больше подходит).

Стая постепенно удаляется из парка подальше в горы.

Шлейфом унося за собой звонкий, тявкающий вой.

Из почитательского

– Где реки крови?! Ошметки?! Экшн?!

Старшенький увидел Маминых персонажей в новой книге.

Мама и сама уже не рада была, что рассказала ему, какие темы у нее для происхождения героев берутся.

– У тебя же тут такая основа! В такой боевик раскатать можно! Да тут только на одной крови полкниги проживет!

Тем временем продолжал разоряться юный критикоман.

Нет, Мама, конечно, понимала, что в его возрасте тоже с большим интересом рассматривала в кино, как очередная жертва убегала от обаятельно-сумасшедшего маньяка.

Или как та же жертва, забежав в гараж, лезла в нижнее окошко для собак в поднимающихся жалюзеобразных воротах.

Звук сломанного позвоночника, застрявшей на половине сего нелегкого пути и ставшей причиной стопора для ворот, жертвы в кинотеатре был слышен хорошо.

Точно так же как хорошо видна капающая кровь со свисающей руки жертвы, торчащей из наполовину поднятой створки.

Пытаться объяснить повзрослевшему ребенку, что в принципе Мама против «тра-та-та», «крови-кишки-торчащие-кости» ничего не имеет, но…

То ли Мама повзрослела…

То ли постарела (об этом Мама особенно старалась не думать)…

Но как-то не прут ее уже эти самые размазанные тонким слоем кишки в натуральную величину.

– А давай в следующий раз ты придумаешь ма-а-аленький тако-о-о-ой боевичек с пострелялочками.

Просяще-горящие глазки родного дитяти (даже если оно на почти полторы головы выше самой Мамы) тяжелое испытание для ее нервов.

Из сильно-коротенького

Знаете, что такое студенческая ярмарка?

Ну, когда собираются представители разных вузов,

Ставят стенды и начинают вести разговоры с будущими абитуриентами.

А теперь представьте себе почти то же самое, но в армии.

Не представляется?

Вот и Маме тоже как-то не очень.

А ведь такое существует.

Старшенькому на мобильник пришло смс-приглашение на ознакомительную встречу с представителями разных подразделений, куда бы он мог пойти служить.

Мама в шоке.

Из обучательного

Мама уже полчаса спорила со Старшеньким.

Если бы был Папа, Мама, конечно, спорила бы с ним, но…

Папа далеко, по скайпу с ним много не наспоришь – эффект совершенно не тот.

А поспорить хотелось хоть с кем-то.

Настроение у Мамы было такое спорщицкое.

Мама Старшенькому доказывала, что он ей всю последовательность в обучении ломает.

Старшенький же доказывал, что плюс-минус год уже никакой разницы не играет.

Мама твердила, что все равно ни фига не поймут.

Старшенький настаивал, что по смыслу догонят, а потому вообще втянутся.

Причина спора сидела рядом, вернее даже две причины, и только глазами хлопали.

Все дело в фильмах-мультиках.

В стране все англоязычные фильмы шли в прокате и на дисках без озвучки на местном языке.

Только в оригинале и с субтитрами на иврите.

Даже диски с передачами «National *Geographic*».

Мама так особо и не поняла почему?

То ли потому, что это второй государственный язык английский.

То ли – принято здесь англоязычный вариант смотреть с оригинальной озвучкой, голосами известных голливудских актеров.

В общем, как-то все не понятно и Мамой особо не вникаемо, пока Старшенький не начал приобщать малышню к фильмам на английском.

Так сказать, подготовительная группа к будущим урокам английского в школе.

– Вот видишь, видишь! – восторженно восклицал Старший, после того как услышал из уст Младшенького имя Джека Воробья с американским акцентом, – работает же!

Из козаностренного

В ульпане, в группе, Мама была единственной русскоговорящей.

Немного американцев, немного французов, немного испаноговорящих, один еменец…

И даже преподавательница иврита была родом из Португалии.

В общем, компания разношерстная, но веселая.

Учиться тоже было весело и даже вдвойне полезно.

Потому что наравне с ивритом приходилось в онлайн-режиме вспоминать и немного подзабытый английский.

В группе Маму, шутя, называли «мафиозо».

Ну да, мало того что русскоговорящая, так еще и дружит с, рядом сидящей, колумбийкой (та тоже от мафиозно-кланового амплуа не отделалась).

Колумбийско-русскоговорящий союз был на удивление плодотворным для обеих сторон.

Колумбийская картелианка демонстрировала многочисленные фотографии родственников/ друзей/ знакомых и достопримечательностей.

Мама же свою колумбийскую «коллегу по мафии» подтягивала в практике разговорной речи.

Ну, нет у них в языке различия звуков между «б-в» или «ш-с».

Несчастная женщина отчаянно тренировалась правильно шипеть, бэкать и «*h*экать».

Шэбэ*h*экалось с трудом, но упорства дамочке было не занимать,

Как и Маминого терпения тоже.

Ежедневные пятичасовые тусовки группы на протяжении шести месяцев совершили невозможное.

«Колумбийский картель» местного разлива заговорил.

Пусть и со сбоящими переходами с «ш» на «с».

Но сдвиг был огромный.

Русскоязычная мафия тоже была довольна – с легкостью могла перейти на иврит и уже на слух воспринимала англо-колумбийский суржик.

Потому что вместо одного языка получила сразу два плюс бонусом колумбийские эмоциональные словечки.

Американская часть группы все больше хихикала над мафиозной парочкой.

Можно сказать – иногда даже ржала,

Что «русская мафия» взяла под опеку «колумбийский

картель».

А значит, скоро на одного хорошо устроенного мафиозо в стране станет больше.

Ведь куда ни сунься, везде «свои люди».

Приехал в ульпан начальник отдела мэрии по работе с новыми репатриантами – русскоговорящий.

Главная бухгалтерша мэрии – тоже.

И даже на встрече с министром абсорбции мамины одногруппники неожиданно признают в той русскоговорящую даму.

«Коза ностра» протянула свои щупальца везде.

Маме же пришлось делать шуточную распальцовку.

И на них, пальцах, объяснять принципы работы мотивации в данном вопросе.

Когда совдеповский английский из школьного курса у людей на уровне «моя твоя не понимай».

Волей-неволей грызешь еще один государственный с особым рвением.

Потом с таким же рвением грызешь повторно гранит науки, дабы выбиться в люди – времени на это с каждым прожитым годом становится все меньше.

Из легендарного

Решив порадовать детей и для собственного общего развития, Мама купила совершенно замечательную книгу с легендами Шотландии.

Мысленно потирая ручки и предвкушая предстоящее удовольствие от прочтения, открыла ее и решила начать с предисловия.

В нем долго рассказывали о тех, кто собирал и составлял первые сборники устного крестьянско-шотландского творчества.

Потом несколько раз особо делали ударение на то, что отношение к волшебному миру и к Фейри, в частности, у шотландцев значительно отличается от той же мифологии Англии.

Если у англичан феи и волшебный народец всегда были милы, добры и немножечко хитроваты.

То в шотландском фольклоре рассказы о дивном народце отдавали некоторым фатализмом.

В общем, Мама впечатлилась, но… не придала этому особого значения.

Ну, мало ли на каждое мнение всегда есть другое мнение и вряд ли их сказки такие уж страшные.

Усевшись на диване с детьми поудобнее и открыв раздел «сказки для самых маленьких» (Мама все же помнила о фатализме и решила начать с малого).

Принялась читать первую сказку.

Сказочка была действительно детская, с фатализмом никак не связанная, и по сюжету напоминала что-то среднее между «Рукавичкой» и «Бременскими музыкантами».

Детям самое то.

Сказку закончили и немного поболтали о ней.

Пока между младшими шло пятиминутное обсуждение прочитанного, Мама решила взглянуть одним глазом на следующую.

И тут настиг ее ОН, фатализьм.

Сначала глаза зацепились за «песенку белого голубя»:

«… фьють-фьють, меня мама убила…»

У Мамы почему-то сразу в памяти всплыла старая песенка из «Запрещенных Барабанщиков»: «Ай-я-я-яй убили негра, убили…» (ассоциация у Мамы такая, что поделать?).

Заинтересовавшись тем самым обнаруженным фатализмом, Мама все же вернулась к началу легенды.

Начало рассказа окончательно повергло ее в ступор:

Жила семья крестьян, в которой было двое детей – дочка и сын.

Некая мама получила от некоего папы зайца и указание приготовить его ему, папе, на ужин.

Папа ушел работать, а мама принялась за готовку.

Приготовилось быстро, и мама начала пробовать.

Распробовать она никак не могла и все пробовала, и пробовала.

Допробовалась до того, что от зайца ничего не осталось.

(Какая-то слишком голодная шотландская мама.)

Встал вопрос: что делать?

Муж вернется, а ужина из зайца нет!

Что делает эта «умная» мама?

Зовет к себе своего сына.

Дальше без, так любимых Старшеньким, кровавых подробностей сообщается, что эта «умная» женщина подала ужин мужу… с Джони (так звали сына), выдавая его за зайца.

Предъявленным фатализмом Мама впечатлилась… даже слишком.

Продолжения и встречу с дивным народцем в этой сказке решила не дожидаться и переключилась на менее травмоопасное для детской и своей собственной психики чтиво.

И строго себе наказала – эти сказки, без предварительного просмотра и цензуры, детям читать никак низ-зя.

Из диетического

Кто привел туда этого диетолога?

Мама была готова рвать и метать.

Нет-нет, она, конечно же, за здоровый образ жизни, но…

Но не тогда, когда ее растущий не по дням, а по часам ребенок начинает считать съеденные калории!

Оказывается, одноклассник Старшенького привел в класс своего родственника, довольно популярного местного диетолога (Мамы там рядом не стояло и в диплом по профессии не заглядывало).

Диетолог пришел не просто так (еще бы!), а со своими модными весами, графами и таблицами расчета правильного питания.

Выпускной класс решил заняться подготовкой своего организма перед призывом (Маме уже становится страшно!).

Старшенький сначала порадовал Маму, что она его таки правильно кормит и ничего жирового-лишнего в его организьме нет.

А вот чтобы так продолжалось и дальше…

На третий день Мама не то чтобы взвыла, но была близка к этому.

Десять минут доказывать, что маленький кусочек сливочного масла не приведет его жизнефункционирующий аппарат, а в частности сосуды и сердце, к полному охолистерининванию, было тяжело, но исполнимо.

Тщательное разглядывание состава и содержания бутербродного плавленого сырка тоже еще было вполне… терпимо.

Но когда ребятёнок отказался от отварной куриной грудинки(!), Мама не выдержала.

«Дайте мне этого гада телефон, я его хоть за горло подержу!» – роились в Маминой голове мысли о судьбе горе-диетолога.

Курица для нее – это святое!

Из пиратского

Мама задалась интересным вопросом: кем быть лучше, пиратом или охранником? (Не обращайте внимание – это она газетку как-то почитала.)

С одной стороны, по статистике сомалийские пираты только на выкупе заложников только за 2011 год срубили 160 миллионов американских зеленых и шуршащих.

Это ж какие деньжищи, если учитывать еще и все остальное, что им удалось захватить и продать – контрабандные товары хоть и стоят в половину дешевле, но в таких количествах тоже дают неплохой навар.

Сами суда тоже можно за еще одно отдельное вознаграждение отдавать.

С другой стороны, работа опасная, не долгосрочная и социальных выплат после нее не предвидится.

Опять же таки нарваться можно, да… на нашу местную охрану.

А наша охрана на такие рейды набирается только из боевых частей.

Недавнее сообщение о том, как сомалийцы потерпели поражение после двух попыток взять на абордаж судно с израильской охраной, тоже внесло свой вклад на чашу весов Маминых мысленных метаний.

А что? Водят же наши боевые летчики воздушные суда местных авиалиний.

Почему бы и бывшим боевым спецам с пиратами не повоевать?

Романтика-а-а!

Мама решила! В этой жизни уже не успеет, но в следующей…

В следующей жизни в пираты не пойдет!

Из должностного

Помните, как после выборов нового президента в любой стране дается примерно месяц (если не больше) на передачу всех полномочий предыдущим?

Старший тоже решил, что раз его могут скоро забрать с армию (через год!), то и он должен передавать постепенно свои полномочия младшим.

И постепенно приучать к тому, что и как делать правильно.

Смена «власти» стала происходить постепенно.

Начиная с периодического подметания полов…

Мытья посуды по просьбе вышестоящего начальства (Мамы то бишь).

Вытирания пыли.

И… (барабанная дробь) торжественный вынос мусора.

Младшие заданием впечатлились.

Возложенную ответственность осознали.

И с еще большим рвением приступили к прохождению курса молодого бойца.

Под теплым, умилительным взглядом родительницы, что с ностальгическим видом на собственной физии вспоминала десятилетнего Старшенького, требовавшего дать ему самому наконец-то помыть посуду.

Это уж потом, он, взрослея и мужая, начал увиливать и откровенно филонить от иногда возлагаемых на него обязанностей.

В принципе он этим занимался и сейчас.

Но зачем же сообщать всем такую ненужную в данный момент правду и отбивать у младших всякое желание помогать Маме?

Из философствующего

«Жизнь, как сплошные горки, – думала Мама, – которая в семидесяти пяти процентов из ста состоит из ямы».

Сначала ты в эту яму падаешь-катишься по спуску.

Потом в ней, в самом низу, торчишь.

А потом еще и выбираешься.

И только двадцать пять процентов из твоей жизни проходит на самой вершине твоей жизненной горы.

Там, куда ты так долго карабкался.

А выбравшись, думал: «Ну все, можно немножечко и передохнуть», но…

В тот самый момент, когда начинаешь действительно верить, что все наладилось, и излишне расслабляешься – ты летишь опять с горки и начинаешь отсчет новым трем ямным четвертям в твоем жизненном цикле.

Нет смысла на них сетовать – их просто стоит пережить, находя свой, особый юмор в любой ситуации.

Даже если он будет отдавать немного горчинкой.

И да, Мама не пессимистка, а скорее реалистическая оптимистка (почувствуйте разницу, так сказать).

Потому что всегда знает, что каждый день с ней происходит чудо.

Не важно, благодаря чему или насколько оно привычно человеческому сознанию – просто оно происходит.

Не всегда заметное ей, но оно есть.

Просто, стоит иногда подумать о самой простой вещи, и сразу понимаешь – вот оно, то самое…

Твое Обыкновенное Чудо!

Из зимнего

Зима в этой стране, как и везде, почти что национальное бедствие.

Нет, гор снега здесь не бывает (если не считать местного горнолыжного курорта на севере страны), хотя предыдущий год показал, что такое все же иногда возможно.

Дождь – вот трагедия века.

Осени практически не существует.

Вот было еще недавно плюс двадцать четыре и Мама бегала в тонком хлопковом джемперочке и туфлях (осень же все-таки – пора с сандалий перескакивать).

А потом – БАЦ! – и плюс девять-десять с дождем.

И этот дождь – не морось, размазанная по небу на сутки.

Это когда берут, открывают огромную дыряху в небосклоне… и вода сплошным потоком падает непрестанно на землю.

У Мамы каждый год создается стойкое впечатление, что магазины успевают зимой заработать больше всего на двух вещах.

Первая – зимняя обувь: резиновые сапожки, полусапожки, ботиночки, а еще лучше, по Маминому скромному мнению, рыбацкие сапоги до середины бедра и на подтяжках.

Потому что невозможно сойти с бровки тротуара на проезжую часть и не зачерпнуть обувью через верх воды из той реки, что несется вниз.

Оптимально в таких случаях лучше спрыгивать с бровки сразу на середину дороги и потом оттуда же делать спринтерский прыжок, чтобы запрыгнуть на бровку тротуара с противоположной стороны.

Только все это мало исполнимо.

Ступеньки же просто превращаются в такие повсеместные Ниагарчики.

Спускаясь и поднимаясь (тут уже никакой роли не играет), можно однозначно намочить обувку (потому что не просто тупо плывешь – на тебя еще и брызги летят).

И получить стирку юбки/брюк до уровня коленей.

А также омовение ног в будоражаще-холодной водице.

Вторая же статья торговой выручки – зонтики.

Среднестатистическому жителю, не имеющему своего транспортного средства, приходится за зиму периодически покупать по два-три зонтика на одного члена семьи, а если в семье, как у Мамы, минимум этой самой семьи аж пять особей? А если больше?..

Нет, никто эти зонты не коллекционирует и даже не

засаливает.

Кроме дождя тут еще существует… ВЕТЕР.

Ветер в горах или возле моря это почти что катастрофа.

Мама всегда начинает себя чувствовать тем самым целлофановым пакетиком, которого вихри подбрасывают, унося выше верхушек деревьев.

Сбрасывают вниз, вдруг резко утихнув.

А потом подхватывают у самой земли и несут параллельно нее же все дальше и дальше.

В общем, силы порывов и скорости изменчивости направлений ветра зонтики не выдерживают.

А титановую основу со спицами для сиих противодождевых приспособлений еще никто не производит.

А жаль.

Из детско-походного

Когда Мама была еще совсем не Мама, а тринадцатилетняя мадмуазелька, случилось чудо.

Родители, которые никогда не отпускали своих дочерей отдыхать во всякие лагеря, наконец, согласились.

Маме век бы еще не видать было того самого лагеря отдыха, если бы туда же не собирался весь выпускной класс вместе с ее старшей сестрой.

В общем, Мама порхала от радости – первое Большое Приключение в ее жизни и без родительской опеки.

Но случилось не предвиденное.

Взлелеянная в мечтах поездка чуть не сорвалась.

А все почему?

Парень старшей сестрицы, который на тот период должен был уехать на соревнования, неожиданно сломал руку.

Естественно сестрица заявила, что никуда не поедет, раз он остается дома.

Маме даже на момент показалось, что он специально сломал руку, чтобы не отпускать ее старшую заразу с группой однокашников, которые так и норовили сбить сестрицу с пути истинного.

В общем, поездка оказалась под угрозой.

Неделя слез и переживаний дали свой результат, и Маму все же отпустили под присмотром всего старшесестринского класса, с которым она была хорошо знакома.

Свобода!

Именно это Мама почувствовала тогда.

Дни летели быстро, скучно совершенно не было и даже пригляд тридцати оболтусов и оболтусок из класса сестры не особо доставал.

Стоит сказать, что всего в отряде была куча народа, начиная от десятилетних малявок до семнадцатилетних сестринско-классных обормотов.

И вот наступило время «Ч», когда весь их отряд, предварительно снаряженный сухпайком, здоровенными котлами, алюминиевыми большими чайниками, палатками и спальниками, отправили в трехдневный поход в сопровождении лагерных же «вожатых».

(Не путать тюремными конвоирами. Функции хоть и схожи, но методы отличаются.)

Вожатые сами были ненамного старше некоторых членов отряда.

В общем, компания подобралась веселая и почти семейная – там и кроме Мамы хватало младших братьев и сестер, за которыми надо было «присмотреть», кто и делали все без разбору.

Первые полтора дня в походе прошло… весело.

Вожатые и сестринско-классники, оказалось, смогли перед походом сторговаться с местными из ближайшего поселка за самогон, который даже контрабандой не надо было заносить на территорию детского учреждения – забрали на выходе.

А спиртное, сами понимаете, требует усиленной закуски.

В общем, выданная гречка, тушенка и хлеб закончились немного раньше после обеда третьего походного дня.

Отряду предстояло пережить еще вечер, ночь и утро, имея в наличии одну луковицу и гранулированный чай.

Старшие Мамины надсмотрщики, весь мужской состав, нашлись с выходом из ситуации быстро и отправились на охоту… лягушек.

Так Мама в первый и в последний раз почувствовала себя француженкой, поедая за ужином со всеми остальными обжаренные на костре и освежеванные лягушачьи лапки (Мама тогда еще могла поддаться на такие рискованные эксперименты).

В принципе, если не знать – то мясо это могло вполне сойти за куриное.

Думать Маме о том, куда добытчики прикопали остальные части лягушачьих тел после расчлененки и где они смогли в таком количестве наловить этих донорш французского деликатеса, не хотелось.

В общем, ужин состоялся.

Но! Надо было пережить еще и завтрак.

Тут уж действовал принцип, кто раньше встал – того и пряник.

Когда младшая часть отряда поднялась после последней походной ночи, в наличии съестных припасов ничего не изменилось – были все те же луковица и гранулированный чай с остатками сахара.

Луковицу поделили между собой честно, по-братски, хрумкая витаминами и почти не морщась от остроты.

Чая решили набодяжить на открытом огне в большом чайнике сразу для всего отряда, решив хоть так поддержать, немного перепивших прошлым вечером старших.

Когда эти самые старшие поднялись, время было мчаться на всех парах обратно в лагерь.

Потому чай был воспринят на ура, палатки и спальники быстро собраны, а кухонный инвентарь даден в нагрузку менее всех страдавшим от похмелья.

Поход удался во всех смыслах.

Наверное, потому что Мама действительно почувствовала свободу, получила урок о безалаберности и чужой или своей ответственности.

И, самое главное, необычное смешное приключение оставило след в памяти на всю жизнь.

Из незаразного

Ну не виновата Мама, не виновата.

Оно как-то само так получилось, не нарочно же.

Не специально же она на субботу кроме остального приготовила морковный салат с чесноком, свекольный салат с чесноком и даже маринованные баклажаны были обильно сдобрены сим острым и пахнущим дезинфектором.

Маме просто хотелось немножко сильнее укрепить иммунитет детей в такое непростое для здоровья время, да и вкусно же.

Переборщила. Потому что о стойкости аромата вспомнила в последнюю очередь!

Ну и что? Ну запах немножко ядреный, так ведь не смертельно!

Так она Старшенькому и сказала после ужина, намывая посуду.

Ответив на его: «Ты это специально?»

– Сынок, зато к тебе никакая зараза не пристанет.

– А-а-а, так и знал, что ты это специально! Мам, теперь уж точно никто не пристанет.

Мама, наконец, вспомнив, что сынуля собирался еще пойти погулять с друзьями, осознала, о чем речь:

– Не-е-е, сынок от той заразы, что ты имеешь ввиду, так просто не избавиться.

Уже начав потихоньку подхихикивать, добавила:

– Если девушка чего-то хочет, ее даже чесночный дух не всегда остановит. Она же не вампир какой-то.

В общем, мир был восстановлен.

Деть признал, что Мама совершила «проступок» совершенно случайно, без злого умысла и не в целях диверсии.

А зубная щетка, ополаскиватель для рта и жвачка скрыли ненужные последствия смакования съеденного ужина.

Из прибалтийского

Литва, как это ни удивительно, была единственная бывшая советская республика, которая после развала Союза продолжала принимать активное участие в помощи оздоровления детей из Чернобыльских зон.

В те времена тотального обесценивания, инфляции и безденежья ни Мама, ни ее родители и мечтать не могли о том, чтобы попасть в вдруг ставшую закрытой Прибалтику.

Но…

Каждый год, к лету, в школах готовились списки детей, распределялись по срокам заездов и спискам лагерей для бесплатного отдыха на целый месяц.

А дальше для подростковой Мамы начиналось очередное Большое Путешествие!

Представьте себе самый обычный состав без единого купейного вагона – только плацкарт и вагон-ресторан.

«Юго-Западные Железные Дороги» тоже делали подарок детям – возили туда и обратно на отдых совершенно бесплатно, целыми составами.

Собственно, праздник начинался уже в поезде.

Ехать вместе с друзьями, чувствовать себя почти взрослой и угощать всех собственноручно (под бдительным руководством своей родительницы) приготовленными отбивными и курочкой…

Вы себе представили – так на минуточку – целый состав скорого поезда, который идет практически без остановок (если не считать границы?) и полностью забит детьми?

Причем разлет по возрастной шкале от десяти лет и до семнадцати.

Это ли не праздник?..

Особенно для преподавателей, которые ехали на этот отдых сопровождающими.

Маме иногда казалось, что конкуренция за право сопровождения у учителей шла еще яростнее, чем у учеников, за то, кто попадет в смену со середины июля до середины августа – самый оптимальный вариант по времени, если не хочешь весь отдых проходить в свитере или под дождем.

Шауляй, Каунас, Клайпеда, Паланга…

Каждые следующий год подростковая Мама знакомилась с совершенно новыми городами и людьми.

И ни разу не чувствовала сколько-нибудь плохое отношение к себе.

Паланга, в советские времена почти что закрытый город для

многих, была тогда чем-то удивительно-импортным.

Да-да, именно так «импортным».

И ведь приезжали туда уже почти как за границу.

Ну и что, что еще рублики советские ходят?

Так ведь без паспорта с местной пропиской и не купишь ничего.

А так хотелось привезти что-нибудь близким…

Это было еще одним Маминым пунктиком – ей всегда нравилось дарить подарки.

Потому и не ехала с подружками на клайпедский рынок, в те времена обретавшийся где-то на окраине города, для покупки модных вельветовых Wrangler с белой отстрочкой.

Не просила вожатую сходить с ней в магазин для покупки по литовскому паспорту замшевых немецких сапожек.

На настоящий янтарь даже в серебряной оправе, да еще и для всех, у Мамы просто не хватило бы денег.

Потому покупала родным текстиль.

Литовский, качественный и доступный.

Рубашки, блузочки, галстуки…

Не так чтобы много, но… для этого даже не жалко было просить вожатую посодействовать своим присутствием и наличием прописки.

Но все это было уже под конец смены, а до этого…

Арунасы, Ядвиги, Адамасы, Джустины и Агнеи устраивали детям месяц праздника.

Что удивительно, ни от кого из них Мама ни разу не чувствовала привычной для совдепии пионэрской по-линейке-построительной деятельности.

Никаких тебе утренних линеек, обязаловок и мероприятий.

Дети отдыхали, и Мама в том числе.

Преподаватели-сопровождающие тоже отдыхали.

Фактически месяц почти не видели своих сопровождаемых, живя в отдельных домиках на полном пансионе и морально готовясь в дороге обратно.

При этом совершенно не вмешиваясь в деятельность лагеря в общем и вожатых в частности.

Если все гуляли в лесу (ввиду отдаленности лагеря от моря), то уж гуляли обалденно, бегая, шумя, носясь друг за другом между сосен.

Если дети шли на море, то они шли на море,

Потом долго шли по самому морю, а когда надоедало падали на зады и представляли, что плавают.

Если хотелось позагорать, то главное было спрятаться где-то между дюнами, а то временами от неожиданно поднявшегося

прохладного ветра можно было подхватить и насморк.

И обязательно, обя-за-тель-но требовалось прихватить с собой хлопковый свитерок, потому что сейчас солнце, а к обеду можно было попасть под дождь.

Мама вообще как-то раз умудрилась сначала заработать сопли от ветра, а потом, переползя за дюны, обгореть всей мордой лица.

И бегать вечером, на второй ужин за кефирчиком для масочки…

Путь обратно, из своего импортного отдыха, тоже радовал всегда.

И ни плацкарт (так даже веселее со всеми по вагонам носиться).

Ни сопли в придачу к облезающему носу не могли испортить положительных эмоций и радостного предвкушения вручения подарков.

А дома традиционно ждал запеченный с яблоками гусь – жирный, домашний, кисло-сладенький с солененьким.

Что удивительно, присутствовавший на столе даже в самые нелегкие времена.

Очень вкусный привкус детства, беззаботности, счастья и искренней благодарности.

Из обувного

Ну не было у Мамы, совершенно не было, времени гоняться по магазину и примерять тапочки.

В квартире стало бр-р-р-как-холодно, и оттягивать покупку зимних тапок на потом уже было невозможно.

Вот Мама и купила первое, что попало под руку и подошло по размеру – мягкие, пушистые, совсем леопардовые тапатулечки.

В послеобеденное время Мама уже в обновке встречала своих учеников со школы.

– Ш*и*карные шузы, мам, – важно прокомментировал Младшенький, специально смягчая букву «ш», присел, потрогал ладошкой, проведя туда-обратно по ворсу, и продолжил со знанием дела, – настоя-я-я-щие.

– Не-е-е, – тут же стал опровергать Средненький, – искусственные.

– А я говорю…

Спор «настояще-искусственный» длился еще минут десять.

Оба спорщика пришли к мнению, что таки искусственные, но ш*и*карные и почти как настоящие, так что Маме можно не расстраиваться.

Из вредно-вспоминательного

Мама из собственного «счастливого и босоногого» вынесла очень хороший урок – никогда не рассказывать при своих малолетних детях о собственных проделках, ибо чревато.

Урок Мама этот сотворила себе сама.

И только по прошествии лет поняла, насколько он, урок, оказался для нее бесценный.

Тем летом девятилетняя Мама переходила в четвертый класс.

Почти взрослая дама, закончившая начальную школу.

Одно огорчало ее тогда – волосы.

Они, волосы, были слишком густые, слишком не послушные и слишком длинные…

В общем, все «слишком».

А еще Мамина мама не разрешала подстричься.

Ну, ни на вот столечки… даже челку не разрешала обрезать.

Для тогдашней Мамы это было трагедией.

Ежеутренние мучения по плетению кос перед походом в школу были той еще каторгой.

А уж если Мамина мама не успевала сделать это перед работой и за дело бралась Мамина бабушка, то и вообще караул.

Бабушка особо с Маминым волосами не церемонилась, заплетала их на совесть, так чтобы из кос за целый сумасшедший школьный день и прядки не выбилось.

После такой экзекуции Мама обычно чувствовала себя героиней бородатого анекдота про улыбающуюся девочку.

Догадываетесь, почему она улыбалась?..

Вот, и Мама о том же.

Кожа на ее лице, при помощи волос, бабулей реально так растягивалась, что никакой пластической хирургии не нужно было – все морщинки, даже будущие и несуществующие, уничтожались, как класс.

От того Мама подстричься мечтала еще больше.

Так вот, тем летом Маму на подстригательную авантюру сподвигло две вещи:

Первая – каждый раз, когда летним днем лил дождь, Мамина бабушка доставала старые семейные фотоальбомы и рассказывала разные семейные же истории.

Одна из таких историй была о том, как старшая сестра Маминой мамы, то есть тетя, в выпускном классе перед сдачей экзаменов ночью отрезала себе косу.

Сей героический поступок (а зная свою бабушку, Мама могла сразу сказать, что он таки героический) всегда вызывал у Мамы

затаенный восторг.

Про воду, которая точит камень, вы тоже помните?

Да-да, из года в год повторяемая история таки выдолбила у Мамы в голове нужную дырку.

Второй же вещью, толкнувшей Маму на преступление против волос, был старый фильм «Цирк» с Любовью Орловой (просто в те времена до обеда ничего лучшего по телевизору не показывали).

Ее черный парик под короткое каре моды тридцатых голов, с густой челкой и шикарными завитками на щеках был пределом мечтаний у Мамы в то время.

И вот настал ОН, звездный час.

Ночь.

Фонарик и ножницы под подушкой.

Маме осталось малое – дождаться, пока заснет старшая сестра, что лежала на кровати напротив.

Ждать пришлось долго… очень долго.

Когда сестра наконец заснула, Мама и сама уже была готова вырубиться,

Но вспомнив, что во второй раз может и не получиться, начала действовать.

Первую свою ошибку Мама осознала, когда вспомнила, что бабушка рассказывала об отрезанной косе, но никак не о распущенных лохмах, что висят со всех сторон.

«Трудности делают нас сильнее», – подумала Мама, зевая, и отчикала первую же схваченную прядь.

Мама честно пыталась все закончить быстро.

Но, во-первых, ей сильно очень хотелось спать.

Во-вторых, волос было до безобразия много.

Ну и в-третьих стричься при свете фонарика и под одеялом, чтобы не разбудить сестру, было очень трудно.

Достричься до конца Маме тогда так и не удалось, потому она решила отложить сие действо до утра.

Все же каникулы только начались.

Родители должны были умчаться с утра на работу.

Сестрица – на летнюю практику старших классов в школе.

А бабка должна была прийти еще не скоро или вообще не прийти.

Мама же была почти взрослая, помним, да?

В общем, все так и получилось…

Кроме одного «но» – бабушка утром встретила в магазине Мамину подружку и сказала, что отпустит ее погулять.

Мама, к тому времени уже кое-как достригшаяся и зехерившая перед большим зеркалом, пытаясь наслюнявить кончики волос и воссоздать те самые «орловские» завитушки на

щеках и лбу, поначалу жутко испугалась стука в дверь и голоса бабушки.

Потом натянув платок на голову и замотавшись по самые брови, тем самым скрыв следы «преступления», поскакала открывать старшей родственнице дверь.

Сначала идея погулять с подружкой ее обрадовала, да.

Ровно до того момента, как не услышала бабулино ультимативное «заплету косы».

Уговоры типа «не надо заплетать – я и так в косынке похожу» не помогали.

Бабуля у Мамы тоже была вполне себе упрямая женщина и требовала предъявить голову.

Спор набирал обороты. Мама уже и не рада была, что согласилась пойти с подружкой погулять – лучше бы дома сидела. Старшая родственница теперь вряд ли отступится, пока не выяснит причину внучкиного упрямства (сугубо семейной черты, стоит сказать)…

В итоге бабуля таки взяла верх.

Вид неровно обчекрыженных косм стал для нее шоком (хорошо хоть сердце, хлопая рукой по груди, не искала).

Идея с косынкой сразу и ей показалась удачной, а Мама после минискандала была отпущена гулять.

Вечерняя встреча с родными прошла… напряженно.

Мамина мама, успевшая уже немного прийти в себя и остыть после бабушкиного звонка ей на работу, на Маму ругалась, но как-то вяленько.

Наверное, тому поспособствовало постоянное присутствие рядом Маминого папы со своим «спокойнее», но Мама была не сильно в этом уверена.

Она все еще не могла поверить, что отделалась легким внушением, вместо многочасовой лекции о потере «девичей красы», и ходила немного пришибленной.

Потом хоть и ворча, но Мамина мама смирилась с ситуацией и потащила Маму в парикмахерскую.

В парикмахерской ровняли… долго ровняли Мамину авангардную шевелюру,

Удивлялись, кто мог так над ребенком поиздеваться, и косились на Мамину маму с некоторой опаской.

Маминой маме тогда уже было все однофигственно – косы до пояса и так были потеряны…

Прошло время…

И вот теперь, когда Мама слышит попытки Папы рассказать их детям, как он в детстве с друзьями делали самопалы и взрывпакеты (нормальное у Папы было детство, нормальное, как

у всех тогда – никакого криминала, одна партизано-игрательная мрысь), Мама начинает интенсивно давить Папе на ногу, тем самым давая понять, что его опять не туда занесло,

И представлять, что кто-то из ее детей будет выглядеть, как Папин друг детства с обгоревшими ресницами и бровями, Маме совсем не хочется.

Из былого боевого

Каждое зимнее утро у Мамы фронтовое.

Сначала с трудом и почти с пинками поднимает свое подростково-детское полчище.

Скачет пьяным кенгуру по квартире, подгоняя сонное войско в одевании и «построении».

Проводит кормежку по расписанию и…

Наступает тяжелый момент, переломный момент в битве «отправь детей в школу вовремя», когда малое семейное войско вступает в конфронтацию со своим командующим.

Первым встает на дыбы Сержант, он же Старшенький.

Этот, хоть и не эстонский, но весьма «горячий» парень пытается доказать, что погода «зашибись».

Ливни, грады и молнии – как раз нормальные метеоусловия для прогулки в школу в одной рубашке.

Ноябрь – это еще не зима, ага, а всего лишь осень.

И да, +10 это не –30 – можно пережить и без свитера.

За ветровку Мама вообще забудь!

Маме приходиться становиться грудью у входной двери, занимая оборонительные окопы со словами: «Давай договоримся сразу…»

Первый налет нахрапом у Сержанта не выходит, и приходиться договариваться.

Переговоры поначалу идут тяжело, потом сержант Старший все же сдается, сообщая доверительно командующему: «Легче утопиться, чем с тобой договориться» и…

Послушно натягивает хлопковый свитер с курткой, проходит тест-контроль на наличие осенних ботинок и отпускается на волю… в смысле «ментально выпинывается» в сторону автобусной остановки.

С рядовыми командующему Маме легче.

Наблюдавшие со стороны трения в командном составе, те, понимая, что лучше сразу сдаться командиру, поднимают руки вверх и дают натянуть на себя куртки-шапки-перчатки.

Вставляют в боковые карманы рюкзаков запасную защиту (почти бронированные зонтики), натягивают резиновые сапоги…

В общем, пакуются, иногда бурча, иногда просто совместно пытаясь определить себе на сегодня, против кого будут воевать и с кем дружить.

Дальше наступает «прощание славянки», платочками никто не машет, оркестр не играет, но зато присутствуют интенсивные обнимашки и мамины ЦУ.

В наступающей тишине дома уже не командующий, а просто Мама, вытирает пот со лба и потом, одновременно красясь, перекусывая и одеваясь, вспоминает, как с таким же боем (находясь по ту сторону баррикад) покидала дом своего детства.

И да, ей тогда тоже и шапка мешала, и свитер душил, и колготки были недостаточно тонкие, а еще они кусались.

Из папиросного

Вот с вами кто дома на каникулах оставался?

Бабушка?

Ну-у-у, так не интересно-о-о-о.

С малолетней Мамой, к примеру, каждый раз на каникулах тусил дедушка.

Дед каждое утро вставал пораньше.

Шел с авоськой с магазин.

И покупал там две вещи – свежий батон и пачку папирос «Беломорканал» (по звучанию почти, как «Кэмел», да?).

Приходил домой, ждал, пока все разъедутся, а самая младшая внучка еще не проснется, и священнодействовал.

Заваривал ведерную кружку кофе, добавлял туда молока и сахара побольше, а потом намазывал немалым слоем сливочное масло на свежие ломти батона.

Всю эту свою «радость и сладость» ставил на стол на веранде рядом с открытым окном и… блаженствовал.

Видимо, довоенные и послевоенные годы, не насыщенные подобными маленькими радостями, давали о себе знать – Дед заслуженно добирал недополученное ранее.

Мама обычно просыпалась к третьему бутерброду и успевала объесть на последний бутерброд Деда.

Деда не жадничал, а посыпал Маме поверх масла еще немножечко сахара.

Оно все, конечно, жутко не здоровое и всячески вредное, но…

Деда знал, как найти путь к Маминому сердцу, а еще хотел, чтобы Мамино детство совсем не напоминало его.

Уже потом, после полноценного завтрака из каши и фруктов (да-да, у Мамы был второй завтрак – Деда пекся, чтобы исхудавший за школьный период ребенок успел восстановить силы), Мама отправлялась в сад гулять, а оставленный на хозяйстве Деда принимался за обед.

У Маминого Деда отбивные всегда выходили размером с лапоть, не меньше.

И борщ получался наваристее и вкуснее, чем у бабушки,

А уж макароны по-флотски…

В общем, Мама активно кормилась, но… не поправлялась.

Добивалась этого собственной, совсем не толстой тушки, таки своей энергичной непоседливостью.

В один из таких утренних променадов к магазину и обратно Мамин Деда попал под дождь.

Дождь был теплый, летний и совершенно недолгий, так что

батон вполне удалось спасти, а вот папиросы…

Папиросы Деда разложил просыхать под солнечные яркие лучики на всех подоконниках в открытых окнах дома.

Утренняя процедура «третий-бутерброд-каша-гуляние» прошла в обычном режиме.

Деда остался на кухне готовить очередной обеденный шедевр.

А Мама прогуливалась по периметру дома.

На втором круге (сойти с бетонной дорожки в садовую грязь после дождя, Маму совсем не привлекало) Мама заметила чудные папироски (и не надо так ржать, в Мамином детстве было только одно значение данного вида табачных изделий), зачем-то положенные на подоконники.

А значит, априори (в Мамином тогдашнем понимании) совсем никому не нужные.

Смотавшись к себе домой и притащив свою красненькую лаковую сумочку, присланною теткой из ГДР, сгребла бело-серые бумажные палочки и… начала играть.

Фильмов о сороковых годах и курящих, заломанные по-особому папиросы теток Мама видела тогда в большом количестве.

Как правильно заламывать, Мама еще на дедовой ежедневной демонстрации научилась, потому с первой попытки теоретические знания быстро перешли в категорию практические.

И началась Игра.

Мама ходила вокруг дома.

Доставала папироску из лаковой «прелести», заламывала, делала вид, что курит, выставляя манерно мизинчик, разговаривала с кем-то воображаемым и… через несколько шагов выбрасывала якобы докуренную папироску на бетонную дорожку.

Папироски в «прелести» закончиться не успели – захотевший покурить Дед обнаружил пропажу раньше.

Маме потом пришлось сначала долго ходить и собирать все свои «докуренные» дедовы беломорины, потом с Дедом же их сортировать на «нормально, пойдет» и «в следующий раз, по губам надаю».

В общем, Деда, как истинный мужчина, не мог сильно и долго злиться на Маму, и папиросная эпопея ей практически сошла с рук.

Но его искреннее огорчение и тихое бурчание намного больше подействовали на Маму, чем если бы это были бы бабушкины вопли.

Маме было стыдно за то, что лишила непритязательного и любимого Деда одной из немногих, личных радостей жизни.

Все же, как ни крути, Деда был первым мужчиной, что безоговорочно покорил Мамино сердце… отбивными-лаптями.

Из пончикового

«Конец фигуре!»

Эта мысль настойчиво билась у Мамы в голове.

Магазины заполонили пончики.

С начинкой из варенья, шоколада, сгущенки…

Под шоколадной глазурью, сахарной пудрой…

Всех форм, красок и расцветок…

Нет, это не нападение фастфудной империи на мирное население…

Это Праздник.

Его-то всего восемь дней надо отгулять, а над Маминой фигурой начинают измываться еще за две недели до него.

Знакомые тетеньки и девочки начинают обзваниваться, списываться, меняться новыми рецептами домашних пончиков.

И даже если пережить обмен рецептами можно…

Можно даже пережить прохождение мимо красиво украшенной разноцветной витриной пончикового царства…

Где все-все пончики идут со скидкой на большие количества…

То как пережить всё то же самое (Мама не рецепты имеет в виду, а само наличие), только в сопровождении детей?

А если дети требуют собственноручное приготовления пончиков с их посильным участием – торжественные залпы клубничным джемом в нутро пористой мякоти?

Малые булочные и пекаренки работают в авральном режиме.

Исключительно для того, чтобы просто побольше продать людям смеси теста, начинки и сахарной пудры…

Потом аврал еще больше возрастает – школы сформировывают заказы для проведения классами ханукальных вечеринок и традиционные поедания пончиков в преддверии коротких зимних каникул.

А Маме чем дальше, тем страшнее заходить в Интернет, а ну как в этом году кафешки придумают что-то еще более извратительное для привлечения клиентов к приобщению в пончикоманы?

И ведь это только начало.

Колесо пончиковой судьбы только набирает свои обороты. («Быть тебе, Мама, пончиком», – шепчет на ушко оно.)

И скоро в каждой корзине покупателя можно будет увидеть бумажный мешок (именно мешок – по другому его не назовешь) с пончиками – да-да, местные пекари на мелочи не разменяются.

В общем, конец Маминой фигуре – лично себе она в этом

удовольствии еще могла отказать, но вот вместе с детьми…

Из болячкового

«Это у него от меня», – думала Мама.

Дежавю?

Нет, это Старшенький ветрянкой заболел.

Так попасть во взрослом возрасте с детской болячкой мог только кто-то из ее семьи.

Мама смотрела на Старшенького и понимала – приехали.

Нет, не в смысле – они куда-то ехали, а в смысле – сложившейся ситуации.

Когда-то он уже пытался ею заболеть…

Не вышло.

Весь его первый класс переболел, а он нет.

Зато умудрился, не заболев в тот раз, инфицировать Маму.

Мама, которая тогда в свои двадцать шесть совсем не знала, болела ли она этой заразой в детстве или нет, как раз пыталась выяснить это.

Но… ни отец, ни сестра на этот вопрос однозначно ответить не смогли – каждый почему-то помнил только свои болячки.

Так что болела Мама тогда, зараженная сынулей, жестко – с температурой под сорок, усеянная мелкими волдыриками везде, где только можно… и где нельзя тоже.

И вся такая зе-ле-на-я-я-я.

От зеленки зеленело все – лицо, шея, брови и даже волосы.

А еще все жутко чесалось.

И Мама как бы понимала, что вот эту гадость на лбу, бровях, щеке расчесывать ну никак низ-зя.

Но… как же ж чесалось-то.

От зуда невозможно было спать, сидеть и хотя бы просто полежать.

Днем и ночью, пока вся эта гадость не начала подсыхать, Мама бродила кругами по дому, аки неприкаянный призрак – зеленоватый оттенок морды лица, как и всего организьму, был как раз в тему.

Так что в этот раз, спустя годы после Маминых ветрянковых страданий, Старшенькому повезло в этом смысле больше.

За последние …дцать лет медицина рванула далеко вперед, и зеленка теперь не панацея от половины болезней.

Напуганный Мамиными откровениями о пережитом, ребенок стребовал с врача всевозможные рецепты, прикупил все что можно и нельзя в аптеке и твердо решил отсидеться дома.

Мама же после этого стала ожидать «подарочка» от младших оболтусов.

И делала стойку на каждое почесывание этих товарищей, находившихся в группе риска.

Из погодно-ожидаемого

Травка зеленеет.

Листва на большинстве деревьев тоже.

По краю парка багровеют ярким пламенем листики барбариса.

И воздух теплый, чистый, легкий и пыли совсем не ощущается.

Солнечные лучики, пробиваясь сквозь крону, ласкают кожу.

Это не лето, нет.

Это у нас другая зима пришла.

По десять раз на неделе приходится сверяться с прогнозом погоды.

Потому что сегодня будет солнце и +22, а завтра ливень и +6.

Помните шутку Карцева про раки по три и по пять рублей? Вот что-то вроде этого.

Зонты, куртки, шапки и перчатки с шарфами устаешь доставать и прятать обратно на положенное место.

Потому с наступлением календарной зимы сваливается все это в кучку на диване при входе и убирается традиционно раз в неделю вместе с проведением запланированной влажной уборкой.

Но… именно такую зиму Мама любит больше всего.

Природа приобретает насыщенно зеленый цвет.

А под ногами все равно шуршат редкие опавшие желтоватые листья на зеленой траве.

Школы тоже ловят последние теплые моменты местной погоды.

И каждый день в парке по несколько классов тусуются с учителями.

То в футбол поиграть, то в бейсбол…

Младшие у Мамы по мере взросления тоже просили сначала ролики, потом скейтборд…

Теперь биту, перчатку и мяч.

Маме стало страшно за окружающих.

Ладно, перчатка и мяч…

Бита в руках младшего поколения ее семьи – оружие массового поражения.

Причем не факт, что пораженческая деятельность не начнется с них самих.

В общем, мяч у них уже есть.

Перчатка тоже не проблема.

А вот биту они из Мамы пока не выбили.

Из ново-пиратского

Не оставляет Маму пиратская тема.

Иногда Маме казалось, что весь мир сошел с ума.

Особенно некоторые судебные деятели, которые следуют – очень странной, надо сказать! – букве закона до абсурдности.

Мама, конечно, против либерализма не имеет ничего против, но не до такой же степени!

Нет, ну реально!

Что еще можно подумать, читая о том, что Европейский суд по правам человека принял решение о выплате Францией сомалийским пиратам, нападавшим на французские суда, компенсации за моральный ущерб!

Не надо смеяться, Мама говорит вам на полном серьёзе!

А все потому, что охрана судов, арестовав в 2008 году нападавших, не успела их доставить «незамедлительно в суд» для вынесения приговора!

Угу, за 6000 кэмэ от французской территории – это не расстояние!

Несчастных пиратов французские армейцы задержали аж на сорок восемь часов, прежде чем смогли доставить в суд.

Теперь тех, кого так и не смогли ограбить не легально, пираты будут грабить вполне законно.

По «от двух до пяти» тыщ евро на каждое «морально пострадавшее» рыло, за нарушение их прав на свободу и безопасность.

Сначала Маме просто хотелось побиться головой об стену, потом…

Ей еще больше захотелось отправить судей на пару с сомалийскими пиратами во времена Дикого Запада.

Тогда все вопросы о частной собственности решались просто – при помощи любимого кольта сорок пятого калибра.

И думается Маме, что в следующий раз ни французы, ни любая другая охрана ограбляемых судов не будет особо заморачиваться с попытками арестовать грабителей.

Все будет решаться все так же просто – убит при попытке вооруженного ограбления.

Из ужасающего

Вам когда-нибудь приходилось побывать в ужастике.

Ну, как в фильме «Муха»?

Вот укусила главного героя муха, и потом он сам в нее превращается.

А на экране показывают весь процесс в жутких подробностях.

Страшненький такой, ужасненький…

Что?

Нет. Мама Мухой не стала.

Хотя ей и говорят, что она иногда жужжит, как муха, долго и надоедливо.

И нет, ее никто не покусал.

Хотя некоторые до сих пор хотят.

Но почувствовать себя героиней вот такого вот сюжетика почти получилось.

Представьте – суббота.

Да-да, опять она.

У Мамы тоже иногда складывалось впечатление, что только в этот день с ней происходит нечто (хоть это и не так).

Так вот, суббота.

Утро.

Старшенький открывает входную дверь для того, чтобы пойти на бар-мицву (согласно традиции в иудаизме совершеннолетие у мальчиков, наступившее в тринадцатый день рождения) к брату своего друга.

В салоне, возле выхода, стоит остальное семейство, провожая его.

Мама напутствует.

Младшие ноют, почему он их не берет…

На крыльце, рядом с порогом, ползет здоровенный черный паучище.

Брюшко его размером с половину маминого большого пальца.

Ползет он неспешно, с достоинством, будто сообщает, мол, вы тут никто – мимо проходили…

Уже страшно?

Подождите, это еще не все.

Эта радость любого энтомолога не дает совершенно никакой возможности выйти из квартиры.

Почти все в тапках, конечно же, и боятся пошевелиться, чтобы взять обувь помассивнее и не спровоцировать это не-понять-что не понять на какие ужасные действия вроде того же ядовитого покусания.

Все, кроме Старшего, который, естественно, уже в туфлях.

Тот долго не думал и, аккуратно подняв ногу, решил задавить нарушителя, пересекшего границы частной собственности.

Вот после этого и случилось то самое, которое Стра-шно-е.

Нет, у паука не отросли челюсти, как у овчарки, и он не бросился прыгать на ногу Старшенького для «понадкусывать».

И нет, не выдвинул титановые жвалы, чтобы прокусить подошву и оттяпать хоть какой-нибудь палец.

Стоило туфле раздавить… эту беременную паучиху, как из лопнувшего брюшка прыснули в разные стороны множество ее микроскопичных прототипчиков этой членистоногой черной гадости.

У Мамы вся жизнь пронеслась перед глазами, стоило только подумать, что вот такое вот черное забежит и спрячется у нее в доме, вырастет, потом будет ходить беременное и пожираемое изнутри своими же детенышами…

Вам еще не плохо? Не тошнит?

Да, Маме тоже стало как-то нехорошо, при ее-то богатом воображении.

Следующие минут десять все семейство человеков уничтожало новорожденное паучиное кодло, топча что есть силы и стараясь ни одного не пропустить.

Люди, проходящие мимо, оглядывались, заинтересованно тянули голову, чтобы получше рассмотреть семейную чечетку.

Кто-то, наверное, скажет: «Гринписа на них нету» – и будет в чем-то прав, но… что поделать, если Мама не терпит чужих захватчиков собственной территории?

Даже если они в метафорическом плане своего рода родственные создания.

Мама та-ка-я паучиха, что свою паутину будет оберегать всегда.

(Мамин паучиный а*ццк*ий смех.)

Из приносимого

Вот что у вас детки домой из однодневных походов с классом на природу приносили?

Шестилетний Старшенький приносил Маме каштанчики… целый рюкзак… и во всех карманах…

А Мама потом в лучших традициях шпионского фильма по ночам от этих каштанчиков избавлялась помаленьку, уменьшая постепенно каштановую численность в своем доме.

А младшие что?

Так сказать, соответствуют местности.

Младшенький, начинающий зоо-геолог, то зверину кость домой принесет,

Чтобы сдать учителю на изучение и определение происхождения.

То камни с труднопроизносимыми названиями, огонь высекающие (пиротехническая жилка просто так не проходит) в дом закидывает.

Средненький – юный «расхититель гробниц» – тоже тащит.

И тоже почти целый рюкзак… черепки доисторические, которых тут, куда ни плюнь, везде найдешь.

Красной глины, пористые, изгибистые…

И не важно, что черепку тому не тысячу, а каких-нибудь семьдесят-сто лет.

Старшенький тягу к «тянуть домой» тоже не потерял, но характер ее видоизменил.

Теперь из походов приносит Маме порвано-сломанные вещи для отчетности за взятый у Мамы, инвентарь и последующего его выбрасывания.

Называется, почувствуй себя Мама завхозом.

В комнату же тащит исключительно очередную фиговину к собственному лэптопу для усовершенствования.

В общем, «детская» каждый год.

С апреля и до апреля превращается в пещеру Али-Бабы – не знаешь, откуда это взялось, кому надавать за это по лапам и куда все это выбросить,

Ну, или, на крайний случай, смахивает на каморку Плюшкина.

Пока Мама в уборочном порыве не добирается со своей ведьминской метлой до всех этих «сильно-все-нужных» закромов.

Из перелетного

«Летят перелетные птицы!»
«Птички – это хорошо», – думала Мама.
«Зимующие птички – просто отлично», – пыхтела она.
Ну, прилетели они в парк.
Ну, обклевали парковые оливы.
Но почему именно на ее балкон сплевывать косточки?!

Из в-мире-животного

Когда Маме было девять, Мама страстно мечтала о собственной животинке.

Животинку Маме заводить не разрешалось.

Даже несмотря на то, что жила она с родителями и сестрой в частном доме.

Мама иногда могла быть вполне примерным ребенком, потому о «притащить домой кого-то лохматого» без разрешения взрослых она даже и не помышляла.

Нет-нет, родители Мамины не были извергами и с животными она общалась очень близко, но…

Ну есть у ее бабушки собачка непонятной породы «папильон» по кличке Дружок.

Маленькая, песочная, пушистая, тявкающая и вечно хватающая почтальоншу за пятки.

Ну, живет бабушка со своим Дружком в соседнем доме.

Так ведь это же ее, бабушкина, собака.

Вон и у соседей почти у всех есть собаки, а у Мамы нет.

Грустно.

Однажды зимой, по возвращению из школы, бабушка позвала Маму к себе.

Подвела к новенькой, сколоченной дедом, Дружковой будке, в которой он все равно не жил зимой, предпочитая более теплый и уютный дом хозяев.

Из будки торчал черный большой щенячий носище.

– Твоя работа?

Мама покачала головой.

Вот ей-ей, не ее. Хоть и очень хочется.

Упускать такой подарок судьбы Мама все же не стала и весь вечер уговаривала дедо-бабо-мамо-папино семейство на «оставить собачку».

Маме про «не ее» не поверили, но…

Приблуду, оккупировавшего чужую собачью будку, не выгнали.

Так у Мамы появился Барсик.

Барсик был чистопородный двортерьер.

Уж неизвестно с кем его нагуляла соседская овчарка, но…

Он от этого ничего не потерял – вымахал с доброго теленка.

Гонял как сумасшедший и так басисто гавкал, что слышала вся округа.

Гости во двор стали заходить с опаской, что очень возмущало Барсика и просто-таки умиляло Дружка (особенно при встрече

почтальонши).

Папильон, как более опытный, старший товарищ, чувствовал себя – заслуженно, между прочим пусть и не по крови, но по воспитанию, – отцом семейства, воспитавшего ого-го какого сына.

Чего Барсик никогда не признавал – поводок и ошейник.

Ошейники любых мастей снимались за раз легким движением лапы и – Мама до сих пор не может понять как? – непонятной трансформацией ушей для лучшего соскальзывания с шеи-морды.

Сбруя, которую Мамин папа одно время пытался цеплять на Барсика от шеи до самых подмышек, перегрызалась в момент, и остатки кожаных ремней и металлической фурнитуры этой «уздечки» неизменно валялись на земле немым укором собачьему свободолюбию.

В общем, все, что признавали эти двое мохнатых, – свобода.

Когда Дружку хотелось развеяться и прогуляться рядом с забором по местным лесным угодьям, тот становился в ожидающую позу рядом с въездными воротами.

Барсик, стараясь угодить «отцу», начинал рыть траншею (по-другому это не назовешь).

А дальше, как и каждый воспитанный «сын», выползал из готового тоннеля обратно, отступал в сторону и ждал.

В такие моменты наступал звездный час Дружка – тот ме-е-едленно, с большим достоинством, даже не опуская головы, проходил по этому рву под воротами, останавливался по ту сторону и…

Смотрел с отцовским снисхождением, как «сынуля», извиваясь червяком, пытался пролезть через приготовленную им самим яму.

Каждый раз Мамин папа, въезжая во двор и попадая колесом в «новинку землекопа», материл всех.

И Дружка за плохое влияние на подрастающее поколение.

И Барсика за такое проявление «сыновьей любови».

И Маму за то, что принесла этого «хомяка-малюпуточку» с медвежьими лапами.

И свою мягкотелость за то, что пожалел дочь и щенка и не выгнал его в морозы умирать с голоду и холоду.

Потом успокаивался, брал лопату и шел «класть асфальт» – в смысле засыпать очередное землекопное собачье произведение щебнем.

Из ментовского-воинственного

В восьмидесятые года прошлого века (после этой фразы Мама почувствовала себя почти-что-древностью-глубокой) было объявлено в стране две войны:

Битва с алкоголизьмом посредством введения сухого закона;

И битва с наркоманством через уничтожение маковых посадок.

Первая привела к развитию и усовершенствования самогоноварения, потому что основную массу населения совершенно не привлекали рекламные статьи в советских газетах об очередной свадьбе у самовара.

Хотя кто знает, может, в этом самом самоваре и было нечто иное вместо чая.

В общем, домашнее производство многих заставило вспомнить химию и физику.

Из магазинов пропал сахар и потому резко начал продаваться исключительно в ограниченных количествах.

Что сподвигло народ вовсе не прекращать свое производство спиртосодержащего напитка, а совершенствоваться еще больше, включая фантазию, вводя новые ингредиенты и…

Скупая карамельки типа «барбарис» и магазинный шербет.

Собственно, то, что продавалось в магазине, трудно было назвать шербетом, зато сахара там было столько, что вполне подходило для производственных целей Маминого папы.

Больше всего в те моменты Маме нравилось выковыривать по папиному заданию из «шербета» изюм, который вполне заслуженно потом Мамой же и съедался.

А дальше Мамин папа священнодействовал.

Подготовительные работы начинались с… занавешивания кухонного окна одеялом.

Причем делалось это так качественно, чтобы даже при локальном кухонном урагане одеяло оставалось на месте.

Потом торжественно вносилась специальная сколько-то-там-…дцати-литровая кастрюля.

Разводились дрожжи, сахар (карамельки/ шербет) и теплая вода в нужных пропорциях.

Что-то там проверялось-перепроверялось, и залепливались все возможные стыки между кастрюлей и специально переделанной крышкой, с приваренной к дырке трубкой, простым пресным тестом – лучшим герметиком всех времен и народов…

И оставляли драгоценную кастрюльку дозревать.

В положенный срок подготовка повторялась – окна

задраивали, кастрюлю (уже полную) снова вносили и…

Водружали ее на плиту, приспосабливали змеевик, регулировали температуру; ставили трехлитровую банку.

Туда – специально для этого сберегаемую леечку.

Прокладывали в леечку, добытыми по блату из химлаборатории, специальные и лелеемые одноразовые фильтры…

В общем, подходили к вопросу с вполне себе научным подходом, руководствуясь в полной мере своим инженерным образованием и со школы сохраненными познаниями в химии.

Обычно самогонное священнодействие устраивалось исключительно перед большими праздниками типа Нового года или дня рождения, когда с трудом добытые две бутылки «Столичной» вряд ли могли обеспечить нужное настроение для всего огромного количества родственников, традиционно собиравшееся на «отметить».

Так и получалось, что перед празднованиями, поздно вечером, дабы избежать встречи с неожиданными гостями, но не сильно поздно, чтобы не давать повода заглянуть «на огонек» участковому, Мамин папа принимался за работу.

Местный участковый не сказать, чтобы был такой уж плохой, но… жутко вредный.

Прекрасно понимая, что варят самогон все, он тем не менее никак не мог хотя бы одного заловить для отчетности – физика и химия, а также природная народная смекалка были тому помеха.

Поэтому иногда опускался до запрещенных приемов.

Слух о том, что он воспользовался запрещенным приемом и предложил соседскому мальчику подержать в руках настоящий (!) пистолет в обмен на «показать папин самогонный аппарат», облетел всю округу в момент.

Местное население, шокированное подлостью поступка – использование детей в этой сухозаконной войне считалось ударом ниже пояса, – еще более рьяно начало конспирироваться.

Проводя периодически внушения подрастающему поколению не поддаваться на провокации правоохранительных органов.

Стоит признать, что всеобщая молчаливая враждебность интеллигентской и не очень общественности тому не понравилась.

Участковый здраво решил-таки больше не подставляться так перед соседями.

Нашел себе единственный на весь район дом семьи тихих алкоголиков (местной достопримечательности) и ежемесячно для отчетности конфисковал у них кое-как слепленные орудия самогоноварения.

Алкоголики оказались не просто тихими, но еще и непримиримыми, поэтому с завидной настойчивостью создавали все новые самогонные аппараты, по-своему «радуя» участкового и поставляя каждый раз поводы эту отчетность соблюдать.

Из ментовского-воинственного-2

Как я уже говорила, вторая по значимости битва велась на наркоманском фронте.

Маме в те времена мало что могло сказать такое словосочетание, как «травка из Чуйской долины» (О, времена! О, нравы!).

Мама тогда вообще не знала, что такое травка, а вот мак…

Одномоментно все посадки мака начали считаться выращиванием наркотических средств.

Сельские хозяйства в значительной степени сократили его численность, а то и вовсе прекратили выращивать это растение.

Первым звоночком для Мамы после таких перемен стала пропажа маковых зерен, ранее щедро посыпавшихся на сдобных больших бубликах по пять копеек.

Вторым звоночком стали бабушкины возмущения на тему: «А как же маковый рулет?»

Когда пришедший участковый заметил шесть сиротливых кустов с, уже вполне готовыми к употреблению в сдобу, сухими маковыми коробочками, не преминул их срезать и забрать с собой.

Вынося нарушительнице, какого-то там постановления, первое китайское предупреждение.

Маме, как и бабушке, тоже было жалко коробочки до слез.

Так приятно было, пока бабушка замешивала тесто, растирать в старой прабабкиной ступке пестиком мак с сахаром для домашних рулетов. Видя, как масса пускает тягучий, смешанный с сахарным сиропом сок и приобретает маслянистый оттенок.

Пирожки, дрожжевые рулеты и слоеные штрудели были чем-то стабильным и совершенно обязательным в Мамином детстве.

Потом началась она – борьба за выживание.

Мамина бабушка на пару со своей соседкой из года в год продолжала засеивать несколько кустов мака.

Как заправской разведчик в тылу врага, бабуля маскировала красные цветочки в цветниках с гладиолусами и пионами, каждый год меняя дислокацию начинки для «наркоманских пирожков».

Участковый тоже не сдавался и с переменным успехом пытался выявить правонарушение.

Обычно это у него получалось только тогда, когда лето подходило ближе к концу.

Цветник редел и среди его изрядно подвявшего, разноцветья можно было увидеть небольшие коричневые коробочки.

Бабушка старалась всегда подловить момент готовности мака для «одурманивания сдобы», но…

И на старуху бывает проруха – участковый первым замечал незаконную посадку.

Возмущался по этому поводу.

Грозился всеми партийными карами (небесных кар тогда тоже еще не признавали, потому что считали религию еще одним опиумным народным наркотиком) и…

Срезал коробочки исключительно из вредности.

Вредность эта проявлялась собственно в самом факте конфискации.

Потому что даже Мама, после трехлетнего бабкиного противостояния, знала, что основное наркотическое вещество собирают с надрезов еще не созревших зеленых маковых головок.

Обычно после неудачи бабушка «перетирала» на словах с соседкой весь скелет участкового (не ограничиваясь отдельными косточками), его жены, и всего ближнего окружения.

За такое беспардонное воровство частной собственности.

Как ни странно, в этой войне победила бабушка.

Которая с начала девяностых каждое лето продолжала на виду высеивать маковые «плантации» в количестве трех кустов и крутить фиги в безразличную спину проходящему мимо участковому.

Из лотерейного

Когда-то Мамин папа решил поучаствовать во всесоюзном лотерейном розыгрыше.

Ну, решить это еще полбеды и даже купить белетик – не страшно.

Вопрос, что делать с выигрышем?

В указанное время папа почти не трясущимися руками открывал большой разворот «Известий» для проверки.

Проверка оказалась успешной.

Выигрыш по билету был.

Вот только Мамин папа не знал, что с ним делать.

Ну, реально, что ему делать с ручкой «Волга»?

Сначала Мама поняла неправильно и все размышляла, зачем папе ручка от «Волги»?

Да еще одна?

Неужели комплект в четыре штуки не могли подарить?

И интересно – к ихнему «Москвичу» ручки от «Волги» приделать можно?

Мамин папа Маму разочаровал – ручка одна, потому что она ручка.

И никакого отношения к автомобильной «Волге» она не имеет.

Ее даже не на том же заводе делали, потому что это обычная авторучка.

Маме было жалко… не только, что они ручек от волжаны не выиграли…

Но и от того, что и сама машина «проплыла» мимо них.

Из ветрянково-болячкового

«По интересным местам у меня Старшенький шляется», – посмеиваясь, думала Мама, просматривая вчерашние новости.

Там с особым азартом мусолилась тема о том, что Анджелина Джоли выложила в Интернет небольшой видеоролик, в котором сообщает, что не сможет посетить премьеру своего фильма по банальной причине…

Ветрянка, куда ж без нее.

Так и писала: «…Буду сидеть дома, чесаться и скучать…»

Вот Мама и думала – то ли началась всемирная ветрянковая эпидемия.

То ли не только компьютерные вирусы гуляют просторами Всемирной сети.

Ведь как-то же должны были пересечься эти двое и разнести эту заразу дальше?

«В хорошей компании у меня болеют дети, – думалось Маме. – В правильной».

Из игрушкового

У Маминой мамы была тяга.

Помните фразу из известного советского фильма?

«Каждый год, тридцать первого декабря…»

Нет, Мамина мама не ходила в баню накануне Нового года.

Она вообще в общественные бани никогда не ходила.

Каждый год в последнюю неделю декабря у Маминой мамы начиналась чесотка.

У нее просто чесались руки пойти и прикупить какую-нибудь елочную игрушку.

Обязательно красивую.

Обязательно стеклянную.

Обязательно единственную в своем роде и незабываемую.

Мамина мама могла не то что часами – днями ходить, выбирать, присматриваться, оценивать и только с третьего захода покупать.

Самое-самое.

Немного, штучки две-три.

Со всех сторон оцененные, осмотренные и Избранные.

Да-да, именно так – с большой буквы.

Продавщицы, знавшие Мамину маму, каждый год приберегали ей самое интересное хотя бы по одному экземпляру.

От этих своих походов Мамина мама не отказалась даже, когда самой Маме было уже лет шестнадцать и особой нужды в наряженной елке не было особого смысла.

Тогда Маме это казалось небольшим чудачеством своей родительницы.

Пусть и безобидным, но все же…

Как можно фанатеть от елочной игрушки?

Теперь же, спустя годы, Мама понимает, что для ее мамы это было, как небольшое путешествие в детство.

Где всегда тепло, весело и беззаботно, даже если детство у тебя было послевоенное.

Когда погремушки младенцам делали из высушенных надутых телячьих кишок и гороха, а любимая игра десятилеток была в «ножички».

Мама уже давно празднует другие праздники и в другие даты, но…

Все так же в потрепанной коробке лежат обложенные ватой старые елочные игрушки.

Как память об ушедшем уже ее детстве и… ее маме.

Из чертового, прошедшего

Вам когда-нибудь было явление черта?

А вот Маме было.

После привычного стука в дверь в полдесятого вечера Мама поплелась открывать.

На ее традиционное: «Кто там?» – так же традиционно гаркнули голосом Старшенького: «Я-я!»

Ответ голосом леоновского Винни-Пуха на пароль-приветствие соответствовал моменту: «я-я» разные бывают».

В принципе остальное и дальше было бы традиционно, если бы, открыв дверь, Мама там не обнаружила нэчто чумазо-черное и взлохмаченное.

Реальный черт – пятака поросячьего только не хватает.

Первой мыслью было: «Где он валялся?»

Вторая, уже более приближенная к вероятной действительности: «Где и с кем он подрался? Ну и потом, конечно же, валялся».

Ни на первый, ни на второй вопрос, озвученный минутой позже, ей не ответили, недоуменно посматривая на собственную родительницу.

И только, когда Старшенький пошел зажечь Ханукальные свечи, до Мамы дошло!

Она совершенно забыла, что каждый год перед началом зимних коротких каникул в школе у Старшенького тоже делают представление.

Устраивают старшеклассники костюмированное представление для всех, а потом самозабвенно застольничают.

Она даже с выбором роли угадала: ее де*т*ь был загримирован под сатана,

И черная морда, красные рога и красный же хвост были тому свидетелями.

«Это у него от меня», – умилительно думала Мама.

Советуя в следующий раз снимать грим влажными салфетками, чтобы не пугать мирное население в автобусе видом несанкционированного явления предвестника начала Страшного Суда и отбора в кандидаты на роль грехопопаданцев в аду.

Из обучательно-познавательного

Готовы?

Опустите руку воль тела (и не надо думать, что это зарядка на рабочем месте, как в советские времена).

Согните ее в локте так, чтобы кисть оказалась перед вами.

Переверните кисть ладошкой вверх и соберите пальцы щепоткой, так чтобы кончики пальцев смотрели в небо.

Сделали?

Поздравляю! Большая часть русскоговорящих жителей Маминой страны скажет, что половину иврита вы уже выучили.

Этот жест имеет у местных много значений.

Так вы просите своего собеседника замолчать и обождать, пока вы отвлеклись на что-то другое.

Просите просто кого-то подождать.

У Мамы этот жест по отношению к детям иногда просто означает прикрыть род младшим представителям ее семейства хоть на мгновение и дать ей передохнуть от детской трескотни.

А теперь не расслабляемся, пальчики держите все так же «в кучку» и помашите согнутой в локте перед собой рукой с этой самой перевернутой щепоткой.

Вот если бы вы стояли возле пешеходного перехода в Маминой стране, то вы бы однозначно просили водителей остановиться и дать перейти дорогу.

И поверьте, они бы таки остановились.

Если вы просто поцелуете кончики пальцев и распустите щепотку после этого цветком, то сообщаете о своем в высшей степени восхищении чем-либо.

Если вы этой самой щепоткой ущипнете легонько кого-то за щеку, а потом поцелуете собранные в кучку кончики пальцев – это будет означать ваше к нему сверх меры хорошее отношение. Мол, тако-о-ой хороши-и-ий!

Общепринятые жесты – штука заразная, и даже государственные деятели, вроде премьер-министра страны, вполне спокойно изъясняются ими перед парламентом, своей поднятой щепоткой показывая «подожди, дорогой, сейчас и ты говорить будешь…».

Потренировались? Понравилось?

А теперь посмотрите на то, какими глазами смотрят на вас окружающие сотрудники или родственники.

Глазки их увидели?

Не-не, не пугайтесь.

Можете сразу объяснить, что Мама вас тренирует

отрабатывать жесты.

В Маминой стране очень любят жесты и почти всегда не уважают личного пространства.

Кому-то это может показаться не правильным.

Но Мама считает, что люди таким образом становятся ближе друг к другу.

Из кошачьего

Помните, Мама вам рассказывала про то, как сильно хотела собачку и как она ее получила?

Так вот Мама хотела не только собачку, но и котика и долбила уже своей маме мозг ежедневно.

Мамина мама говорила ей, что котик обязательно будет.

Стоит только немного подождать, когда кошка ее подруги окотится.

Потом Мамина мама увещевала, что стоит еще какое-то время потерпеть, пока котенок подрастет…

В общем, Мама не особо этому верила (греша на родительскую отговорку), но решила, что раз уж от кота категорически не отказываются, то…

Всегда можно что-то придумать.

К Маминой бабушке каждое лето приезжал на все летние каникулы Мамин же двоюродный брат.

Разница у них была всего в полгода, а значит, были они не разлей вода.

Дружно бесились, проказничали, игрались… и так же дружно, с упоением, дрались.

А кто в основном летом присматривал за Мамой и ее Кузеном, конечно, помните?

Да-да, тот самый Деда с отбивными-лаптями, шикарным борщом и папиросами «Беломорканал».

Однажды Мама с братцем, играя в лесу, рядом с двором, услышали невнятный писк.

Писк издавал совершенно маленький, мохнатый, серо-полосатый бездомный котенок.

Мама, помня, что «лед уже сдвинулся» и ее мама уже не против кошачьего племени, решила, что ждать, какого-то там эфемерного мамы-подругиного кота нет смысла, когда тут уже есть свой живой и никому не нужный.

В общем, подхватив котенка в одну руку, а братца в другую, потащила обоих к деду.

Одного для демонстрации.

Второго для поддержки.

Кузен тоже против котов ничего не имел против, особенно учитывая, что его собственная мама, вообще, кроме рыбок и морских свинок, ничего не разрешала заводить. А если вспомнить, что прошлой зимой выбравшаяся из клетки свинка прогрызла здоровенные дыры в ее новеньких гэдээровских сапогах…

В общем, он был бы просто счастлив, приезжая каждое лето к родным, играть не только с собакой, но и котом.

Дедушка был против.

Как так? Без разрешения родителей?

Но… он никогда не умел отказывать Маме.

Потому через полчаса и с оговоркой, что он в принципе не против, но (!) окончательный ответ за Маминым родителями, разрешил оставить полосатого временного подселенца на вверенной ему территории.

Мама же мыслила более рационально.

Там, где Деда не против, бабушка тоже возражать не будет, а значит, пятьдесят процентов успеха уже у нее в кармане.

Да и кто выгонит бедного несчастного котенка, после того как самолично выделил ему блюдечко и отпаивал молочком?

Вот и Мама о том же.

Пришел вечер…

А с ним пришла и Мамина мама…

Причем позже обычного и… не одна.

Оказывается, у ее подруги действительно была разродившаяся кошка и… котята.

Вот Мамина мама и зашла забрать достаточно повзрослевшее бело-черное чудо для своей отрочицы.

Вечером собрался консилиум – что делать с неучтенным и учтенным зверенышами?

Спорили долго, на Маму с Кузеном смотрели, не сказать, чтобы строго, но укоризненно.

И все время думали: чего теперь делать-то? Ни одного ведь не выставишь за дверь – жалко.

В общем, постановили – котам быть!

Причем черно-белое лохматое нечто по имени Тишка останется у Мамы и ее родителей.

А серо-полосатое, с полом пока еще не определенным, будет жить у дедушки с бабушкой.

Все были счастливы…

Ну, пока Бабушка не определила через месяц, что у них все же кошка, и срочно переименовала с Тигрика в Муську.

Дедушке от Бабушки тогда прилетело хорошо со строгим наказом, что распределять, куда девать котят, он «сердобольный» будет сам.

Так и зажили.

Из кошачьего-2

Да-да так и зажили.

И жили бы тихо, мирно, скучно, если бы…

Мамины родители не затеяли дома ремонт.

И Тишка не оказался настолько воспитанным котом.

О чем речь?

Все просто.

Когда Мамина мама принесла черно-белое и мохнатое домой, ремонт дошел до кухни-столовой.

Мамины родители традиционно застелили пол в ремонтируемом помещении толстым слоем газеток, подготовили стены и потолок и… перенесли побелку-покраску-поклейку на следующий день.

В те времена туалетных лотков не было, не говоря уж о наполнителях, и кошачьи хозяева «издевались» над питомцами как могли, пытаясь приучить к чистоте.

Кто-то к унитазу приучал, а кто-то к… газеткам… мелко-нарванным.

Тишка оказался как раз газетным вариантом, тем более сильно воспитанным газетным вариантом, несмотря на очень юный возраст.

И совсем не хотел ходить по своим интересным делам на улицу.

Конечно, он же еще ма-а-аленький, да и сыро там бывает поутру, а тут всегда в приятной близости знакомо-шуршащее и сухое.

В общем, расстеленные на полу газетки во всех ремонтных комнатах Маминому семейству приходилось стеречь.

И чаще всего происходило все по одному и тому же сценарию.

Устраивается кто-то из Маминых домочадцев в гостиной перед телевизором, садит напротив себя мохнатый, излишне воспитанный мохнатый комок и сторожит, одним глазом торча в телике, а вторым косясь на нарушителя семейного спокойствия.

Стоит только телевизионному увлечь сильнее и все…

Иногда Мамина семья успевала подловить непереобучаемого котенка на «примостился над газеткой», а иногда приходилось срочно менять ту самую часть «осчастливленных», мокрых газеток, предварительно потыкав в это же самое «счастье» виновника.

Котенку же, наоборот, видимо, эти забеги оченно нравились, потому что совершал он их с завидной частотой.

Такой «спорт» длился полторы недели.

Все приходящие в гости родственники тихо обхохатывались и готовы были делать ставки на то, кто в следующий раз придет к финишу быстрее.

В общем, ремонт благополучно закончился.

Тишка осознал свою неправильную приученность и начал исправно выгуливаться на улице, тем самым сдружившись сильно с бабушкиной Муськой.

Бабкина кошка же на правах самой беспризорной подобранки научила Маминого домашнего неженку всему чему надо, получив заслуженное уважение и… создав с почти родственным соседом крепкую семью.

Мамин дедушка каждый год заранее находил добрые руки, которым можно было всучить плоды кошачьей семейной идиллии.

Так котами сначала были обеспечены все близкие родственники, потом в дело пошли соседи, дальше соседи соседей и соседи родственников…

В общем, почти вся округа через несколько лет могла похвастаться кошачьим братье-сестринским родством.

Один раз всего лишь Мамин Деда оплошал и не смог найти хозяев котенку.

Котенок по окрасу был вылитая мама-кошка – такой же серый, полосатый, но совсем не лохматый, а мощненький такой, лобастый.

Дедушка плюнул, сказав, что в хозяйстве все пригодится.

Назвал кота Кузькой и вырастил из него отличнейшего охотника.

Зачем собственно Деда назвал Кузьку Кузькой, Мама поняла чуть позже…

Когда он в очередном запале по-хрущевски вещал почтальонше, что покажет ей «кузькину мать», одним глазом косясь на сидящую рядом с крыльцом Муську.

Много лет сплоченное кошачье семейство, вполне сдружившись с собачьим тандемом, «радовало» Маминых соседей своими проделками и веселило всю ее родню.

Навсегда оставляя в Маминых памяти и сердце яркие воспоминания от веселых проделок и курьезных ситуаций.

Потому Мама всегда говорит:

– Если есть возможность, подарите своим детям их веселое, полное приключений и хороших воспоминаний детство.

Из папиного

«Крошка сын к отцу пришел…»

Не-не, Мама Маяковского плагиатить не хотела.

Просто у Мамы ситуация была схожая.

Ну, почти….

Блуждавший по просторам Европы Папа возвернулся домой.

Отоспался, откорм… отъелся… в общем, начал приходить в себя.

Порадовался деткам,

Посетовал, что так вытянулись, а он только сейчас увидел.

Попытался померяться ростом со Старшеньким.

Это у него, конечно, не особо получилось – выше собственной головы не прыгнешь.

А она у него явно уже не доставала до макушки ребятенка…

Да и Старшенький не подходил к Папе ни с какими вопросами…

Вообще…

Папа сам их себе нашел.

Сидя поздно вечером в субботу за столом после пары рюмок – по случаю приезда – вишневки, Папа размышлял.

Сетовал сильно, что даже не знает, где Старшенький будет искать себе жену.

Те не подходят, потому что ноги кривоватые.

Те – слишком жирноваты.

Эти – вообще, не в себе немного.

И что делать? Куда податься ребенку?

Старшенький, чувствуя, что дело запахло жареным, сначала замер за столом столбиком, перепуганным сурикатом.

Потом вообще чуть косоглазие не заработал, косясь на Маму.

В общем, у детя почти тихая истерика.

В принципе, у него была вполне реальная причина.

Когда-то Папа тоже прилетел вот так вот и начал нахваливать дочку своего друга – ровесницу Старшенького.

Так и говорил:

«Такая-я-я-я хазя-я-я-яйка…»

В общем, у ребенка паника, а Папе грубить пока не сильно хочется.

Оно и понятно – Папа вроде как только приехал и сказать ему прямым текстом, куда могут идти все эти невесты от предполагаемого «жениха» столь юного возраста (желательно подальше), он вроде как еще не мог.

Не прилично.

Так что пришлось Маме сначала успокоить Старшенького, что у Папы никого не примете нет – паниковать рано, а вся болтовня – треп слегка нетрезвого человека.

Папе тоже пришлось делать внушение о том, что:

«Найдет и наш прынц свою прынцессу».

Моле, всему свое время.

Из задаваемого

Маме вспоминался часто анекдот про мышей, которые «кололись, плакали, но продолжали есть кактус».

Жизнь у Мамы была примерно такая же.

В пятницу пришедший после школы Средненький «обрадовал» Маму.

Ему срочно надо сделать на воскресенье реферат для урока по ивриту о каком-нибудь животном.

Обязательно с картинками и обязательно на компьютере.

Третий класс, второе полугодие!

Где они, старые добрые сочинения в тетрадочках на тему «Как я провел каникулы»?

Сначала Мама побилась немного головой об стол – иначе мысли после кухонного угара не хотели становиться на место.

Потом долго уговаривала ребенка выбрать какое-нибудь другое животное вместо собаки.

Мотивируя тем, что времени мало, а Мама уже на перечислении пород собак загнется.

В общем, выбрали льва.

Кот этот хоть большой и опасный, но не особо распространенный и количество видов имеет ограниченное.

А дальше закипела сочинительная работа на тему: «Лев – царь всех зверей… или не царь?»

Дальше – Гугл Маме в помощь! – отыскались фотографии.

Мама, решив долго не страдать – слава всезнающей Википедии! – совсем по-плагиатски скопировала текст на вордовские листы.

В общем, за полтора часика был готов подчищенный, красиво оформленный, поделенный на темы, на девять страниц раскатанный реферат.

С чувством выполненного долга распечатанный на белых листочках текст, продырявленный дыроколом и вставленный в новенькую папочку, слепленный на скорую руку реферат был торжественно вручен Средненькому в руки.

С особыми наставлениями досконального изучения на протяжении субботы.

А то вдруг его спросят, об чем собственно писалось, а он ни гу-гу?

Суббота прошла под знаком изучения.

Средненький носился с папочкой как с писаной торбой и зачитывал особо выдающиеся моменты.

Наступило воскресенье.

После обеда.

Младшие вернулись со школы.

На Мамин вопрос, что сказал учитель, получила ответ, что в принципе нормально, но…

После титульной страницы с названием, фото льва и внизу идущей подписью автора опуса нужно добавить еще одну страницу с указанием содержания реферата и пронумеровать страницы.

Маме пришлось присесть, чтобы смочь дослушать все до конца, предчувствуя, что это была только первая ласточка от критика.

И не ошиблась.

Дальше ребенок поведал о необходимости также добавить еще одну страничку в конце, на которой будут отдельно указаны источники, откуда была взята информация.

Ребенок все говорил-говорил, а Маме казалось, что она вернулась на много лет назад и готовилась к написанию диплома.

Тут же мысленно порадовалась, что создавать пришлось всего лишь девять листов, а не сто двадцать пять и…

Пошла переделывать почти-дипломный-реферат.

Из традиционно-праздновательного

В местности, где Мама родилась и выросла, в ночь с шестого на седьмое января действовало только одно правило: «Кто не спрятался – я не виноват».

В смысле если ты не успел с темнотой зашторить окна, законопатить двери, сделать звук в телевизоре на минимуме и притвориться, что тебя вообще нету – все, готовсь принимать дорогих гостей.

Тот, кто видел старый фильм «Вечера на хуторе близь Диканьки», примерно сможет понять, о чем речь.

Нет, с ведьмой и чертом в те моменты Мама не встречалась, а вот колядующие…

Присутствовали неотвратимо.

И да, хоть мешками на санях «добро» не уносили, но…

На нормальное застолье даже со спиртным народ насобирать вполне мог.

И их мало интересовало, празднует кто-то этот праздник или нет – они уже пришли и точка!

Даже советская атеистическая идеология, вдалбливаемая гражданам годами, не могла повлиять на происходящее.

Мамины родители никогда не прятались и к этому делу подходили основательно.

Возле входной двери на комоде, рядом с телефоном выставлялся огроменный пакет с ассорти из конфет и пряников,

А рядом несколько рюмок и пару бутылок с горячительно-согревательным.

В холодильнике же томилась бутербродно-угощательная закуска, а на столах накрытые полотенцами тазики с пирожками и пирогами.

Сладкое ассорти обычно расходилось к часам десяти, когда все малолетние колядующие разбегались по домам к своим теплым постелькам, с пакетами «честно заработанного» и отпетого, кто на что горазд, сладкого сокровища.

Наступало затишье в пару часов.

Пока колядники постарше сидели за столом еще дома, заранее себя согревали и доводились до той кондиции, когда срочно нужно проветриться.

И желательно на морозе.

А еще желательнее, подальше от собственного дома.

А вот потом…

Сначала в дом вламывалась группа товарищей.

Разноголосо, иногда не попадая ни в такт, ни в ноты, пела

песни и умолкала в ожидании, чем их одарят…

Мамины папа с мамой работали, как на конвейере.

Пока хозяин дома подносил каждому наполненную рюмку и тарелку с закусем, хозяйка дома паковала пироги, пирожки и остатки конфеточек на десерт.

Благодарные певуны от души всему дому желали всего-всего и до самой крыши, а потом в скоростном режиме ретировались, спеша к соседнему дому…

Стук в двери не прекращался.

Возраст колядующих скакал от семнадцати до пятидесяти.

А Мамин папа готов был уже просто дежурить у дверей, требуя от своих дочерей синхронное суфлерство о показываемом по телевизору.

Ближе к трем ночи наступала относительная тишина.

Основная группа «поющих вымогателей» уже разбредалась по фазендам и устраивала повтор согревательного застолья с уже «награбленного благородными разбойниками».

Мамины родители с чувством выполненного долга перемещались в зал и, изредка подрываясь на пошкрябывания в дверь, от запоздалых колядующих певунов.

Все стихало примерно на неделю…

До Старого Нового года.

И тогда все семейство было опять на посту и во всеоружии.

Подготавливая не только угощение, но и веник.

Нет, не для того, чтобы «гнать поганой метлой» из дому всех, кому медведь на ухо наступил.

Просто, если вовремя не выметать крупу, щедро «засеваемую» в коридор очередной партией поющих, можно запросто оказаться погребенными заживо ею же.

Правда, искусство увернуться вовремя от запущенной в тебя жмени этого добра и не дать попасть тебе же в морду лица тоже надо было в себе воспитать.

Иначе потом еще долго можно было выгребать из-за шиворота и тапок неудобные крупинки.

Из магазинного

Мама всегда знала, что Папу самостоятельно пускать в дрейфующие воды покупательской активности никак нельзя.

Папу нужно постоянно контролировать в этом вопросе.

То ему видеокамера во время отдыха на море понравится, а ручки так и тянутся купить.

Пока Мама по этим самым ручкам не надает. Даже если «надавать» приходится по телефону.

То на заправке высунется из магазинчика, куда пошел оплатить бензин, чтобы прокричать, что там «такая классная установка для газирования воды по скидке продается»…

Вот и приходится увещевать, что новая камера им пока без надобности – есть чем снимать и так.

А если он хочет газированную воду, пусть позвонит в компанию, чей кулер с водой стоит у них дома, и меняет агрегат на новый с дополнительной функцией.

Но… иногда Мама все же не успевает дать Папе по ручкам.

Или же Папа просто с тайным умыслом не желает звонить ей, из опасения лишиться новой навороченной игрушки.

Как с кофеваркой, которую он тоже по скидке купил на очередной заправке и привез домой с видом победителя.

Нет, вообще против кофеварок Мама не имеет ничего против, но…

Кофе в доме, кроме Папы, который отсутствует в семейном гнезде почти по полгода, никто не пьет практически – это раз.

А два – купил бы нормальную, для заваривания обычного молотого кофе, так не-е-ет, привез рассчитанную исключительно на готовые порционные «таблетки».

Которые хоть и продаются в ассортименте, но и стоят в итоге почти как сама кофеварка.

В общем, Маме с Папой весело и давать по ручкам приходится систематически.

И ненавязчиво контролировать, контролировать, контролировать…

Из зимнего

Недаром мама родилась в год Змеи.

Нет, не потому, что она такая гадина хладнокровная, хотя…

Да, именно поэтому.

Не потому, что гадина, а потому, что хладнокровная.

И может, даже и гадина… немного… ну… гадинка… гадюшечка… гадюшенция…

Мама жутко не любит холод.

И да, чувствует себя полноценной змейкой, потому что нет ничего лучшего, чем вылезти на солнышко и погреться.

Можно даже и на камушек – их в Маминой стране много.

Пышущих древностью глубокой.

Плохое кровообращение при малейших признаках понижения температуры в природе ниже десяти градусов заставляет пальчики на ее конечностях леденеть, скукоживаться в птичьи лапки и требовать себе носки-перчатки потеплее и побольше.

Нос тоже пытался что-то требовать, но…

Чехлов на нос еще не придумали, а в спецназовской маске на пол-лица – неудобно.

Клоунский красный пятак тоже не подойдет – Мама и так себя часто всеобщим скоморохом ощущает (шутовского колпака только не хватает).

А замотаться в шарф по самые брови не дает желания общаться с людьми.

Когда-то из-за мечтаний жить там, где лето почти десять месяцев в году, Мама и перебралась в эту страну.

Но кто же знал, что противный дух природы решит отомстить ей таким образом (нашел-таки, зараза, способ).

И теперь с ужасающей регулярностью мстит Маме за измену снегу, морозу и иже с ними.

Видеть несчастные ветки пальм, обвисшие от тяжести снега и скукожившиеся, как у Мамы пальчики, собственные листья оливковые деревья – тоскливо.

И Маме только и остается, что ежечасно проверять прогноз погоды (а вдруг случится чудо и выползет из-за туч солнце?) и считать дни до возвращения в ее жизнь нормальной зимней погоды с ее плюс одиннадцать-пятнадцать на градуснике.

Из гололедного

В мамином детстве было два слова, которые характеризовали целую эпоху и образ жизни огромной страны:

«Достать» и «дефицит».

Когда Маме, которая тогда еще и не была мамой, было десять, ее дядя полетел в командировку в Стольный Град.

Встречать командировочного родственника собралась вся многочисленная родня с тетками, дядьями, двоюродными сестрами-братьями и полным составом бабушек и дедушек.

В общем, грандиозная встреча прошла на уровне и началась раздача подарков.

По общему мнению, в таких случаях они делались в основном детям.

Подарки всегда выбирались хорошие, но обязательно с какой-нибудь жутко-полезной функциональностью.

В этот раз тоже почти не было отступления от традиций, а скорее имело маленькое, приятное детскому сердцу дополнение.

Мама наравне с еще двумя своими двоюродными сестрами одного с ней возраста получила сразу несколько подарков.

Для души и тела, так сказать.

Первый, полезный – ярко-красные сапожки на белой подошве производства московской фабрики «Заря».

Маме жутко нравились, потому что обычно Мамина мама не покупала ей такой яркой обуви ввиду непрактичности белого цвета подошвы, даже если и находила что-то подобное при тогдашнем тотальном дефиците на все.

Второй, душевный – ящик пепси в стеклянных бутылках и упаковку жевательной резинки с вишневым вкусом.

Это был праздник жизни, еще долго гревший душу после окончания пепси и тщательно сэкономленных жвачек.

Зимой, натягивая свои франтовские сапожки, Мама зехерила перед одноклассниками также, как и те самые двоюродные сестры классом старше.

Добрая зависть всех подруженек была обеспечена.

И все бы было замечательно, если бы не одно «но»…

Мама долго «зехерить» просто так не могла и постоянно куда-то с пацанами-однокашниками влезала.

Одним из «влезаний» был фокус, кто лучше и дальше проедется на своей подошве по укатанной в лед дорожке.

Не с первого раза и даже не с десятого у Мамы все же получилось подобраться к вершине первенства и перейти в лидеры «соревнований».

И потом еще не единожды отстаивать свой «титул».

Стоит сказать, что подошва на тех самых сапожках была сплавлена тоже из необычного состава.

И в скором времени они настолько хорошо раскатались, что скользили по льду не хуже коньков.

Это-то Маму и сгубило.

В раскатанных на скользких подошвах сапожках совсем невозможно стало ходить даже по обычным утоптанным дорожкам без того, чтобы не растягиваться при каждом сделанном шаге.

Идти теперь приходилось строго по сугробам рядом с теми самими дорожками, потому что сообщить собственной маме о своей проблеме и попросить отнести в ремонт, чтобы приклеить на подошву все что надо нескользящее, было для Мамы смерти подобно.

Снег в сапогах от сугробов – еще не беда.

Хуже бывало, когда приходилось пройти такой участок тротуара, где совершенно не было возможности идти просто по снегу и приходилось становиться на укатанный подошвами лед.

Ноги отказывались держаться вместе, разъезжались мгновенно в разные стороны, и Мама падала.

В один из дней на таком вот «сложном участке прохождения трассы» Мама билась попой об лед с полчаса, пока проходящая мимо женщина не сжалилась и не «дотянула на буксире» Маму до следующего сугроба.

С тех пор Мама не раз вспоминала и красные, красно-зарянские сапоги с не рассчитанной на развлечения среднестатистического ребенка подошвой; своих школьных пацанов и… с ужасом обходила десятой дорогой такие вот раскатки на тротуарах, сотворенные неутомимыми детскими ножками.

Из сериального

Знаете, бывают в жизни такие ситуации,

Которые проходят под девизом: «Папа, как всегда, не в курсе».

Ну вы смотрели мексикано-аргентино-бразильские сериалы?

Где все всё и обо всех знают и только богатый папа,

Который содержит всю эту кодлу, узнает обо всем последним.

Если, конечно, сериал не о самом папе.

Да и наверняка в каждой семье найдется общий секретик, о котором именно папа не знает.

Так вот у Мамы в жизни тоже был такой сериальный случай.

Выпускной класс.

Гормоны.

Мальчики и дискотеки.

В общем, точно все в этом плавали и точно знаете, каково оно.

Мамина одноклассница перед выпуском забеременела.

Долго мучилась вопросом: «Как быть?»

Но ума хватило все же не экспериментировать и рассказать собственной родительнице.

Будущий папаша был немного старше и совсем не против ребенка и уж тем более женитьбы.

Потому, посовещавшись, рассказали новость жениховой маме.

Собрали консилиум из мам, собственно, виновников проблемы и других близких родственников…

Кроме папы будущей матери.

И постановили – свадьбе быть!

Провели целую рекламную кампанию и подвели папу к тому мнению, что жених вроде вполне подходит для его дочери.

В общем, к выдаче аттестатов из невестиного папы выбили благословение на свадебку и принялись готовиться к торжеству.

Готовиться надо было в скоростном порядке.

Потому что еще немного, и живот у невесты будет гордо шествовать впереди носа.

А информировать невестиного папу о ее деликатном положении никто пока не хотел, ибо чревато.

Свадьба была – ух-х-х!

Противопапины заговорщики находились в напряжении весь первый день свадебных мероприятий, пока не получили на руки свидетельство о браке.

На второй же день, ближе к середине гуляний, папу решили

все же посвятить в ма-а-аленький такой семейный «секретик»,

О котором знала вся свадьба, ну кроме папы, конечно.

Зря они это сделали.

Лучше бы подождали до конца третьего дня торжеств.

Что творилось дальше – словами не передать.

Уже немного принявший на грудь папа,

Аки Кинг Конг бил себя в грудь, ревел медведем и носился между столами за новоиспеченным зятем.

Мамы визжат.

Молодую жену утащили подальше – беременным нервничать нельзя…

Им еще рожать надо будет.

В общем, второй день свадьбы прошел в очень укороченном, немного экстремальном варианте.

Но зато со всеми атрибутами сериальной мелодрамы – выпивка, погоня, легкий не травмирующий мордобой – зятя калечить низ-зя… будущего внука/ внучку (нужное подчеркнуть) еще на ноги ставить надо будет кому-то.

На третий день свадьбы гости собрались в том же составе.

Выпили за примирение тестя и зятя и… принялись чудить со всем размахом и в соответствии традициям этого дня.

В общем, концовка сей латино-мелодрамы тоже получилась вполне традиционна, но жутко запоминающаяся.

Из блатного

Вы по фене ботаете?

Мама тоже нет.

Хотя благодаря просмотренным фильмам очень неплохо понимала, что означает слово «медвежатник».

Мама в детстве тоже была своего рода домашним медвежатником.

Нет, сейфы дома никто не держал, и Мама их не вскрывала…

Ну, почти…

Каждый раз с началом нового учебного года…

Мамин папа брал две большие жестяные банки с крышками из-под кофе.

Прорезал длинную узкую щель в крышке и припаивал паяльником эту самую крышку в двух-трех местах к банке, создавая своеобразную копилку.

Обе копилки всегда предназначались Маме и ее сестре на их девичьи штучки.

Сбрасывалась туда в основном мелочь, излишне отягощающая карманы и кошельки родителей.

Взносы ими в эти копилки делались равнозначные, потому никому не приходилось обижаться.

С началом же новых летних каникул эти две «сокровищницы» вскрывались, давая Маме и Маминой сестре достаточно карманных денег на интересную каникульно-подружковую *жисть*.

Правда, иногда Мамины родители удивлялись, почему именно в маминой копилке была сума поменьше, и пытались возместить разницу, чему Мама каждый раз благородно противилась.

Противилась она собственно потому, что сама себя иногда «грабила» в течение учебного года, когда так не хватало денюжек на предложенный подружками поход в кафе-мороженое.

Тогда, как самый заправской медвежатник, Мама выбирала время «Х», когда дома никого не было.

Брала паяльник, канифоль и проводок, который использовала для обратного запаивания, и приступала к своей «опасной» работе.

Нет, фомка однозначно не ее метод.

Аккуратно отпаянная папиным паяльником крышечка откладывалась рядышком в сторону.

Доставалась нужная сумма, и-и-и… крышечка припаивалась обратно так, чтобы следы предыдущей работы паяльника совпадали.

Причем Мама старалась проделать свою работу настолько ювелирно, чтобы Мамин папа ничего не заметил.

Он и не замечал.

Зато один раз подглядела сестра.

И теперь уже ее копилку, по ее же просьбе паяльниковая медвежатница вскрывала и выдавала нужную наличность.

Так что сами понимаете, в последующие после этого года родители обеих «себя-грабительниц» не нервничали и не удивлялись разнице в суммах, потому что ее попросту не было.

Жаль было только одно – незапланированные денежные вливания, для уравнивания сумм, в мамину копилку тоже прекратились.

Из предвкушательного

Дневной школьный поход – для маминых детей всегда праздник.

Особенно фанатеет от всего этого Младшенький.

Во-первых, потому что ему надоело смотреть, как старшие братья готовятся к этим походам, а его все не везут и не везут, потому что «он еще ма-а-аленький».

Во-вторых, в силу своего характера, который Мама называет не иначе как «шило в попе», такие дневные походы делают в каждом классе по нескольку раз за учебный год.

Их редко возят по изобразительным музеям и производственным комбинатам (как это было в Мамином школьном прошлом).

Так же, как и отсутствует дрессировка детей ходить строевым шагом на экскурсии с лагерными «шаг влево, шаг вправо…».

Надо же что-то и для детско-родительского досуга оставить.

И экскурсии, и строевую…

Дети знакомятся с окружающей природой, лазят по пещерам и под конец жарят что-то на мангале – гамбургеры, люля-кебабы, картошку…

Даже салаты нарезают себе сами, ненавязчиво обучаясь с детства заботиться не только о себе, но и об окружающих.

В общем, детей родителям возвращают обратно загрязненными, прокопченными до нужной кондиции и в смачных продуктовых пятнах.

Младшенький и в этот раз к предстоящему событию, как всегда, подошел основательно.

Сначала Маме раз …надцать напомнили не забыть подписать разрешение на участие в походе для школы.

Потом повесили список необходимого в Большом Путешествии под магнитик на самое видное место на холодильнике.

А его там найти очень тяжело, уж вы Маме поверьте.

А дальше начали обратный отсчет, не забывая чередовать с качественным выносом Маминого мозга в ее же печенку.

Не забыла ли она это приготовить, то купить и вот это положить.

В общем, кому-то веселое предвкушение, а Маме головная боль.

Причем в прямом смысле слова, потому что если еще неделю назад была почти минусовая температура и снег, то сейчас плюс двадцать один днем и солнце.

Так что кому-то радость и поход.

Маме же головная боль от скачков температур в погоде и от подготовки к тому самому походу.

Итак, день «Х» наступил.

Рюкзак, фонарик, еда, вода – на месте.

Блайзер и футболка с логотипом школы на ребенка напялены.

А самого детеныша загнали в группу таких же, как и он второклашек, что в одинаковых кепках и футболках были больше похожи на не сильно разумное галдящее стадо.

Тех, что под присмотром учителей будет разносить пещеры, лазить по нашим, облаженным со всех сторон не один раз, горам и не кушать, приготовленные мамами, сэндвичи…

А обжираться немного пригоревшими типа шашлыками.

Эххх, детство!

Из ракушково-камушкового

Ракушки в Мамином доме присутствуют всегда.

Не важно, тащатся они летом с поездок на море всем семейством.

Или же детьми из походов к водоемам, как в прошлый раз Младшеньким.

В общем, их всегда много.

Каждый раз Мама думает, какие интересные штучки она может сделать из всего этого морского богатства.

И все складирует и складирует. Но руки до этого интересного дела доходят редко, а складируемое приобретает угрожающие размеры, грозясь погрести Маму под собой со всем ее семейством и тогда…

Мама берет большой пакет и отдает моллюсковые домики в место, где всегда нужен поделочный материал в промышленных масштабах.

Детсад, который пережил бурю и ураган в виде ее младших детей и даже сумел выстоять.

Воспитательница старшей группы каждый раз рада посылке, как родной.

Ракушками в садике облеплено все – начиная с декораций к очередному детскому представлению, которые по традиции ваяют воспитатели, нянечки и иже с ними…

И заканчивая поделками самих детей.

Посылку от Мамы торжественно вручают своей бывшей поучательницы жизни те самые «буря» и «ураган», потому что бывший родной садик находится в одном дворе с ныне родной же школой.

Передача хрупкого «товара» из рук в руки и…

Они вновь расстаются как минимум на полгода до следующих ракушечных дел.

Камушки тоже в последнее время вошли в круг интересов Маминых младших детей.

Ага, после того, как на очередном походе Средненькому и всему его классу преподаватели показали особую породу камней, из которых намного легче высечь искру.

Мама преподавателям была очень «благодарна» за подобный урок по выживанию в дикой природе.

Сначала ей пришлось часто бегать за младшими, когда в очередной раз Средненький собирался устроить показ правильного высечения огня рядом с бумагой…

Бегала до тех пор, пока не выработала у детей рефлекс, как у

собаки Павлова, на Мамин гавк.

И они теперь высекают огонь строго на балконе.

Он сплошь из камня и плитки – загореться там априори нечему.

Из надуманного

У вас бывает такое чувство после долгого просмотра какого-нибудь фильма, когда начинаешь ту или иную ситуацию примерять на себя?

А у Мамы бывает.

И самое обидное, Маму совсем не привлекает аргентино-мексикано-бразильское чудо киноиндустрии.

Фентэзи, фантастика, история, детективы – вот мамин удел.

Вот насмотришься, к примеру, «CSI. Место преступления…»

Дальше идет перечисление города, выбранного под это дело: Лас-Вегас, Майами, Нью-Йорк…

Да еще на каждый город сезонов по тринадцать…

И в каждом серий по двадцать пять…

Мамино состояние в конце всего понимаете?

После третьего сезона при просмотре вскрытия криминалистами черепной коробки и нарезания человеческого мозга тонкими сырными слайсами – Мама даже не прекращает жевать свою порцию ужина.

И уж тем более не давится чаем, наблюдая, как отделяют кожу от головы или вытаскивают для проверки внутренности.

Зашивание трупов после вскрытия кажется вообще уроками художественной вышивки…

О том, что нужно там подкачать и тут подобрать, наблюдая за собой в душе, Мама тоже стала задумываться.

При вскрытии лишние жировые отложения однозначно смотрятся не айс. Во всяком случае, их в подобных фильмах очень неаппетитно показывают.

Хотя, может, это своего рода киношная агитация за здорово-спортивный образ жизни.

В общем, Мама пришла к одному выводу – такие фильмы определенно положительно сказываются на поддержании правильного питания и спортивного тонуса.

А главное, порог брезгливости отодвигают на такие заоблачные границы, что вам и не снилось.

Из выдавительного

Чем старше становятся дети, тем сложнее из них выдавить улыбку.

Именно так думает Мама каждый раз, когда пытается добиться нужного результата у Старшенького.

Милый, вечно хихикающий ребенок превратился в один момент в хмурого буку.

Вечно чуть сведенные к переносице брови, губы поджаты, взгляд недовольный, что его отвлекают…

Ну да, «телячьи нежности» – это уже не про него.

Но, он же ее, родненький, который и через двадцать лет будет таким же «ее».

На что только Маме не приходится идти.

То где-нибудь в угол загнать и пощекотать…

То шутливо-грозяще никуда не пускать…

То разные провокации немножко поустраивать…

В общем, изгаляться, изгаляться и еще раз изгаляться в шутовских способах.

Чтобы еще раз увидеть на вечно хмурой бородатой мордахе улыбку с ямочками.

Мордаха всячески старается этому препятствовать, но…

У Мамы жизненного опыта побольше и фантазия, соответственно, в некоторых делах побогаче.

Потому, хоть и с большим приложением физических и не только сил, улыбку все еще удается выдавливать из детя хотя бы раз в день.

В таких случаи Мама жалеет только об одном – мировой прогресс еще не дошел до уровня развития фантастических изысканий.

И у нее в голове нету встроенной миникамеры с микрочипом для запечатления таких вот моментов на долгую память.

Нет, ну в самом деле не таскать же за собой по дому телефон или фотик?

Из приятно-получательного

Мама, как и любая женщина, любит получать подарки.

Но есть подарки, которые ей получать особенно приятно.

Ну, знаете?

Вроде как мелочь и совершенно неожиданная, но тем не менее самая ценная.

Нет, Мама не имеет в виду тот вид подарков, которые дарят лишь бы подарить…

Вроде как принято дарить что-то, вот и дарят.

А что оно, зачем оно?.. Никто не знает.

Мама говорит совсем о другом.

Представьте.

Вы дома.

Стук в дверь.

И на пороге ваш сын… неожиданно протягивающий Вам цветок чайной розы.

И не важно, что короткий черенок.

Сам цветок измочален.

А вся эта красота стибрена по дороге со школы с одного из газонов близлежащих домов.

Важно совсем другое.

Первый момент – в душу западает выражение его глаз.

Ожидание и надежда.

Он ждет от вас похвалы и надеется, что вас такой знак внимания порадует.

Вы бы смогли в такой ситуации поступить как-то иначе, кроме как обнять, поцеловать и сто тридцать раз поблагодарить за сюрприз, вытащенный из-за спины?

Вот и Мама такая же.

Или ваш Старшенький, уже давно вышедший из нежного возраста.

Жутко не любящий и всячески отвергающий «телячьи нежности».

Приносит домой купленные за честно заработанные карманные деньги шоколадки.

Специально для братьев и… для вас лично.

Казалось бы, ничего особенного, но…

Для Мамы важно, что он сам, по собственному желанию захотел сделать это.

Не потому что так надо, а потому, что ему захотелось сделать кому-то приятное.

И они при этом сами получают удовольствие от

произошедшего.

Искренне, от всего сердца и несмотря на мишуру типа «я взрослый мужик – мине это не надо!».

Такие букеты всегда стоят у Мамы на видном месте.

А шоколадки с большим удовольствием съедаются, не глядя на калории.

Мама же делает себе еще одну зарубку на воспоминания.

А еще… сто-тысяч-раз заверив, что очень нравятся цветы, просит растянуть это удовольствие подольше и не косить все газонные кусты за раз в угоду маминой радости.

Из познавательно-вопрошательного

Когда-то…

Когда Мама была еще тринадцатилетней скромной домашней девочкой…

За окном уже полным ходом бурлила горбачевская перестройка…

Буйным цветом цвело кооперационное дело бывших цеховиков…

А купюры, чтобы скрыть очередную девальвацию и уничтожить, как класс накопления населения, опять менялись…

Мама прочитала небольшую занимательную статейку.

Которую еще пять лет назад вряд ли бы напечатали в советских газетах.

Заметка была вроде как самая обычная, и, казалось, смысл был понятен, но…

Несмотря на просвещение масс «интердевочками» и «маленькими верами», были там два словечка, которых тогдашня Мама совсем не знала.

Интернетов тогда не водилось.

А погуглить Мама могла только с соседскими девчонками на лавочке при помощи болтливого языка и семечек.

Потому, обычно в таких случаях, кто попался первым из взрослых, того Мама и спрашивала.

Итак.

Комната.

Мама сидит за столом.

Возле нее газета…

И Мамин папа в старых вещах и в смазке после ремонта машины, входящий в дверь.

«Папа, а что такое гомосексуалист и СПИД?»

Мамин папа замирает с приподнятой ногой, медленно от шеи и до приличных уже размеров лысины краснеет и спрашивает:

«А что?»

В глазах настороженность напополам с недоверием.

На лице явное подозрение: «как?», «откуда?»…

«Ну вот, тут в газете написано, что в США умер первый гомосексуалист, заразившийся СПИДом».

Подозрение на практически багровом лице сменяется замешательством.

Ну да, как объяснить дочери, которая всю жизнь прожила в стране, где секса нет (и не спрашивайте меня, как они в Советах раньше размножались, сама теряюсь), что такое эти два слова…

Особенно первое…

Особенно папе-интеллигенту-инженеру, который, конечно, знает матерные слова, но не при детях же!

Замешательство на Мамы-папином лице сменяется теми самыми, которые не при детях и отчетливым «Боже, ну, почему я?».

Как рассказать уже вроде как взрослеющей дочери об ЭТОМ?

Если он с ней даже о ТОМ, что вроде как обычное дело, не говорил…

Надо все же отдать ему должное.

Мамин папа оказался молодцом.

И постепенно бурея щеками, шеей и ушами, объяснил сильно-образно-примерно, о чем спрашивала дочь.

После этого уже бурела Мама, наблюдая, как ее папа, забыв о том, что хотел взять в доме, улепетывал обратно в гараж.

Из деньго-обращательного

Первую половину своей жизни Мама жила в эпоху глобального дефицита.

Это когда на зарплату вроде как и можно было жить, но…

Невозможно ничего нормального достать.

Когда закончить торгово-экономический институт считалось намного престижнее национального университета.

А быть товароведом мечтала каждая вторая девочка.

Потом Мама выросла и жизненные реалии тоже… изменились.

Развалились Советы, и к дефициту в товарах присоединился дефицит в деньгах.

Во избежание утечки денежных ресурсов и до замены национальной валютой поначалу в обиход дополнительно к советским рублям были введены отрезные купоны.

Печатались небольшими квадратиками на листах формата А4 и номиналом соответствующим рублям.

Что после этого началось…

Обычно при выдаче зарплат сотрудникам любых учреждений вечно чего-то не хватало, чтобы всё и сразу.

То рублей на всех недостаточно, зато купонов было в достатке, и тогда в бухгалтерии делали пометки о задолженности перед тем-то и тем-то в том-то и том-то.

То купонов на всех не хватало, зато рублей в этот раз завезли больше, чем в прошлый…

В общем, жить стало, прям скажем, весело.

Посещать магазины было еще веселее.

Если там было еще что купить.

Потому что рассчитаться можно было, только предъявляя одновременно нужное количество купонов и рублей.

Кассирши все, как одна, обзавелись здоровенными ножницами (иногда Маме казалось, что они такие ножницы заводят для особо зверского способа убиения самого крикливого из покупателей) для отрезания нужного количества квадратиков купонов, соответствующих суммам в рублях.

В магазины приходилось ходить не просто с кошелечками, а с кошелищами размерами, приближающимися к авоськам, в которых помещались не только советские деревянные, но и мятые простынки купонов.

Продавщицы их, «простынки», бережно, по протертым до дыр, сгибам разворачивали и занимались художественной резкой.

Потому сгибать эти самые «простынки» приходилось тоже не

пропорционально, а строго по линиям срезов, тем самым облегчая вырезательную работу кассирам.

Дабы не обнаружить в следующий раз протертую дырку вместо суммы в рублях, на которую именно этот квадратик и претендует.

Из трудно-добывательного

В общем, после всего былого в магазины теперь заглядывали больше по промтоварным делам.

В надежде прикупить на быстро обесценивающиеся рублики хоть что-то.

Иногда просто так «чтоб было», а иногда для возможного бартерного обмена.

Продукты стали же добывать старым способом – руками и лопатой.

Заводилось свое домашнее хозяйство.

Облагораживались сады и огороды, уничтожая на всем частнособственническом свободном пространстве газоны.

Брались дополнительные сотки.

В школах традиционно весной и осенью у детей появлялись незапланированные недельные каникулы.

Посадка и уборка картошки-капусты-свеклы-моркови… – это святое.

Весной на страду выходили все, начиная с бабок-дедок и заканчивая первоклашками, бывшими на подхвате.

Мамин папа тоже поучаствовал в картошечно-посадочном движении и даже успел отметиться в местном сельхозсообществе.

Сажать под лопату ему было не так интересно, инженерная мысля так и бурлила в голове, а рукам так и хотелось чего-нибудь такое этакое отчебучить.

Через год на посадочно-полевые работы было предоставлено нововведение – плужок.

Да-да, тот же плуг, только в несколько раз меньше.

И посадка картошки оказалась поставлена на конвейерную систему.

На уже вспаханном и прополотом участке делалась граблями разметка с длинными неглубокими бороздами.

Мамину сестрицу старшую (ввиду ее щуплости) запускали вперед на борозды раскладывать картофель недалеко друг от друга.

Основные закопщики посадочного материала становились строго между этими бороздками, которые делались чуть ли не под линейку, выверяя точно определенное расстояние.

Мамин папа, исполняя роль лошади, впрягался спереди и тащил плужок.

А Мама сзади (разве что только не тпрукала) держала сельскохозяйственное домашнее изобретение за ручки и контролировала, чтобы норовистый инвентарь шел ровно, без

заячьих зигзагов.

Картошка послушно погребалась под пластами земли от плужка, сил на это тратилось намного меньше (а значит, крепатура в перетруженных мышцах не заставляла вспоминать весь анатомический атлас человеческого тела, пытаясь сообразить, какая из хорошо прорисованной мышечной массы часть у тебя сейчас болит), и первый этап полевых работ в Маминой семье укорачивался буквально в два раза.

Соседи, поглядев на такое дело, тоже решили не отставать, толкая технический прогресс в одной отдельно взятой точке земного шара, и опыт перенять.

Так что уже через год на половине соседних участков картофель «хоронили» таким же способом.

Это было время, когда Мама впервые поняла, что лето – это не так уж и весело.

Вернее, ее «детское лето» закончилось.

А обновленное, огородно-календарное «лето» начиналось с ранней весны, когда надо было все перекопать, сорняки убрать, деревья побелить…

В общем, унывать не приходилось, так же как меланхольничать и депрессировать.

Передышка между посадкой и сбором тоже была небольшой.

Опять же святое дело, в пополам согнувшись, бродить между проклюнувшимися картофельными кустами и собирать колорадских жуков в баночку, и так до скончания веков…

Ну, или пока клубни не созреют.

В такие моменты Мама чаще чувствовала себя рыцарем в крестовом походе для борьбы с сарацинами.

Почему-то тогда в мыслях у Мамы сарацины прочно ассоциировались с саранчой, а колорады от этой братии по напористости, многочисленности и наглости тоже недалеко ушли.

Ассоциации с рыцарством усугубляло еще и то, что в углу у дороги, на поле с картофельными участками, средневековым донжоном торчал, сколоченный по всем правилам оборонительных сооружений, шалаш.

Сие сооружение хоть и не имело продолжения в виде крепостной стены, все же выполняло некоторые оборонительные функции.

Каждое огородное лето в ней круглосуточно дежурили рыцари-соседи по огородам, которые должны были бдительно следить за целостностью и сохранностью содержимого, засаженных продовольственным добром частных «плантаций», гоняя ежечасно незадачливых воришек.

Пережить консервацию первых плодов выращенного и собранного – было почти как семь кругов ада пройти – бесконечно, жарко и убийственно монотонно.

Потом наступало недельное затишье, когда все переводили дух и кидались на последнюю добытчицкую амбразуру с новыми силами.

Осенью же за плужком не побегаешь.

Лопата, мешок – и Мамино семейство опять один на один с картошкой.

Периодически можно было остановиться и поглядеть, насколько далеко в деле сбора урожая ушли соседи.

Дальше чувства колебались от результатов лицезрения – досада от того, что сосед слева уже почти закончил (ну да, у них же сыновья, как два бугая!).

Или радость «им до нас еще шлепать и шлепать!» при взгляде на огород соседа справа.

Время прошло, посадочно-огородный ужас ушел из Маминой жизни, но…

Воспоминания – как ни странно, чаще всего, даже теплые – остались.

Из долгожданного

Суббота (она, родимая, она).

Утро.

– Мама! – голос Средненького заставляет вынырнуть из сна и резко распахнуть глаза. – Старшенький ночью возле в туалете Борю вызывал.

(Средненький, конечно, выразился более оригинально, одним грубоватым, но емким словом, характеризуя ситуацию).

Первая мысль: «Ура!»

Вторая: «Наконец-то!»

Дальше мысли вообще начали скакать, как блохи.

Не-не, вы не подумайте, что Мама такая садистка.

Что радость ее относится к плохому самочувствию собственного ребенка.

Вовсе нет!

Просто если сложить вместе все факты, получится та ситуация, которую она очень ждала.

Ну, представьте: восемнадцатилетний дeть, его вечерний уход к друзьям, возвращение домой ночью и… ночное же бдение возле белого друга…

Ужин причиной плохому самочувствию быть не мог – ели все, а плохо ему одному.

Какой вывод напрашивается?

Правильно!

Мы наконец-то перепили, и нам пло-о-о-о-хо!

Кто бы знал, сколько Маме пришлось пережить этих вечерних уходов и возвращения, вечно осторожничающего во всем, ребенка… мм… совершенно трезвого домой.

И не надо говорить, что Мама хочет сделать из него алкоголика, вот уж нет!

Просто у Мамы принцип – нужно хотя бы раз в жизни перепить, чтобы понять две вещи:

Первое – свою норму, после которой пить не стоит,

И второе – как хреново бывает организьму после того, когда бывает очень хорошо.

Это, в Мамином понимании, проходило в категории «жизненный опыт».

Который, как известно, оставлял в памяти след только в том случае, если был приобретен с собственными набитыми шишками.

Казалось бы, оба вышеизложенных слова начинаются на одну букву «п», а как кардинально отличаются состояния, ими

описываемые…

А еще Мама на все сто знала, что процесс должен быть проконтролирован.

Ненавязчиво, но все же…

Правильные подсказки по дальнейшему выводу тельца из отвратительного самочувствия – половина успеха в столь нелегком деле.

Так что вот оно, свершилось!

Ребенок полдня отпаивался под маминым чутким руководством молочком, выводя токсины и сам себе обещал…

Чего он не собирается пить еще как минимум полгода.

А что будет готов попробовать уже через пару месяцев.

Кушал правильную после опохмела пищу и внимал Маминым наставлениям, чего с чем мешать категорически низ-зя!

Из подготовительно-поздравительного

Невероятно, но факт!

Младшенький в этом году решил не оставлять собственное празднование на самотек в «неумелых» Маминых ручках и решил его самому срежиссировать.

«Мам, ну что, вы подарки приготовили!»

«Да!»

«А свечки зажгли?!»

«Конечно!»

«Ладно… А-а-а, «Хэппи Бёздей» не забудь поставить, когда я пойду с закрытыми глазами для получения сюрприза!»

«Хо-ро-шо!»

«Ну, я иду!»

«Давай!»

Дни рождения детей в Маминой стране празднуются немного непривычно для традиций ее малой родины.

Не-не, дома день рождения празднуется вполне обычно – исключительно семьей и то по желанию.

К празднованию в садике-школе готовятся заранее.

Сладкие напитки, тортики и подарки!

Не-не, не имениннику подарки, а сам виновник торжества дарит подарки своим одноклассникам.

Вот и Мама из года в год к каждому дню рождения своих детей пакует подарочки.

В специальные, с деньрожденной тематикой, пакетики растасовываются несколько сладостей и маленький подарочек на память об этом знаменательном событии.

Дети с особой тщательностью проверяют, контролируют и помогают тасовать подарки одноклассникам и друзьям, вслух проговаривая все нафантазированные события запланированного празднества.

Утром же, в пути, по сумкам со всем сладко-праздничным добром в Маминых руках любой встречный моментально догадывается о событии.

Равнодушно мимо никто не проходит, и именинник еще перед празднованием получает свою порцию позитива с произнесенными поздравлениями, от совершенно незнакомых людей.

Дети от подобного события всегда в восторге.

Потому, что весело. Что рядом твои друзья в полном составе.

Что не переживаешь, придет к тебе кто-то в гости или нет. Что ты в свой день рождения, уже получив подарок от семьи, можешь теперь порадовать такое количество народа… И ощущать потом еще весь учебный день, восторг и радостное возбуждение от своих же одноклассников.

Маме такое положение вещей очень нравится по нескольким причинам.

Радость ребенка – это святое.

Но одна из самых главных – нет необходимости убирать погром в доме после праздничного забега тридцати малолетних разбойников по всей жилплощади.

А еще, не делает разделения детей на тех, кого пригласили или не пригласили на празднование дома.

Из грустно-написательного

В период последней военной компании в армии придумали новую фишку.

Каждый военнослужащий обязан написать письмо своим близким на случай собственной гибели.

Это письмо вручается семье погибшего при сообщении о трагедии.

И… Мама не знает, как к этому относится.

С одной стороны, любой матери смерть ее ребенка не исправят никакие письма, соболезнования и награждения…

С другой… наверное, намного тяжелее воспринимать эту трагедию, зная, что еще несколько минут-часов-дней назад вы общались с собственным таким строптивым, но от того не менее родным ребенком по телефону, писали смс-ки, а тут…

Невозможность высказать то, что всегда в душе, но так и не было сказано…

Ощущение непроизнесенного последнего слова. Его материального подтверждения.

Может такая возможность пообщаться с ним мысленно, хотя бы так односторонне, немного облегчит боль утраты.

А еще это память…

Тяжело, когда нет возможности попрощаться.

Из катастрофического

Когда в южной стране неожиданно выпадает снег – это, конечно, страшно, но не смертельно.

Не первый год, так сказать, еще и горы…

В общем, можно пережить. Хоть и с некоторыми оговорками.

Когда в этой же стране…

В этом же году выпадает снег повторно…

Причем в два раза больше и не в отдельных взятых районах на севере, а практически везде…

Приходит ОН.

Конец света. Дубль два.

Начинается все с простого – утреннего звонка…

Родителям от секретаря школы с сообщением, что учебные заведения сегодня не работают.

Потом приходят смс-ки от классных руководителей…

Звонки от родителей одноклассников детей…

И апофеозом всему сообщение по электронной почте от все того же секретаря с тем же и о том же.

Так сказать, контрольный выстрел.

Кто в таком случае остается дома с маленькими детьми?

Правильно – обычно матерь ихняя.

Самой Маме, можно сказать, повезло – дети достаточно большие, чтобы часик побыть дома, пока она в магазин не смотается и не прикупит, что надо.

Вот тут-то она и узрела второй признак конца света.

Семь тридцать утра.

Магазин (большой, стоит заметить) обычно в это время начала пятницы кишит народом.

Кассирши всех расцветок от «бледной немочи» до «горького шоколада» по традиции перекрикиваются и делятся впечатлениями о прошедшей ночи.

А как же? Ведь они же только в девять вечера расстались, после закрытия все того же магазина.

Не подумайте ничего плохого – пошлостей там не вспоминалось ни раз, но…

Женщины всегда найдут, о чем поговорить после нескольких часов разлуки, ага.

Так вот, о втором признаке…

Заметить его можно было сразу.

По тишине в эфире и…

И по управляющему магазина и брутальному (в форме и при оружии) охраннику за единственными двумя работающими

кассами.

Второй охранник мужественно синел у входа, не зная, куда деть замерзший нос – все остальные части тела были хорошо упакованы в шерстяные и флисовые изделия.

Дальше апокалипсический мужской «кошмар» продолжался…

Двумя шустрыми мужичками, обычно выполнявшими простые работы типа «разложи по полкам продукцию и проштампуй там все ценниками».

Теперь сии мужи толпились в открытой мини-пекарне все в том же магазине, распределив обязанности.

Один несчастный носился с тихим матом (непереводимой игрой слов именуемая) и раскладывал свежую сдобу и выпечку.

Второй же, мужественно потея, доставал готовые и ставил новые противни с плетеным субботним сладким хлебом.

Потому что, куда же в субботу и без субботнего хлеба?

Последний, из оставшихся не при женских профессиях, громадный мужик носился с тележками и раскладывал товар… везде… пытаясь стать тем самым пресловутым «фигаро тут, фигаро там».

В общем, усиленно изображал домохозяйку в праздник в преддверии прихода толпы гостей.

Узрев вспотевшие мужские лица, перепуганные глаза и судорожно одной рукой пробивающего чек на кассе, а второго названивающего своим кассиршам, управляющих, Мама даже не стала ворчать по поводу очереди жаждущих расплатиться за сцапанный с полок товар.

Все же нелегка судьба у мужчин на чисто женском поприще.

Из бородатого

Вы знаете, что такое тактическая борода?

Вот и Мама не знала… до определенного времени.

Нет, в местной армии много бородатых, да и вообще в Маминой стране борода не является чем-то выдающимся и подавляющее большинство мужчин ее носит.

И стриженые, и не очень, кому как нравится, но…

Пентагон провел исследования и постановил – бороде быть.

Оказывается, борода напрямую влияет на боевую эффективность действий военнослужащих.

Популярность отращивания бороды в армии началась с периода иракской и афганской кампании.

Ну это было Маме пока понятно – намного проще ходить с бородой, чтобы не отличаться от местного населения, чем блестеть голыми щеками среди толпы с заросшими лицами.

Особенно, если ты из спецподразделения или разведки.

Но в чем суть остальных утверждений?

Армией США были отобраны сто человек.

Полсотни из спецназа и полсотни из регулярных войск.

В каждой из полусотенных групп ровно половина были без бороды, вторая ж брутально заросши.

Исследования показали, что из группы бородатых товарищей ни один подопытный за период активных военных действий не был убит или ранен.

Точность стрельбы – спасибо великой бороде! – у этих товарищей была значительно выше.

И уровень тестостерона намного повышался по сравнению с другими… голощекими.

Безбородая же группа попадала стабильно в вечные передряги.

Начиная неисправностью оружия и заканчивая ранениями различной степени тяжести.

Чудодейственные бороды и высокий тестостерон стимулировали эндокринную систему, делая своих носителей более сильными физически и готовыми в стрессовых ситуациях принимать точные и взвешенные решения.

Опять же бородатый тестостерон влияет также и на психику, оказывая положительное воздействие на организьму при симптомах так называемого СХУ (Синдрома Хронической Усталости).

В общем, Мама впечатлилась и даже была во многом с этим мнением согласна.

У нее имелся даже еще один плюс из личных наблюдений:

С бородой (не Маминой – Папиной) целоваться значительно приятнее, чем с бритыми щеками – чувствительная женская кожа не получает таких дополнительных «бонусов», как раздражение от щетины.

И, естественно, бородатым намного меньше в армии приходится тратить времени на приведение себя в порядок – расчесал кудрявую и пошел заниматься своими боевыми обязанностями.

Вот только смущал Маму один факт…

Даже не просто факт, а целый фактище – то, что победило в каком-то там году на Евровидении.

Да-да, то самое – бородатое и в платье.

Сразу возникал вопрос – то ли имидж липовый, то ли борода клееная…

То ли вообще, что-то тут не доработано и роль в некоем тандеме Бороде отведена неправильная – платье нужно срочно сменить на форму, бронник и разгрузку с тактическими сумками.

Из убирательного

Вот так бегаешь среди недели по квартире.

Носишься.

Убираешь по верхам.

А потом… бац! пролетая мимо детской, в приоткрытую дверь посреди комнаты замечаешь ЕГО.

Большого, с мамин мизинец (и это не считая усов!).

Рыже-коричневого, наглого.

Он стоял на полу рядом с детскими кроватями, почти напротив двери.

В общем, самый обычный местный та-ра-кан.

Которому в эту пору року в доме совсем нечего делать.

Иногда Маме казалось, что Чуковский писал своего «Таракана» как раз с местного подвида, иначе бы той мелкотне, что обитает в квартирах ее бывшей родины, вряд ли бы удалось запугать даже львов…

Первая реакция – обычная для среднестатистической женщины – завизжать, отпрыгнуть и еще подрыгаться, как Вицин в «Кавказской пленнице» при виде уроненной тряпки на пути.

Потом пришлось подавить первобытные инстинкты и попытаться мыслить здраво.

Сейчас зима – все равно не сезон, даже при том, что она местами теплая.

Этот вылезти в такую погоду просто не мог – они в этой стране жаролюбивые и при температуре чуть ниже двадцати исчезают. Маме иногда даже казалось, что улетают в теплые края, куда-то уж совсем-совсем в Африку.

Это первое.

А второе, ему чтобы в дом попасть, надо было залететь (да-да, они в дом попадают чаще всего именно так), что невозможно.

Потому что окна-двери закрыты и потому, что он еще на подлете в воздухе от холодных потоков окочурился бы.

Титаническим усилием воли, после пятиминутного размышления «как быть», Мама потихоньку выдвинулась в сторону неподвижного нарушителя для проведения незамедлительной казни через убиение тапкой.

Ближе, еще ближе, еще немного…

Немного наклониться и-и-и…

Тьфу ты!

Мама резко разогнулась и посмотрела на пластикового таракана в местную, натуральную величину.

Вспомнила «не злым, тихим» производителя, сильно

любящего создавать модели насекомых слишком уж натуралистично и…

Спасибо, дети, за подарок Маме!

Она его забудет не скоро.

К концу учебного дня было принято решение не выяснять, какая зараза оставила эту гадость Маме на «радость».

Из избирательного

Мама в своей жизни видела много разных выборов.

Сначала это были выборы в очередной ЦК КПСС.

Выборы всегда устраивались в выходной и с большой помпой.

Ходили туда не столько для выборов, сколько за дефицитными продуктами.

Тогда выбирал еще Мамин дедушка.

Обязательно брал Маму за руку, неизменную авоську в карман костюмного пиджака и шел.

Сам избирательский процесс проходил как-то незаметно для Мамы, но вот потом…

Очередь в буфет за дефицитными салями и сырокопченой колбасой, вкусные такие же дефицитные конфетки, бразильский кофе и индийский чай «три слона»…

В общем, выборы каждый раз проходили успешно для тех, кто раньше прискакал и дефицитную вкуснятину «оторвал».

И Маме всегда больше нравилось ходить на выборы с дедом именно потому, что получала контрабандой от родителей такой вкусный черный, чуть горьковатый шоколад.

Естественно тогда и в помине не было никаких, так называемых, предвыборных скандалов, могущих пошатнуть пьедесталы под пятыми точками вождей.

Потом Мама уже сама ходила на выборы.

Избирателей завлекали продуктовыми пайками, уговорами… разве что только не танцевали, чтобы насобирать необходимый минимум на избирательных участках.

Они, выборы, тоже проходили в выходные.

Но уже без дефицита в буфете и со скандалами.

Правда, все эти скандалы мало что решали, потому как только дурак не знает, для чего идут в нардепы.

А еще мало кого удивишь тем, что кто-то из них ворует.

Теперь Мама тоже голосует.

И выборы эти совершенно не похожи на остальные, те, которые были уже в прошлой Маминой жизни.

Первое отличие, которое бросается в глаза и совершенный нонсенс для совка – выборы проходят в будний день, примерно посреди недели. И его хоть и объявляют не рабочим, но таковой он является в основном только для госслужащих. Вся остальная трудовая братия работает.

Ни буфетов, ни продпайков – все исключительно на осознанности человеческой и с почти стопроцентной явкой.

Кто перед работой, кто в свой законный обед заскочит, а кто

и после работы заглянет, отпросившись на пару часов раньше.

Зато тоже с этими… предвыборными… со скандалами, да.

Для скандалов – так уж повелось – в политике актуальны только две темы – секс и коррупция.

Сексуальные происшествия народ уже не удивляют.

Ну, в самом деле, это же не Билл Клинтон с очередной Моникой Левински.

Ну, посадили на небольшой срок бывшего президента за сексуальные домогательства своей опять же вот уже сколько времени бывшей подчиненной, о которых она почему-то вспомнила только через несколько лет.

Не, эта тема уже заезжена и никакого резонанса не вызывает.

Осталось что?

Правильно! Коррупция!

Вот у вас какое понятие о коррупции?

Мегамагнаты, миллиардные взятки, отмывание денег?..

В Маминой стране это не та тема, да.

А вот обвинить нынешнего премьера и его жену в разбазаривании народных средств…

Не-не, Стену Плача в аренду никому из олигархов не сдавали и Мертвое море никто нелегально не приватизировал…

Зачем нам такие простые темы?

Надо что-то поинтереснее, позаковыристее…

Жену действующего главы правительства, к примеру, обвинить в том, что деньги, вырученные за сдачу пустой стеклотары с правительственной резиденции она кладет себе в карман.

А? Ну? Как вам идейка?

А если еще раздуть в прессе темку до глобальных размеров, обозвать все это «бутылочным делом» и мусолить на каждом углу…

Принудить полицию открыть дело, вызвать водителя премьера и пытать: «Куда Сара, жена Биби, кладет деньги после сдачи бутылок?»

Во-о-от это да. Это скандал что надо.

В общем, для Мамы выборы в этой стране всегда проходят под знаком «весело», да.

Из выпивательного

Каждый год…

Не тридцать первого декабря…

Почти знакомо, но не совсем, да?

Во-о-от, все остальное в этом веселом празднике у Мамы почти совпадает.

Вернее, главная совпадательная деталь – напиться.

Напиваются в основном мужчины и до свинячьего визгу вполне на законных основаниях.

Это, наверное, единственный национальный праздник в году, когда народ пьет.

Причем в больших количествах и именно с целью напиться.

Причем фактически по принуждению, потому как надо.

На работах-школах же заранее обмениваются мишлоах манот – традиционные, красиво упакованные посылки с напитками, сладостями, фруктами, пивом, черным хлебом, квашеной капустой… в общем, кто на что горазд.

Единственным правилом для таких продпайков от друзей-сотрудников-родных является готовность пищи к употреблению.

Ага, чтобы вот, если что – так сразу и не отходя от кассы.

Несваренной крупой тут просто так не отделаешься.

Еще одна совпадательная деталь – карнавал.

Переодеваются все.

Во всех учебных заведениях в преддверии праздника устраивают костюмированные вечеринки.

Потому Маме приходится покупать сразу по два карнавальных костюма на каждое мальчишеское рыло.

Мотив простой.

После школьной гульни костюмы, естественно, не успевают постираться и высохнуть к собственно празднику.

Так что каждый раз Мама берет сразу и много.

Взрослые тоже наряжаются, но уже исключительно в сам праздник.

Кто во что, да.

Клоуны, фэбээровцы, солдаты, полицейские, ковбои, султаны, феи, золушки, пожарные, космонавты, королевы и короли…

Перечислять можно без конца.

Магазины за месяц до праздника начинают продавать тонны грима, масок, бутафорских носов, зубов, ногтей, оружия…

Парики, шляпы, лаки для волос с краской и без…

Косметические салоны переполнены желающими украсить свои физии профессиональным гримом.

Музыканты сбиваются с ног в попытке успеть отыграть везде, где договорились…

«Все нэмножечко сошли с ума!» – вот главный девиз проходящего месяца.

Мама тоже наловчилась клепать краску на мордашки детей, руководствуясь мастер-классами в Ютубе…

Папа у Мамы, в поисках очередного костюмного вдохновения, как-то хотел отличиться и прикупить к празднику килт в Шотландии, где он был как раз с оказией.

Посмотрел на цену и передумал – пятьсот евро за «костюм бессмертного горца а-ля Дункан Макклауд» на один день не самая приемлемая цена.

В общем, карнавальная лихорадка в самом разгаре, но и это еще не все…

Продуктовые магазины мешками распродают всевозможные лакомства не только для детей, но и для взрослых.

Разницу в «лакомствах» этих двух возрастных групп рассказывать не надо?

И при взгляде на магазинные тележки у покупателей кажется, что у всех вдруг конец света, обязательно сладкий и алкогольный.

Предпраздничная неделя проходит в одном сплошном угаре.

Закупки-упаковки десятков продпайков для всех-всех.

Заготовки в маринадах холодных закусок к столу.

Выбор алкоголя из серии «чтоб никому не поплохело и на всех хватило»…

Праздник тоже начинается весело.

Потому что он тоже начинается… с беготни.

Сбегать вечером в синагогу послушать чтение свитка с рассказом о произошедшем чуде.

Повторить тот же забег туда же утром, потому как традиция.

Пробежаться по всем адресам из заветного списочка с детьми, развести посылочки.

Вернуться домой и пробежаться по кухне с залетом в столовую – накрыть стол к приходу гостей.

Одновременно с этим скакать каждые десять минут, по дверному звонку, ко входу и уже от своих друзей-сотрудников-родственников получить свое продуктовое счастье.

С приходом гостей обычно начинается третья часть марлезонского балета – уследить, чтобы орава детей друг дружку не поубивала, ничего окончательно не разгромила и не обожралась теми самыми сладкими подношениями до состояния «мине плохо».

Со взрослыми гостями в этом случае проще – заставлять побольше кушать, чтобы не было того же состояния только от

обильных возлияний.

К вечеру праздника счастливы все – и дети с набитыми сладким пузиками, и взрослые с «залитыми» глазами…

Из прочитанного

«Девочка, где ты в наше время видела свободного единорога?» (с)

Эта фраза одного из героев Анны Орловой сделала Мамин день.

Ну, в самом деле, где в наши дни можно встретить хоть какого-то единорога.

Пусть даже и несвободного?

Ну так, просто, чтобы хоть со стороны посмотреть на это чудо-расчудесное.

В наше время единороги вымерли как вид.

Правда, мама не исключает наличия единичных экземпляров, сохранившихся как древние археологические ископаемые.

Что собой представляет единорог – миф… сказку… чудо… красоту… мудрость…

Мы подспудно всю жизнь ищем с такими же качествами «мужчину своей жизни».

Умеющего сотворить для вас чудо…

(Правда, иногда сотворенное им чудо прибить хочется.)

Превратить вашу жизнь в сказку…

(Самое главное, чтобы не страшную.)

Все проблемы обратить в миф…

(Главное, чтобы потом этот «миф» не обратил в проблему вас.)

Любить вашу красоту даже в глубокой старости…

(И чтобы его «древняя красота» соответствовала вашей, а не выглядела на несколько лет моложаво моложе.)

И мудро сглаживать все ваши вспышки плохого настроения…

(То есть успевал уворачиваться от летающих тарелок, теннисных подач сковородой и «зарядок» со скалкой)…

Ищем и очень редко находим.

Вот уж действительно «миф о единороге».

Такие «единороги» исчезли из нашей жизни как-то подозрительно незаметно.

И не потому, что у женщин запросы возросли, отнюдь…

Роли обеих половин неотвратимо поменялись.

И в сложных реалиях жизни слабый пол оказался намного сильнее мужского морально… и гибче.

В нынешней обыденности стало забываться самое главное…

Все вышеперечисленное и без условий в скобках достигается простым словом – взаимопонимание.

Когда на первое место всегда встает «МЫ».

И все…

И хорошее, и плохое решается и принимается сообща, учитывая мнения обеих сторон и находя компромисс приемлемый для обоих.

Когда мелкие детали поступков оставляют еще один теплый отзвук в душе.

И с годами собирают из этих оттенков теплоты внутри воспоминаний красочную палитру простого счастья со своим «единорогом».

В общем, что Мама хотела сказать этим спичем?

Никогда не теряйте надежды найти своего «свободного единорога».

Потому что создать его из чего-то другого невозможно…

И не путайте с просто «мужика с рогом»…

Из мимолетного

* * *

Знаете, что самое страшное?

Это когда у тебя канун праздника…

Готовка полным ходом…

Муж за час до праздника прилетает…

А на кухне в мойке слив забивается так, что никакой вантуз-суперпробивающее химическое средство и другие изощрения не помогают!

И тогда приходит ОН… муж соседки… последняя инстанция, так сказать!

* * *

Что может быть общего между гудком футбольного болельщика и молитвой в синагоге?

И все же оно, общее, есть.

Единственный раз в году, когда в синагогах во время чтения свитка не просто просят помолчать, а наоборот, настоятельно просят пошуметь.

По Маминому личному мнению больше всего от этого момента ловят кайф дети.

Потому что, когда в нужных местах чтец специально останавливается, начинается какофония.

Деревянные трещетки, футбольные гудки, переливчатые свистульки, топот ног, хлопанье о столы рук и полицейские свистки… все это каждый переживает множество раз в праздник.

Вот сзади Мамы, к примеру, сидел мальчик со свистком, который каждый раз долго насвистывал, отверткой вкручивая в Мамин мозг визгливый звук.

Получалось у него виртуозно, Маму, при каждом свисте прямо над ухом, непроизвольно перекашивало в одну сторону – к пострадавшему органу слуха.

И нестерпимо клонило это самое, которое для слуха, потрясти, прочистить мизинчиком и попробовать снова избавиться от контузии.

* * *

Покраска маминых губ в каждой семье означает разное.

У Мамы, к примеру, это призыв к построению у выхода из квартиры.

Так и получается, что каждое утро Мама готовит всех следом себя.

Вот она одетая, накрашенная допивает свою чашечку… эм… какао с молоком…

А потом зычным голосом по всей квартире:

– Товарищи десантники, готовность номер один – мама красит губы.

Мелочь срочно начинает шуршать, запаковывая то, что не запаковывалось, одевая то, что не одевалось, и подлетая к входным дверям…

Потому что знает – капец всем, если у Мамы губоньки намалёваны, а готовых на выход еще нет.

* * *

Ездил Папа по делам к знакомым, фирма которых занимается поставками продуктов питания из Прибалтики.

Привез от них домой несколько баночек печени трески.

Мама долго на нее облизывалась, пока не решилась.

Приготовила черный хлебушек, столовый ножичек, овощной салатик и достала открывашку.

Вот уже и крышечку почти полностью срезала, открывает, а там…

Шпроты!

«Та-а-ак, о контрабанде оружия-наркотиков-спиртного я слышала, – думалось Маме, – но чтоб вместо тресковой печени шпроты…»

Из специального

В Советах всегда любили все специализированное.

Спецмагазины для новобрачных, куда можно было попасть только со справкой из загса.

Спецмагазины для ветеранов, в которых отоваривали только по спецпенсионных удостоверениям.

Спецмагазины для партийных работников и их семейств.

О всяких там «Березках» я вообще не говорю…

В общем, все «спец».

У Маминых родителей тоже по разу в год на работе маячило это самое «спец» – спецобслуживание от товарных баз.

Делалось это традиционно в конце января и в конце февраля.

Мамы-папину работу почему-то из года в год обслуживали исключительно импортным женским бельем.

Потому Мамина мама каждый раз писала на бумажке папе размеры всех, кого из семьи надо было осчастливить таким подарком к Восьмому марта.

Список «осчастливленных» был неизменен – менялись только размеры.

У кого-то еще и вширь.

Теща-свекровь (и это даже не обсуждается), Мамина мама, Мамина сестра… и собственно сама Мама.

Потом, когда спецобслуживание у Маминого папы проходило успешно, бедный папа еще целый месяц мучился перепрятыванием подарков к женскому международному.

Чтобы особо любопытные дочери не обнаружили «спецобслужительное нижнее белье» раньше времени и не пошли хвастать подружкам.

Маминой маме было в этом вопросе проще – мужчина в доме был один, спецобслуживать надо было только его.

А тести-свекры это вам не тещи-свекрови – им можно и чем-то попроще в виде платочков-носочков одарить – они уже привыкли.

Ну, на крайняк шелковое кашне… два штука.

Мамин же папа удостаивался индийских джинс замечательного темно-синего цвета, с оранжевыми отстрочками и классического покроя.

Или торжественно одаривался югославскими спортивными туфлями, которые он берег, лелеял и всячески за ними ухаживал.

Обучая по ходу дочерей прозе жизни «сохрани обувь на подольше».

В общем, в Советах была неодолимая тяга выделять себя хоть

в чем-то и во всем, показывая свой статус-принадлежность-особенность.

При этом пытаясь остальных вогнать в серость.

Из фильмотечного

Решила Мама показать детям фантастику своего детства.

Показала «Гостью из будущего».

Ржали. Долго. Все.

– «Космозоо. Алиса. Мээлафон», – угорал Средненький.

– «Девочки в пижамах, остановитесь! Девочки в пижамах, остановитесь! Вы простудитесь», – поддакивал ему Младшенький.

– А ведь «Звездные войны» вышли еще раньше, когда мама только родилась, – припечатывал Старшенький, – хи-хи, «Ну, я тебе еще это припомню, мымра старая!».

«Когда «войны» вышли, у нас железный занавес висел, причем железобетонно, – немного обиженно крутилось у Мамы в голове, переходя в ностальгическое. – А вообще, поколения меняются, а шутки остаются все те же».

Из приглашательно-посещательного

Как там Винни-Пух пел:

«Кто ходит в гости по утрам – тот поступает мудро?»

У Мамы сложилось другое мнение.

Что правильные гости – друзья детей ходят исключительно после обеда и до самого вечера.

В первый раз, когда Средненького и Младшенького пригласили каждого свой одноклассник к себе домой… на одну улицу… почти в один дом… где в округе проживает еще как минимум по полкласса от каждого…

Вернулись дети в восторге.

– А мама такого-то сделала нам пиццу, похвалила за сделанную домашку, разрешила устроить в доме крепость, – вещал Младшенький.

«Хорошая мама», – думала Мама Младшенького, слушая восторги и посыпая голову пеплом – стоило только представить, что придется сделать ей, если вдруг нагрянут детские гости… а они нагрянут.

– А папа вот этого, – вторил Младшенькому Средненький, – тот, который сейчас ищет новую работу, настроил нам новую игровую приставку, дал кучу чипсов-бислей-читос и приготовил из апельсинов сок-фреш…

«Правильный папа, – размышляла Мама, – даже несмотря на временную безработность».

И вот пришло как-то и Мамино время отдуваться.

Причем пришло оно неожиданно, когда утром позвонил к ней на мобильный одноклассник Средненького и спросил, можно ли ему сегодня после школы прийти.

Тут уж не откажешься, не отмажешься.

Все утро до обеда Мама на работе была в том состоянии, когда носятся от угла к углу с воплями: «А-а-а-а! Шеф! Все пропало! Все пропало!» (с)

Испробовать уже озвученные способы от других родителей не судьба, потому что:

«Пиццу не приготовишь – после работы ни ингредиентов, ни сил, ни времени».

«Для фреша соковыжималка накрылась медным тазом еще раньше, а вручную на такую ораву полдня цедить будешь».

В общем, легкая паника во всей красе.

Все оказалось не так страшно – чипсы, бегеле, бурекас и какао со взбитой на полстакана ввысь молочной пенкой.

А еще небольшая денюжка, выданная на каждый нос, чтобы

самолично подрастающему поколению пойти в магазин и купить всякую очень-сильно-нужную ерунду мелочовскую.

Вот и все, что надо для вполне приемлемого приема «дорогих гостей».

И даже дом остался вполне себе на месте и целым, так что ни капремонта, ни генеральной уборки делать Маме не пришлось.

Из жениховского

Мамина мама всегда говорила: «Пусть лучше будут у меня перед глазами, чем по кустам да дворам прятаться».

Данное выражение она приняла за аксиому и потому никогда не была против того, чтобы одноклассники старшей дочери, Маминой сестры, собирались у них в доме.

Одноклассники тоже не наглели и вели себя достаточно прилично и, собираясь в комнате и там же тусуясь, не буянили.

Маме же, к примеру, всегда казалось, что ее родительница, как и полагается родительнице, имела еще одну цель – получше присмотреться к потенциальным зятьям.

На тот момент у Маминой сестрицы был один явный ухажер и один скрытый из той же компании, который тайно воздыхал, не хотел рушить личную жизнь собственного друга и все ждал «авдруга» – того самого удобного момента привлечь к себе внимания своей «симпатии».

В общем, выпускной класс, женихи с друзьями ходили косяками, Мамина мама их прикармливала и присматривалась.

Мамин папа в ту перестроевскую пору по ночам стенал «на фига мне такое счастье – еще и этих лбов кормить скопом, не дом, а столовая».

Мамина сестра выбирала, а Мама за всем этим делом со стороны наблюдала и даже не догадывалась, как оно будет дальше.

Наступил выпускной вечер у Маминой сестры.

Все парни, из вечно тусящей в доме Мамы компании, на радостях перебрали лишку в подсобке биологического кабинета на брудершафт с молодыми преподавательницами.

Сами понимаете, если преподавательница старше выпускника от силы на три-четыре года, то от брудершафта легко перейти к чему-то и более основательному.

В общем, Мамина сестрица на своем законно заслуженном выпускном вместе со своими незадачливыми подружками осталась без кавалеров.

Правда ненадолго – видимо, это была судьба.

Никак иначе не назовешь высокого спортивного парня, спортсмэна в найковских кроссовках сорок пятого размера (по тем временам неслыханное дело), явившегося на пару часов на выпускной вечер своего бывшего какого-то там бывшего восьмого класса.

Эта спортивная каланча, совершенно непьющая по случаю спортивного режима в период соревнований, увидела, оценила,

обозначила себе цель и пошла напролом с тактом бронированного танка.

Весь вечер Мамина сестрица с ее метр в кепке была ангажирована сим молодцем.

Прикована словесными излияниями нового ухажера к лавочке во дворе школы.

И охраняемая сразу двумя акулами добродетели, бороздившими просторы вокруг той самой лавочки – Маминой мамой и директрисой школы – дамой выдающихся габаритов и таких же моральных устоев.

Новоявленный спортсмэнистый ухажер сдаваться просто так не собирался и даже через полторы недели смог не только выяснить место проживания своей новой спортивной музы местного разлива, но и стать частым гостем.

Чем несомненно покорил сердце Маминой мамы и заставил выдвинуть его на первое место в борьбе за роль «зятя необыкновенного».

Правда, родительница тогда млела не только от настойчивости «нового и потенциального», но еще и от его роста.

При ее метр пятьдесят четыре почти двухметровый зять – мечта всей ее жизни.

Будущий родственник тоже был не промах и с благодарностью принимал от любимой почти тещи борщи-пюрешки-котлетки-пироги и чаёчки.

В общем, идиллия, которая длилась ровно две недели, пока не пришли виновные влюбленные каяться.

Именно столько понадобилось времени явному и неявному ухажерам набраться смелости прибыть просить прощения у Маминой сестрицы тире Королевишны.

Дело было в разгар летней заготовительной кампании, потому Мамина мама, по традиции насыпав «хлопцам» борща в тарелки и усадив их на большущей кухне за стол, сама принялась и дальше перекручивать на мясорубке смородину с сахаром для дальнейшей консервации.

Ну вот, картина.

Виновные хлебают борщ.

Сестрица с пришедшей подружкой воротит нос, что-то там на полу в гостиной выкраивая.

Мамина мама крутит ручку мясорубки, только что сменив саму Маму, пока та дает отдых рукам.

Скажете идиллия… не совсем.

Она, эта самая идиллия, наступила тогда, когда пришел сестрицын спортсмэн, огляделся, оценил ситуацию и сделал ход конем.

Вместо того чтобы примоститься третьим за столом с тарелкой борща, он с воплем «давайте помогу!» кинулся к мясорубке и так начал крутить ручку, что казалось, мясорубка скоро взлетит вместе со столешницей.

Мамина мама млела…

Провинившиеся гуляки смурнели…

Сестрица с подружкой ехидно хихикали…

А справедливость торжествовала.

Халявные борщехлебатели быстро ретировались и больше в Мамином доме не появлялись, потенциальная теща торжественно отдала пальму первенства новому помощнику, сестрица наконец-то взглянула на нового кавалера снисходительно, а Мама радовалась, что теперь есть на кого сбросить часть своих помощницких обязанностей и пофилонить.

Из мамой-оберегательного

– Я не хочу, чтобы ты лезла в мою жизнь! – патетично вещал Старшенький Маме.

Замер. Посмотрел на нее и… сам же заржал.

«Значит, не совсем еще идиёт, понимает», – подумала Мама.

– Сам-то понял, что только что ляпнул? – не сдержала улыбки Мама.

– Во-первых, пока что я лезу только в твой рюкзак, – не давая ее прервать, продолжила дальше, – и не надо мне рассказывать, что ты, наш «горячий эстонский парень», можешь пережить ночь в пустыне в это время года без спортивной кофты и футболки с длинным рукавом.

Старшенький закатил глаза.

– А во-вторых, – Мама разогнулась от рюкзака, – даже когда тебе будет тридцать-сорок-пятьдесят (нужное подчеркнуть), я все равно буду лезть тебе в жизнь… не факт, что я буду в нее вмешиваться – оно мне надо? – но лезть точно буду. Ты мой ребенок, я твоя мама и все!

В общем, у Мамы опять включилась функция «еврейская мама».

Вечно во все лезущая, вечно знающая, что ее ребенку будет лучше, вечно за детьми присматривающая.

Причем успевающая присматривать не только за своими, но и по необходимости и за чужими.

Правда, именно эта черта присутствует у каждой мамы в этой стране.

В общем, у Мамы продолжается все та же армейская эпопея, разящая ее прямо в душу и сердце.

Старшенькому пришло приглашение из армии приехать в тренировочную базу на двое суток для прохождения и сдачи нормативов, чтобы зачислили в те рода войск, которые он хочет.

Приглашение пришло опять по всем правилам с бесплатными билетиками и на автобус, и на поезд.

С координатами точки сбора возле железнодорожной станции и даже отдельным пунктиком в обращении настоятельно рекомендовали перед этим поспать не менее семи часов.

Мама особенно упирала на этот пунктик и в десять вечера погнала сына спать.

И скажите тогда, как могла она, Мама, успокоить себе нервы, кроме как проконтролировать, чтобы ребенок все с собой взял?

Тем более что армейская база находится на другом конце страны, еще и почти в пустыне.

В общем, Мама отстаивала каждый впихнутый носок в этом собирательном деле.

Правда, к ее глубочайшему сожалению, спортивные штаны отстоять так и не смогла.

Ребенок взял только две пары спортивных шорт.

Зато у Мамы теплилась надежда, что всунутые втихаря в рюкзак кофта, ветровка и длинно-рукавная футболка послужат, если что, дополнительным укрытием для подростковых сыночковых ног.

Встав в полшестого, проверив в очередной раз, чтобы из рюкзака втихушку от нее не вытащили отвоеванное с боем.

Накормила, напоила и с напутствиями «не позвонишь мне вечером сам – буду звонить до посинения уже я и пусть тебе будет стыдно» отправила сынулю в «большое путешествие».

Говорить ему о том, что уже к ночи при отсутствии с ним связи Мама поставит на уши полицию, армию и даже самолеты в небо, не стоит – он и так прекрасно знает.

Британские ученые как-то высказали версию, что еврейская мама перестает быть таковой, когда становится еврейской бабушкой.

Мама бы с этими учеными поспорила – еврейская мама вполне хорошо совмещает обе эти должности, потому что часто все еще еврейская мама становится уже еврейской же бабушкой.

Из впечатлительно-рассказываемого

Ну вот, Мама Старшенького отправила на их военные сборы и приготовилась нервничать.

Все началось с эс-эм-эсок.

«Мама, а мы в каком году сюда приехали?»

«В 200…»

«Полную дату».

«Ты что, не мог сразу спросить? Такого-то сентября 200…»

«А какой у тебя ежемесячный доход?»

«Такой-то».

«А у папы?»

«Сынок, ты уверен, что попал куда надо. Может, это налоговая?»

«Мама, отстань, я анкету заполняю».

«Три часа?»

«Полтора, до этого мы ехали от станции на базу».

В общем, ребенок после всего вернулся домой усталый и под впечатлением.

Мама сначала отпинала его в ванную, потом за стол и, на половине опустошенной тарелки, приступила к допросу.

Ребенок терпел, ел и отчитывался.

Начало было вполне себе не убийственное для Маминых нервов.

О родительских барышах у них уточняли исключительно из благих намерений.

Под одну гребенку всех не строят и выплаты солдатам выдают соответственно социальному положению семьи (в разводе родители или нет), доходу папо-мам и также не против ли родители того, что ребенок будет служить в армии (может, ему вообще нужно предоставить полное содержание ввиду отсутствия поддержки родных).

– Первый этап устроили еще в день прибытия в пять вечера, – отчитывался дeть.

«Ну, пока ничего страшного для здоровья не вижу», – думалось Маме.

– И-и-и?

– Бежали группами на время мэ-мэ… километров.

«Уставших?! С дороги?! И в бег?!»

Мама стала возле холодильника.

То ли для того, чтобы заесть нервы.

То ли для того, чтобы вовремя достать валокордин.

– Из двухсот сорока с нашего заезда сразу отсеялись четверо,

потом нас покормили сухпайком и в восемь вечера отправили спать.

«Ничего, нас во время «Зарницы» тоже из полевой кухни кормили», – вспомнилось ей.

Мама, конечно, обрадовалась, что в кои-то веки ребенок лег в детское время, но тут же подозрительно посмотрела.

А не рановато ли для такого возраста спать ложится?

Подозрения себя оправдали.

– Подняли нас в три тридцать, – у Мамы выпала ложка, судочек был возвернут в холодильник и вместо него добыт валокордин в компании с валерьянкой.

Заесть простой едой такие нервы не получится.

Пауза затягивалась.

– Загрызу, – не выдержала первой Мама, и Старшенький, похихикав, продолжил рассказ:

– На втором этапе отсеялось сто сорок человек.

– А что делали?

– Выдали по полуторалитровой армейской фляге, заставили набрать воду и выпить до дна почти за раз, потом еще набрать до горлышка и в забег по песчаной площадке.

Мама попыталась представить, как она выпивает полтора литра и очень быстро.

Представлялось с трудом.

Хотя утром беременной перед УЗИ и не то приходилось делать.

Ладно, за издевательство пока не считается.

– А дальше?

– А дальше опять бегали… пять часов… с двумя перерывами по четыре минуты… парами… с грузом… и носилками с мешками песка, изображавшими раненого бойца… по полосе препятствий… и по щиколотку в песке.

Перед глазами у Мамы сразу замелькали кадры из «Солдата Джейн».

– Сынок, у там был кто-то из русскоговорящих? – поинтересовалась Мама в порыве рассказать извергам на доступном нецензурном языке, как надо вести себя с ее дитятком.

– Мам, там группы со всей страны собирают, – не понял ее тайных замыслов Старшенький.

– Да я про инструкторов.

– Ты знаешь, мам, когда ты бежишь и на тебя постоянно орут, пытаясь надавить на психику, как-то к акценту не прислушиваешься.

Мама посмотрела на него укоризненно:

– Детя, тебя после моих многолетних «вокальных тренировок»

такие мелочи заботить были не должны.

Потом у них было очередное собеседование и отправка домой после завтрака.

На вопрос: «Какие вещи грязные» – Мама получила лаконичный ответ: «Те, что на мне».

В душ их вечером не пустили, видимо, тоже держа в уме какой-то психологический прием или желание показать суровые армейские будни, когда во время боевых действий для гигиенических процедур у тебя под рукой только песок и влажные салфетки.

В палатках же, где их разместили, и в выданных спальниках было достаточно тепло, чтобы не натягивать на себя лишнего.

Мама поздравила расцветшего ребенка с прохождением всех этапов проверки и приготовилась вместе с ним ждать, что напишут ему через месяц в извещении.

Из заболевательно-последовательного

Медики Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов провели исследования среди женатых мужчин.

Выводы для мусульманских мужчин оказались неутешительными.

Не выдерживает сильный пол женского темперамента во всех его проявлениях, особенно в кубических измерениях.

Мужчины, имеющие четырех жен, отходят в мир иной намного раньше своих друзей с тремя-двумя-одной (нужное подчеркнуть) женой.

Чем больше жен, тем больше возможности заработать себе сахарный диабет, сердечно-сосудистые заболевания, а то и вовсе инфаркт получить в подарок.

«Конечно, – думала Мама, – одно дело, когда мужа пилит одна жена… а если все четыре… да одновременно… или круглосуточно… сменяя друг друга на вахте… Кто ж такое выдержит?»

Правда, Мама не совсем поняла про сахарный диабет.

Получается, что мусульманские женщины либо запиливают мужа до инфаркта, либо закармливают его сладким в четырехкратном размере до диабета?

Или же мужчины по привычке некоторых женщин заедают стресс, полученный от тех же самых женщин, сладким?

Но самое интересное, в статье об исследовании не было и слова о том, сколько живут жены в гареме из четырех человек у тех самых мужчин.

Маме почему-то кажется, что это было сделано намерено, дабы не деморализовать мужчин окончательно.

Потому что, если у женщины стресс, она его сбрасывает на находящегося рядом мужчину и…

И идет дальше по жизни с легким сердцем, чистой совестью и титановыми нервами.

Мужчины же такого универсального средства избавления от своих проблем делать не умеют.

Так что, как там поется:

«Если б я был султан, я б имел трех жен!
И тройной красотой был бы окружен»?

Красотой-то, возможно, и был бы окружен, а вот насколько долго он этой красотой пользовался бы еще, неизвестно.

Из пасхального

Пасха (Пэсах) у Маминого народа совсем отличается от других, празднуемых в иных странах.

Первое отличие – праздник посвящен Исходу.

Тому самому, который из Египта совершил Моисей.

После того самого, когда пришлось еще сорок лет гулять по пустыне.

Так вот сама суть праздника в том, что время Исхода было назначено совершенно неожиданно.

Дрожжей тогда на каждом углу и в любом магазине не продавали, потому действовали по старинке и заквашивали тесто без дополнительных средств брожения.

Сами понимаете, в дорогу без хлеба никак, а что делать, если он еще не заквасился, а уходить уже надо?

Вот так и появилась маца – смешанная на скорую руку мука с водой и запеченная до хруста на огне.

Так появился главный символ праздника и основа традиции.

В Пэсах не едят, не пьют и не держат в доме квасное… даже крошки от него.

То есть булки, хлебы, бабки, куличи, печенье, ячменная/пшеничная водка, пиво и много чего еще просто исключается на период празднования из жизни народа.

Потому каждый год больше чем за месяц до праздника практически вся страна превращается в одну большую мойку.

Больше всех в этот период зарабатывают химчистки, автомобильные мойки и те, кто занимается уборками в помещениях, начиная с офисов и заканчивая квартирами.

Правда, и траты на остальное у людей происходят большие.

Чистится всё от последнего коврика в автомобиле и заканчивая последним карманом пиджака.

Окна, шкафы, столы, стулья, кровати, книги, полки в магазинах – все что угодно, лишь бы исключить даже самую возможность наличия и крошки квасного у тебя в наличии.

Кухня в этот период превращается в поле боя.

Ее драят, чистят, моют, скоблят, обдают кипятком и даже покрывают все поверхности чем угодно в два слоя.

И Мама каждый год, завершив все эти «грязные танцы» со шваброй, готова вопить на весь мир:

– Ассспади! Я сделала это! И фиг с ним, что спина возмущенно постреливает, после издевательски-традиционных зюзепоз при помывке нижних кухонных шкафчиков, устроенных каким-то горе-конструктором-дизайнером такими глубокими

(шоб тебя, добрый человек, тоже так периодически скрючивало).

Наро-о-од, к встрече Пэсаха моя квартира готова, осталось заполнить ее продуктами и отметить это дело традиционным поеданием пиццы на лоне природы! А посему, друг*и* мо*и*, желаю вам достичь своего дзена в этом деле и побыстрее (если, конечно, вас подобное счастье еще не настигло)!

В магазинах к тому времени скупается новое всё – начиная с посуды и заканчивая зубной щеткой.

Каждый год Мама, в надежде на то, что все-таки мучного хлеба не будет целых восемь дней, мечтает сбросить пару килограмм, но…

Современная продовольственная производственная инфраструктура ей этого не дает добиться.

Потому как все что можно было сделать из муки, делают из картофельного крахмала.

Пироги, тортики, печеньки, сухие завтраки…

Все это в сочетании с мясом, которое постоянно на празднике кушаешь, дает совершенно иной эффект, и диету приходится начинать уже после.

Из протокольного

– Мама, это был мой карандашик, – возмущался Младшенький, доказывая свою правоту.

– Карандаш-ш-шик, – шипела возмущенно Мама, шагая рядом с отпрыском утром в школу.

Нет, не учиться.

Ее вызвали на ковер.

Потому что за день до этого Младшенький, отстаивая свою правоту и право частной собственности на карандаш, побил половину своего второго класса.

Истерично взывающая к справедливости по телефону училка иврита раздражала в тот день Маму до ужаса.

«Чтоб ты понимала! – мысленно под аккомпанемент телефонных децибел ответствовала ей Мама. – У тебя только первый родился недавно, а у меня их три и все уже ого-го-какими принципами-амбициями-правилами!»

У Младшенького отобрали его карандаш.

Сначала он честно пытался указать стырившему товарищу на специальный знак, которым Мама, аки кот территорию (в фигуральном смысле), метит все их школьные предметы особым знаком, чтобы не перепутали и всегда могли найти.

«Одолживший» письменную принадлежность признать факт собственности отказался.

И тогда Младшенький не придумал ничего лучше, как приложить к этому делу свой кулачный аргумент.

А дальше пошло сами понимаете как.

Особенно, если учитывать, что школа для мальчиков и девочек там и близко не стояла, зато присутствовало чисто мужское «пасть порву, моргала выколю»… ну-у-у, в адаптированном под детей варианте.

Итог – в кабинете кавардак, полкласса с фофанами, Младшенький с карандашом, а Мама с приглашением на беседу с классным руководителем.

Встреча с классруком проходила в тесном, почти семейном кругу.

Мама, Младшенький и он, Учитель.

Учитель приготовил лист бумаги и ручку для ведения протокола, допрос… мэ… заседания.

Мало кто знает, но в Маминой стране действует закон – по требованию ученика преподавателя могут уволить из школы.

Понятное дело, из-за пустого голословного обвинения никого не попрут и будут разбираться.

Но в любом случае при конфликте сторон ученик-учитель из школы уберут учителя, кем бы он ни был.

Потому как действует система по принципу – школа для ученика, а не для учителя.

Видимо поэтому, чтобы обезопасить бедных учителей, и ведут у них своеобразные протоколы заседания из принципа «да-да, мы вам, конечно же, верим, но бумажку подпишите, ага».

Так вот, Мама не знает, действуют ли так же в других школах, но у них на любую встречу с родителями и учениками ведется протокол, куда записывается все, о чем шла речь, и все о том, какие обязательства взяла на себя каждая из сторон и так далее.

Почти что как в игре «почувствуй себя юристом».

Вот и в этот раз Младшенькому сначала пропесочивали мозги.

Учитель напирал:

– Ну, взял он у тебя карандаш, но зачем ты полез драться?

Младшенький тоже не молчал:

– Мне мама всегда говорит: «Если тебя бьют, давай сдачи» – Учитель «наградил» Маму та-а-ким взглядом, что у Мамы сразу же забилась паническая мысля «а-а-а, сдали-таки с потрохами», стремительно перетекавшая в «что делать?!.»

Педагог тут же попытался сгладить ситуацию:

– Ну-у-у, Мама, имела в виду, что ты должен так поступать, когда рядом нет учителей, а ты-то сразу с кулаками полез. Почему не пришел ко мне и не рассказал все? Мы бы вместе решили этот вопрос.

Мама интенсивно кивала головой.

Младший удрученно молчал.

Мама тоже, мысленно перебирая варианты, что теперь уже ей выскажут за такие совсем не педагогические методы воспитания.

О чем думал Учитель, им было неизвестно – зато он продолжал вещать на тему и по поводу.

Под конец встречи Мама сама себя уже ощущала в роли виноватого школьника.

Консенсус все же был достигнут, запротоколированы обязательства сторон, подписан всеми тремя, отксерокопирован и роздан тем самым трем сторонам по экземпляру.

Преподавателю для отчета перед начальством и занесением в личное дело ученика.

Маме, чтобы не забыла о том, что наобещала по воспитанию ребенка.

Младшенькому же для солидности и прочувствования момента, так сказать, осознания первых шагов во «взрослой»

жизни…

Опять же всегда будет повод, если что, тыкнуть носом в его же подпись и напомнить при случае, в чем он там их всех назаверял.

Мама, выйдя из здания в школьный двор, решила приступить к новому витку воспитания, не отходя от кассы.

– Ну и зачем ты махался, лучше бы учился лучше. Вот кем ты хочешь стать, когда вырастишь?

Вопрошала она, уже морально готовясь к «пожарникам», «солдатам» и мысленно подбирая правильные аргументы для убеждения.

– Боксером, – пробурчал Младшенький, вводя ее в ступор на минуту.

Серьезно, чем аргументировать и стимулировать к большим свершениям при таком выборе профессии? Мама зависла.

– Ну-у-у, – тянула она, – если ты хочешь быть богатым боксером, то тебе нужно научиться хорошо считать, чтобы всякие жулики не обсчитывали, еще хорошо писать и читать, знать законы, чтобы еще одни жулики не подсунули неправильный договор на сотрудничество…

Что бы еще такое сказать, у нее все никак не придумывалось…

– А может, ты выберешь себе какую-то другую профессию, а? – жалобно вопрошала она. – А то как-то не хочется иметь сына с отбитыми мозгами.

Младшенький, минуту поразмышляв, ковыряя ногтем краску на воротах, буркнул:

– Подумаю.

О том, какое Мама после этого испытала облегчение говорить не стоит – уже хоть что-то.

Из армейско-подготовительного

В стране вечного лета и веселых улыбок принято будущих солдат перед призывом в армию собирать родителям. Не то чтобы это входило в обязанность, но так принято, что кое-какие вещи обеспечивает семья. И только, если семья малообеспеченная или же призывается солдат-одиночка, армия обеспечивает того всем необходимым.

Армейское начальство поступило мудро – кто лучше еврейской мамы знает, что ее деточке надо. Правда они, начальство, это дело на самотек не пускают и ограничивают весь закупочно-подготовительный процесс подробными списками, согласованными со специализирующимися на этом деле магазинами.

Потому уже никто не удивляется сезонному нашествию толпы мамаш в магазинах с камуфляжем.

Мама тоже от остальных не отставала и в предподготовительном угаре зашла в хороший такой магазинчик, «Rikushet» называется. Покрутилась, осмотрелась…

Подходит к ней девушка-продавец: «Кого к армейскому призыву собираете? Мальчика? Девочку?»

Ну, правильно, с Маминым-то беретиком-блузкой-юбкой – обвешанной пакетами с детской одеждой, что та новогодняя елка – и особо «юным» возрастом в экстремально-спортивном тире армейском магазине другого и делать нечего.

В общем, сразу призналась, что таки у нас мальчик.

Магазин оказался правильный, сразу выдали Маме список-памятку, чего надо призывникам в их нелегком бытие армейском.

Правильный такой списочек. От «А» до «Я», что называется. Наверное, для таких вот непутёвых мам, как Мама, готовился.

Непутёвых в смысле, что ничего путем наши недавние олимы (репатрианты) о местном армейском быте здесь не ведают.

Так что Мама оценила. Причем в буквальном смысле. Начиная с носочков-трусочков, крем-щетка для обуви… и заканчивая огромным рюкзаком.

Поняла, что собрать ребенка в армию это еще похлеще финансовая катаклизма, чем предшкольная денежная лихорадка. Даже если новоиспеченный солдат половину списка из собственной армейской зарплаты докупать потом будет…

А что? Кто-то ребенка в школу собирает, а Мама своих младших уже собрала и даже отправила – теперь старшего вот ребятёнка в армию собирает…

Чувствовала Мама себя при этом вернувшейся лет на

восемнадцать назад, когда носилась по магазинам молодой мамашей, готовящей своего первоклашку к первому учебному году.

По крайней мере, ассоциации были именно такими. Особенно умилил пунктик о несмываемом фломастере для симаним (меток).

Ну, чисто школа. Там всем детям мамы метят и тут традиционно продолжают.

Теперь Маме осталось дело за малым – пободаться с тем самым собираемым призывником на тему: «Шо таки, сына, надо это брать», потому что Мамин «горячий эстонский парень» устраивает показательные выступления на тему: «Мине это термобелье (ни верх, ни низ) и даром не нать, ибо жарко! И вообще, мама, я все лучше знаю!»

Ну да, зимой же холодно просто и быть не может… по определению.

И что Мама хочет сказать? Тяжела она, еврейско-мамина доля. Ибо уговорить дитятко взять «усё, шо мама приготовила», становится все тяжелее.

Это, наверное, еще потяжелее, чем заставить своего ребенка-подростка надеть в сильно минусовую температуру и снегопад зимой шапку на голову.

Из призывного-нескучательного

Гиюс (сбор призывников) у цанханим (десантников), в отличие от других родов войск, проходит каждый раз в Иерусалиме в одном и том же месте, Гиват-ха-Тахмошет (Арсенальная горка).

Где во время шестидневной войны при освобождении Иерусалима десантные войска понесли существенные потери. В общем, место для многих значимое.

Мама из переживаний на тему «только бы не опоздать», естественно, прискакала со своим призывником и всем благородным семейством (помним, Папа традиционно в командировке) самыми первыми. Ну да, а то вдруг они не успеют и всё, тю-тю, поезд ушел и Старшенького не заберут. Не то чтобы Мама так уж мечтала избавиться от ребенка, но… Этот самый ребенок очень расстроился бы.

Улица – еще безлюдная. Стоянка для машин практически пустая… Да и температура – осень все-таки, конец ноября, – не особо высокая ранним утром в этом городе на горе, потому в одном хлопковом тоненьком джемпере было еще прохладновато.

Мама все равно не унывала, а чтобы согреться и занять, так сказать, «лучшие места в партере», сначала со всеми своими долго фотографировалась, пытаясь залезть туда, где еще не бывала нога незадачливого туриста. Потом столько же времени бегала за младшими, пытаясь собрать их в кучку и хоть как-то удержать в рамках не в меру разгулявшихся товарищей…

В общем, пришедшие офицеры, собственно будущие принимающие в ряды военнослужащих еще вчерашних невоеннообязанных, очень удивились такому оживлению у своих ворот в столь ранний час.

В скорости и остальной народ начал подтягиваться. В ворота, проходя проверку документов, с каждым новым призывником вваливалась толпа родственников, еще не призвавшихся друзей, подружек, дальних родственников… список провожающих можно было продолжать до бесконечности.

По новой моде этого года большинство призывников щеголяло в свитерах и футболках подаренных любящими родственниками, на которых ярким принтом впечатали жизнеутверждающие надписи с обязательным именным обращением, чтобы все видели, кого тут больше всего любят.

Во дворе музея «Гиват-ха-Тахмошет» поднимался ввысь и набирал обороты традиционный для местных гам. Громкая музыка била по ушам, все орали, потому что иначе даже сам себя

не услышишь, и хаотично носились, оттаптывая друг другу ноги и пытаясь сделать так, чтобы все со всеми сфотографировались.

Мама же, глядя на это дело, растягивала губы в улыбке, фотографировалась вместе со всеми, снова носилась за младшими, которые с какого-то чуда помчались лазить по БМП и БТР… в общем, всем своим видом демонстрировала бурную радость.

Маме казалось, затяни товарищи военные еще на полчасика регистрацию прибывших призывников, и народ уже принялся бы доставать из машин, как фокусник из шляпы, жестяные одноразовые противни с домашней едой, но…

Двери музея открылись, и народ начал постепенно подходить к столам с солдатками, регистрировавшими явку. Старшенький решил не тянуть штаны за лямки и подошел со всем семейством одним из первых.

В голове у Мамы промелькнуло: «Ну всё, сейчас ка-ак…»

Что «как», так и осталось неясным, потому что их вместо устроить показательное прощание отправили всех вместе в большой зал музея для последующего ожидания.

«Ничего, – снова думалось Маме, – так даже лучше».

Одновременно Мама усиленно вертела головой, рискуя заработать косоглазие, вдвое зорче следила за Младшими. Какой-то умник выставил в том зале свои картины, и им непременно надо было каждую осмотреть, потрогать, а если получится, еще и ковырнуть.

Потому Маминым малолетним разбойникам и это стало неинтересно, они даже в какой-то момент выпали из ее поля зрения. Не настолько быстро, чтобы она начала переживать, но достаточно, чтобы залезть в каждую щель.

Вернувшиеся «герои-разведчики» сначала доложились Маме, что позади регистраторских столов есть еще один выход, по обе стороны от которого стоят два огромных стола. Возле обоих шуршали две тетеньки расставляя какие-то «интересные» коробочки и большие прозрачные чаши с карамельками на палочках.

Младшенький, семейный сладкоежка, сразу же уточнил не хочет ли Мама пройтись к тетенькам и попросим у них для своего обожаемого сыночка (его, естественно) конфетку. Потому что он, «страдая от излишней скромности», этого сделать не может…

Время «Ч» наступило неожиданно, когда в уже переполненном народом зале заработали динамики, называя по очереди первую десятку «товарищей на выход». Товарищи и пошли, а с ними и все провожающие.

Мама с младшенькими повисли гроздьями на Старшеньком с

обеих сторон, рукавчики оттягивая… Так и пошли в след за первыми провожающими.

Мама даже бумажные носовые платочки, приготовившись, зажала в руке, ожидая слёзоразлива от волнительности момента.

Ее личное «прощание славянки» смазалось. Глаза, к тому моменту бывшие уже на мокром месте, все же пустили слезу… от смеха, которым Мама начала давиться, как только поняла, что те самые «чупа-чупсы» вместе с красиво упакованными Tehилим, заготовленные добрыми тетеньками, вручали на выходе к автобусам каждому отбывающему призывнику.

«Правильно, – плача то ли от смеха, то ли от волнения, думала Мама, – детям надо подсластить дорогу…»

Самой же ей это больше всего напоминало их садик, где воспитатели вокруг плачущего ребенка целые хороводы водили, задаривая мелкими игрушками и такими вот конфетками, лишь дитё перестало так громко огорчаться…

Скучать Маме по собственному ребенку долго не пришлось. Армия пошла навстречу чувствам еврейских мам и, после инструктажа, выдачи формы и оформления бумаг в центральном отделении пункта сбора призывников, отпустило новоиспеченных хаялим (солдат) на их первую побывку домой до следующего воскресенья.

И правильно, шабат – дело святое.

Из рационально-экономного

Приехало Мамино Чудочко в увольнительную на субботу с мешком грязных вещей. «На, стирай, мама» называется.

Мама сразу осознала, что их армия, самая… еврейская армия в мире.

Печется о мамочковых чувствах своих гражданок, просто-таки лелея в них культ заботы о собственном ребятёнке.

Опять же таки тройная польза от всего этого дела:

Первое – моральная устойчивость солдат (потому шо таки маму за эти выходные надо еще вынести! Куда до нее армейскому руководству?).

Второе – психологическое спокойствие собственных гражданок, а также всего командного состава и дежурных по части (потому шо опять же таки деть должен хоть изредка попадать в поле маминого беспокойного зрения).

И третье – экономия, куда ж без нее? (все верно! Потому шо таки стиральный порошок, свет и вода дорого стоят, а тут такая орава на обеспечении…)

В общем, все правильно.

Так что, стирай, мама, стирай.

Из приглашательного

Помните фильм «Добро пожаловать, или Посторонним вход запрещен»?

Где Евстигнеев в образе товарища Дынина вещал: «Когда я был маленьким…»

Дальше следовали варианты из серии: «…у меня тоже была бабушка…»

Пионэрский лагерь, дети со своими проказами и директор весь фильм, готовящийся и стремящийся, чтобы все в родительский день было правильно и по порядку.

А в итоге все пошло совсем наоборот, не по-директорски…

Это всё к чему?

Маме и семейству пришло приглашение из части на родительский день с программкой мероприятий и обещанием на день раньше обычного сдать «деток» на руки родителям аж на все выходные.

Таки почти что как в летний лагерь нашего детства, да.

Мама не знает, как у них там обстоят дела с товарищами Дыниными, но… часть пока стоит на месте.

Значит, все-таки сдерживающая сила для неугомонных молодецких, с легкой придурью, организьмов присутствует.

И даже в большой Маминой душе теплится надежда, что родительский день пройдет без срывов, по намеченной программе.

Из увлекательно-посещательного

Если театр начинается с вешалки, то родительский день в ихневской армии начинается с очереди.

Мама это поняла, пока их машина стояла в очереди таких же, жаждущих увидеть свое чадушко, родителей на подступах к части.

Второе, что стало понятно ей некоторое время спустя, если где-то там показательные учения проводятся перед какими-то президентами, то в местной армии все наоборот – показательно демонстрируют родителям, чему их детушек тут таки учат.

Постреляли пульками, побросали гранаты, позахватывали здания, попрыгали с парашютами… и все это под комментарии ответственного… скажем так, ведущего программу, диктора.

В общем, если кто-то когда-то наблюдал исторические батальные сражения, устроенные по всем правилам и под открытым небом, тот Маму поймет.

Дальше была вторая часть марлезонского балета – асифат горим (родительское собрание).

Честно, Мама думала, что для нее и ее Старшенького этот этап уже пройденный.

Оказалось, зря.

Сначала армейцы организовали общее ознакомительное собрание с командиром части для всех родителей вместе взятых.

Естественно, часть этих самых мамо-пап не вместилась в зале (потому как все приехали целыми семьями с бабушками-дедушками-братьями-сестрами и еще кучей других родственников) и стояла в дверях, с трепетом вслушиваясь в произносимое.

Потом солдатских родственников, как квочки цыплят, начальники подразделений и по совместительству помощники ротного зазывали табличками и голосовым сопровождением, направляя в отдельные залы поменьше для знакомства уже с непосредственным, ротным, начальством.

И таки да, народу опять не хватило места. Но!!! Израильтяне, сами знаете, народ простой – потому устроиться на ступеньках-полу-забраться-на-сцену и оставить для мефакеда плуга (ротного) только маленький пятачок свободного места на этом подиуме – нормальное дело.

Дальше дело пошло веселее.

Ротный двадцати шести лет от роду с ранней сединой на всю его чернявую шевелюру в первую очередь рассказал собственную подноготную солдатским родственникам, начиная от того, где

учился-учится-и-будет-учиться, до того, когда женился и сколько родившейся дочке лет… Таки пытаясь убедить родителей, что их детей он ничему плохому не научит.

Потом уже выдал подробное описание тому, чему могут научиться солдаты и какие перспективы имеют. Короче, полноценный доклад, не иначе.

Не обошлось, естественно, без балагана (все-таки народная традиция).

Что может беспокоить еврейскую мамочку больше всего? Правильно – как ее ребенок покушал. После высказывания двух мамаш «шо таки их детям не хватает покушать» мнения переполненного зала разделились. Половина хлопала в ладоши и поддерживала армейскую столовку, вторая не менее возбужденно реагировала с требованием увеличить их детям порции и время на поглощение.

Ротный слушал внимательно, прижимал руки к сердцу и клятвенно заверял – для особо недоедающих порции добавят.

Мамин папа так вообще смотрел на ту самую «голодающую» половину взглядом из серии «я тебя хорошо запомнил».

В общем, было-таки весело.

Дальше родителям представили уже помощников командира ротного и командиров групп, которые раздали собственные визитки с номерами телефонов для связи с родительской общественностью.

Мама тоже себе отхватила одну. Отчего Старшенький, когда узнал, аж взбледнул и попытался выцыганить у нее эту визитку взад.

Получил закономерную маминскую фигу и еще больше взгрустнул…

На этом этапе таки случилось самое ожидаемое событие – предков допустили к их нежно любимым детям.

Две волны, как в море во время начинающегося цунами, схлестнулись – начались возгласы, обнимашки и традиционные фотографирования…

Родителей водили по корпусам и показывали среду естественного солдатского обитания – то бишь комната-койко-место-шкафчик и сосед по двухъярусной кровати.

У Старшенького соседом оказался мексиканец со звучной фамилией Кортез. Младшие сразу вспомнили, что такая фамилия была у Антонио Бандераса, когда он играл папу в «Дети шпионов».

Папа пошел дальше, заявив в семейном кругу, что неплохая фамилия для какого-нибудь мафиозо-мексикани… В общем, кто на чем рос, называется.

Дальше дорогие родственники устроили этакую забаву: выискивали и мучили допросами об успехах своих чадушек, отлавливаемых во всей этой толпе, командиров групп.

Папа таки цвел после состоявшегося разговора и в соответствии с результатами стрельб ребенка мысленно метался, выбирая ему кличку между «ворошиловский стрелок» и «соколиный глаз» по Куперу.

Не преминул и сам высказаться в стиле «тяжело в учении – легко в бою», так что ты там с нашим построже…». В общем, Старшенькому еще только предстоило узнать, какой «подарок» папа ему… подложил.

В заключительной части вся эта смешанная волна разделилась на две части.

Одна – наконец начала распаковывать многочисленные коробки и сумки-холодильники, что все это время таскала с собой, чтобы устроить пикник на лужайке во дворе казарм с детьми, которых не отпустили домой на выходные.

Вторая, как и Мамино благородное семейство – подхватив ребенка, его сумку с очередной кучей вещей для стирки, умчалась вдаль, шоб таки накормить ребятёнка в домашних условиях.

Из присягательного

«Обувь!» – вот о чем Мама думала все время до начала организовываемого действа.

Любительницам каблуков и платформ на присягу к Стене Плача лучше вообще не идти и сразу отказаться от подобного мероприятия.

Все началось со звонка.

Старшенький ненавязчиво Маме сообщал, что у него через две недели присяга – и ей со всем семейством должно прийти приглашение.

Не пришло.

Спустя неделю после известия, Мама выколупала мозг сначала Старшенькому с «сходи к командиру поведай о маминой кручине…».

Потом уже аккуратненько и ненавязчиво (всего один раз) самому командиру – зря, что ли, на родительском дне визитку взяла?..

В общем, когда выяснили, что не с одной только Мамой это самое «не пришло» случилось, уже ей в два голоса товарищи армейцы рассказывали о «шо делать надо».

Тогда-то мысль об обуви и пришла.

А все потому, что выстоять больше двух часов перед самим мероприятием и потом еще час церемонии на каблуках – нереально.

Ребенок сразу честно предупредил – хотите успеть вовремя и что-то увидеть, не приезжайте на машине – либо сразу от дома берите такси; либо направляйтесь в Иерусалим к точке сбора возле каньона «М» и садитесь по армейским автобусам – те вас довезут, куда надо.

Второй, командирский, голос, вторя мамино-сыновьему, поведал страшную «сказку» о том, как его родители приехали к нему на присягу и пока нашли место, где припарковать машину – эта самая присяга собственно и закончилась.

В общем, вняв голосу разума и перепуганному чувству ответственности, Мама и Ко (семейство) добрались со знакомым таксистом даже на полчаса раньше, чем их просили.

Оказалось, не зря, потому что первая линия родственников у выставленного буквой П ограждения уже выстроилась, готовая держать оборону за место до последней капли возмущенного вопля.

Следующей Маминой правильной мыслью оказалась идея взять с собой много попить и всухомятку поесть.

Потому что даже если Мама в состоянии устроить себе разгрузочный вечер, то Папа и младшие на такое однозначно не подписывались.

А аппетит, как известно, на свежем воздухе нагуливается значительно быстрее.

Так что, бутерброды – наше всё в ожидании присяги.

Отыскав, наконец, место напротив таблички с номером плуги (роты) и махлаки (подразделения) Старшенького, все семейство принялось дружно фотографировать пока еще свободное от солдат пространство с флагами, символикой, оружием и подарочными Танахами.

За время ожидания можно было успеть многое – перезнакомиться с близстоящими соседями.

Пересказать краткое содержание собственной жизни, жизни своих детей в общем и будущего присягающего в частности.

Услышать алаверды от уже знакомых по занятому месту бывших незнакомцев…

И еще пару раз перекусить.

Время шло – Мамина сумка постепенно легчала, бутерброды растворялись, народ прибывал, в толпе становилось все теплее и местами, можно сказать, теснее.

Под конец ожидания фразы типа «пропустите меня – там мой зять/ племянник/ дядя…» или «там для меня заняли» встречали ответное «у нас тоже!», «вас здесь не стояло» и «кто не успел – тот опоздал…».

В общем, народ разогревался…

Послушал соседей…

Хазана, громко повторяющего вечернюю молитву у Стены Плача…

Нытье собственных детей о том, что им надоело стоять, а хотелось бы тут уже погонять…

Выслушали объявление от организации, занимающейся заказами на видео и фотографии с церемонии присяги…

Сбегали все это самое оглашенное ранее заказать, потому как хотелось бы сохранить себе на память не только фотографии затылка родного дитятки, но и так же фейса…

А потом с воплями «меня здесь стояло – вон моя жена стоит!» пробиваться обратно…

В общем, дождались.

Затрубил трубач, начал задавать ритм барабанщик и над площадью понеслось эхо, чеканящих шаг, рыжих ботинок.

Правда, долго этот звук одиноким не оставался – уже минуту спустя толпа дорогих родственников радостно взревела, засвистела, заулюлюкала…

Выкрикивая:

«Йоси-Уди-Миха! Мы тут!»

Или «Покажите мне Шварцмана! Сынок, ты где?!»

Такой себе обычный израильский балаган.

Наверное, какой-нибудь пост-совдеповский военачальник получил бы сердечный приступ и от того самого дружественного, родственниками созданного, шумового сопровождения и от не особо вышколенного строевого шага…

Но Маму все, наоборот, вполне устраивало – потому что привычное, свое, уже родное.

Бедные солдаты все-таки дошли до отведенных им мест и повернулись, как та избушка, к лесу задом.

Вернее к лесу из родственников спинами – к начальству лицами.

Почему бедные, спросите вы?

А вы пробовали не обернуться и не заржать, когда вас так настойчиво к этому склоняют во время марша?

Вот и Мама о том же.

Старшенькому пришлось сложнее всего.

Поставленный в крайний ряд Мамин боевой товарищ был вынужден стоически молчать (не ржать и не огрызаться) – пока Младшие исследовали, вытянутыми над ограждением, руками братову спину…

И хотя бы раз улучить момент, чтобы полуобернуться и скосить орлиный глаз на Мамино «Гюльчатай, покажи личико – в смысле, дай, гад, сфоткать себя хоть раз!».

Дальнейшее, душевное…

Поднятие флага, речи старших офицеров и раввина…

И отдельное «помним» на упоминание каждой из войн, в которой погибли цанханим…

На этой стадии в ход пошла приготовленная заранее коробка с бумажными сопливниками, пошла по кругу, можно сказать – мам вокруг много и у всех глаза на мокром месте.

Впрочем, сами знаете, слезы вместе со смехом всегда рядом идут – и пять минут спустя над мощенной камнем площадью опять раздается радостный рев – дитяткам, уже мужчинам, вручают те самые, заранее заготовленные и родителями сфотканные, Танахи и оружие.

Традиционный балаган не заставил себя ждать вместе с очередной перекличкой от родственников и требованием: «Дорогой, улыбнись пошире! Папа/ мама/ брат (нужное подчеркнуть) тебя фотографирует!».

В общем, народ традиций строго следует этим самым, которые традиционные…

Что уж с них взять?..

Под последние звуки окончания церемонии родственная орда особо оглушающе взревела и, пока их великовозрастные дети не разбежались, ломанулась, рассоединяя блоки ограждения для «обнять и зацеловать».

Тактика поздравляющих оказалась верной – потому что уже минуту спустя в том «море колышется раз…», что образовалось на всем пространстве у Стены, найти, где твоя кровинушка, оказалось занятием непосильным.

Последнее, что усвоила Мама из всего произошедшего, – такси в обратную дорогу стоило заказать заранее.

Иначе пробиться через Интернет или телефон на заказ – нереально.

Иначе вы, подхватив под белы ручки сданное вам на руки военно-обязанное, призывное чудо, будете отстукивать зубами тарантеллу в ожидании, когда вас наконец-то подберут.

Вы думаете уже все?..

Еще чего!..

Полуночный торжественный ужин и тортик «прощай в очередной раз мамина фигура» под рассказ Старшенького об услышанной традиции, где на маса кумта последние несколько километров принято солдатам проходить вместе с родителями, стало всему апофеозом.

В общем, «беги, Лола, беги!» – в смысле, тренируйся, Мама, и готовь очередную удобную пару обуви.

Мимолетное. Сладкое

* * *

Приехало Мамино среднее Чудо…вище из похода.

Сначала Мама думала – в шахтеры подалси-и-и.

Ан нет!

Товарисчи учителя-одноклассники под конец сего культурно-оздоровительного мероприятия мангал делали…

Только вот ту самую, для всех незаменимую, пластиковую махалку для раздувания огня в школе забыли.

Пришлось Среднему главным ветродувом подрабатывать.

Одно радует – это ж какая зарядка для детских легких!

* * *

У Мамы в стране в тот день настал Ту би Шват (новый год деревьев).

Обычно в этот праздник сажают много деревьев…

Все домой приходят пораньше и делают седер Ту би Шват – накрывают праздничный стол с разными видами фруктов: и свежими, и сухофруктами… и орехи тоже в ход идут.

Отмечать праздник поеданием фруктов начинают еще на работе, пытаясь каждый раз угостить сотрудников какой-то диковинкой именно со своей малой родины.

Мама это к чему, собственно?

Есть у нее знакомая француженка, которая решила угостить, наконец, правильно (по ее мнению) приготовленными каштанами.

Их в каждом магазине в разной фасовке и степени готовности продают специальные, а не те, конские, что обычно ногами на улицах города, проходя мимо, вы пинаете.

Так вот Маме, после опробывания одного каштанчика, захотелось совсем по-яковлевски подпереть кулачком челюсть (чтобы та самопроизвольно ничего не выплюнула) и тоскливо сказать: «Какая гадость… эти ваши… каштаны…»

Но Мама – девочка приличная (на свою голову) – плеваться при дегустации не могла…

Опять же человек старался, ждал Маминых восторгов и усердно шамкал эти… каштаны… и не замечал, что Маму от каждого «шамк» уже передергивает…

Ситуация.

Пришлось Маме молча, восторженно мыча, соответствовать… а потом большим количеством фруктового чая запивать.

Ну, не лошадь, Мама, не ло-шадь… и француженки из нее по ходу тоже не выйдет уже.

* * *

Умеет армия делать приятные сюрпризы.

Утро.

Стук в дверь.

Мама открывает.

Стоит солдат с красной кумтой цанханим.

Честно, сердце ёкнуло… (знает же, что (не дай бог!) именно со стука в дверь всё и начинается).

Только ж вчера, после выходных, проведенных дома, Старшенький уехал.

Оказалось, не то. (Слава Богу!).

Маму и всю ее мишпаху (семью) от всего, так сказать, ихнего большого армейского сердца поздравили от имени всех цанханим с праздником и вручили коробищу с кошерными на Пэсах (иудейскую Пасху) продуктами, которая стояла у него в ногах.

В общем, спасибо им большое! Но лучше бы предупреждали по телефону заранее!

Из советуемого-переживательного

У Маминого Старшенького в учебке начался заключительный этап обучения – учиться прыгать с парашютом.

Вернее, должно было начаться еще с прошлого воскресенья.

Но… в стране же шарав (пылевая буря) – температура за бортом повсеместно от сорока и выше. Не самый лучший вариант для первого учебного прыжка.

В общем, два дня их никуда не таскали – теорию и практику на тренажерах накатывали, а со вторника все – температура на спад пошла, и они тоже… пошли «падать».

Обучение это происходит у них по возрастающей – то есть сначала прыгают с четырехметровой высоты, потом с десяти метров, а уж дальше с самолета-вертолета.

В общем, среда.

Мама вся в угаре рабочем – головы поднять некогда.

В обед пишет Маме ребенок по WhatsApp, после 10-метрового прыжка: «Мама, я не знаю, как я прыгать буду…», имея в виду свой первый прыжок с самолета.

Ситуация.

И что Маме, этой последовательнице фразы «рожденные ползать…».

Которая прыгала разве что в детстве в резинки и со скакалкой…

У которой коленки тряслись при подъеме-спуске на фуникулере в Масаду, ему говорить, чтобы поддержать-успокоить?

Начала, естественно, с успокоительного: «Дорогой, мы тебя любого любим, а прыгнешь или нет – это совсем неважно»…

Судя по реакции, помогало оно Старшенькому мало, но… все же была надежда, что доля успокоительного попала на благотворную почву.

Дальше Мама попыталась хоть что-то посоветовать (ну, как смогла):

– Попробуй во время прыжка покричать, говорят, крик стресс снимает… – и сразу получила в ответ:

– То-то, ты у нас такая шумная местами бываешь…

Похихикать Мама решила чуть позже. Потом на минутку представила гипотетических десантников, следующих Маминому совету и орущих во время прыжка…

Поняла, что таки изобрела новый способ уничтожения или как минимум деморализации противника – потому как его или звуковой волной снесет, или это рослое, многокилограммовое, с

полной выкладкой, басовитое, разноголосое «А-а-а-а!», падающее на голову до мокрых штанов противника напугает.

В итоге, Мама решила исключительно в мамочковом когда-не-знаешь-что-говорить-стиле подсластить пилюлю в виде «вот на шабат домой приедешь, отоспишься-сладкого-наешься-отвлечешься, а уж потом…».

Советов мамы, сами знаете, давать могут много. Чаще всего чудноватых, глуповатых и смешных.

Мама тоже не исключение – под конец ее ребенок даже не разорялся на буквы – слал ржущие до слез смайлики.

Что уже в принципе было неплохо.

А Мама поняла, уже после окончания разговора со своим покорителем воздуха, одну вещь – единственным и самым толковым, на ее, мам*о*чковый, взгляд, из всего ею же с перепугу наговоренного, было только предложение не размышлять сейчас же об предстоящем, чтобы не накрутить себя, а удариться в думы после, когда уже прыгнет.

Как говорится, не берите дурного в голову, а тяжелого в руки.

Из организовочного-волнительного

«Разброд и шатания, шатания и разброд», – так думала Мама, наблюдая за происходящим.

Почти месяц до маса кумта (заключительный марш бросок на 76 километров для получения берета цвета родов войск) у Старшего.

Чат батальонных мамочек:

– Дорогая большая мишпаха цанханим (семья десантников), надо организовать что-нибудь хорошее для наших детей и их командиров, кто этим займется?

Лес рук, в прямом смысле этого слова (и это не шутка).

Всеобщим голосованием выбрали самую ответственную и знающую (маму, уже имеющую в семье старших детей-цанханим).

Спустя день.

Чат мамочек:

– Открыла такой-то счет под таким-то названием в банке ЦАХАЛа, в таком-то отделении. Можно перечислять деньги.

– Дорогие мамочки, на что собираем?

После непродолжительного обсуждения определили два направления – кейтеринг детям с начальством на «после маса кумта»…

«Ну да, – ехидно подумала Мама, – армия ж их там голодом морит».

И подарки солдатам и их командирам.

Мама опять же могла командирам пожелать только не содрогаться от воспоминаний об учениках-солдатах и особенно об их мамашах.

За три недели до маса кумта.

В чате всплывает фотография письма из Цахала.

Мамочки:

– Кому пришло такое письмо, – возмущенный смайлик, – как это нельзя пройти с детьми последний километр?!

Общечатовское возмущение доходит до предела, но постепенно, под действием опять же знающих людей, затихает.

Знающие люди, на то и знающие, чтобы сообщить, что кипишь поднимать не стоит – такое в письмах каждый год пишут и каждый же год родители-семьи дружной толпой встречают своих солдат, где надо.

«Правильно, – с добрым ехидством думалось Маме. – В этой стране каждый сам себе начальник, что ему какое-то письмо…»

В общем, волна пошла на спад.

В чате периодически выскакивают сообщения о том, кто сколько закинул денег на счет или же подогнал дополнительно товарищей с трумой (пожертвованием).

И фотографии уже заказанных футболок с принтом эмблемы и всяческой словесной моральной поддержки собственного дорогого сынули.

В общем, народ готовился с радостью и предвкушением.

Две с половиной недели до маса кумта.

Чат мамочек:

– Дорогая семья, кто еще не сдал деньги – добавьте… тысяч уже собрано на кейтеринг. Нужно еще… тысяч на подарки. Футболки за подарки не предлагать – их уже приготовил для солдат такой-то спонсор.

Мамочки с новой силой ринулись искать деньги и по второму кругу, кто сколько мог, закидывать на счет.

Спустя день.

Мамо-чат в кипише – пользовательницы в нервическом волнении:

– Я сегодня разговаривала с командиром роты, и он сказал, солдат, чья семья придет на прохождение последнего километра, будет наказан.

Мамочки принялись настойчиво названивать командиру роты с просьбой отменить решение…

Ротный начал прятаться.

Две недели и два дня до маса кумта.

Мамо-чат:

– Получила разрешение с базы на посещение – кому чего надо, везите по такому-то адресу в Ришон Лецоне, передам нашим детям.

За день было закуплено и доставлено: кремы для снятия болей в ногах; присыпки для ботинок от излишней влаги и запаха с противогрибковым эффектом; салфетки влажные; салфетки для соплей; туалетная бумага…

(Последнее Маму особенно умилило-таки с туалетной бумагой в армии «напряженка», ага.)

Поздней ночью был предоставлен видеоотчет о передаче коробок с накупленным «несчастным» солдатам.

Оные радостно фотографировались в компании с туалетной бумагой…

Две недели до маса кумта:

Мамо-чат:

– Кто не сдал деньги – сдаем, осталось совсем немного.

– У детей сегодня или завтра начинается шавуа милхама (военные учения, максимально приближенные к боевым с маршем на 120 километров)?

– Сегодня ночью уходят с базы.

– Эти дети девятнадцатилетние, двадцатилетние мужики и даже есть тридцатилетний солдат-одиночка из США, – неразумно встрял какой-то папа.

Дружно закидали гневными смайликами.

Папа исчез.

Мамочки судорожно дозваниваются до детей и дают им последние наставления.

Дети начинают прятаться.

Неделя и пять дней до маса кумта.

Мамо-чат.

Выскакивает сообщение с расписанием временных промежутков, когда семьи могут разобрать дет-ёв на ограниченное время между масой кумта (марш-броском) и самой церемонией вручения кумтот (беретов цвета рода войск).

Общие овации немного утихают, когда следом выскакивает сообщение, что это программа другого батальона и дана для примера.

– А когда уже скажут за наших?

Поголовное пожатие плечами в легком недоумении.

Все замерли в ожидании.

Неделя и четыре дня до маса кумта.

Мамо-чат:

– Мне позвонили с базы. Детей можно будет забрать утром с такого-то по такое-то время, потом вернуть для репетиции церемонии и забрать с такого-то времени и до начала, собственно мероприятия.

Началось всеобщее ликование и благодарности за предоставленную инфу, которые периодически перемежались фразами или «ой и мне тоже позвонили», или «а почему мне еще не позвонили?».

Маме на миг показалось, что ее ребенок все еще в детском саду и ее настойчиво уведомляют о программе праздничного утренника.

Неделя и три дня до маса кумта.

Все тот же неутомимый мамо-чат:

– Дорогие мои, разрешение на кейтеринг получила, с подарками разбираюсь…

– Мамочки, звонила на базу – с детьми все в порядке. Живы-здоровы, учения проходят в штатном режиме – с дистанции никто не сошел.

Мама отстучалась сразу Папе: «Сарафанное радио сообщило – с детями все в порядке».

Папа: «Бедные дежурные, их командиры и вся база вместе взятая с их начальством…»

Все там же, в мамочковом чате:

– Надо все-таки подать на разрешения для прохождения последнего километра и всем подписаться, а вдруг получится?

Группа поддержки – единогласно «за».

Мама замерла в предвкушении, выбрав самое лучшее место с видом на борьбу мамочки VS армейское начальство.

Из садово-размышлятельного

«Дети – цветы жизни… – думала Мама, разбирая завалы в детской, – а потом, когда подрастут, ты начинаешь задаваться вопросом: что за гадкий сорняк прошелся по твоей родословной, от которого они смогли нахвататься всей этой гадости в характере…»

Сначала вы эти цветы холите, растите и лелеете.

Потом цветочки показывают свои первые колючки.

Еще мягкие, не приносящие особого вреда, но уже заставляющие начинать осторожничать.

Время идет – колючки на ваших цветочках грубеют, становятся жестче и непримиримее.

Все чаще от них вы получаете ранящие, доставляющие боль, уколы.

И не понимаете, каким удобрением их сдобрить, чтобы даже если колючки не исчезнут, то станут по отношению к вам мягкими, как раньше.

Причем они-то может и помягче станут, но «как раньше» может никогда и не наступить.

И тут лишь остается одно – дать своим повзрослевшим цветочкам жить, как они хотят, но не бросать на произвол, напоминая, что они все еще ваши цветочки.

Сладкое. Мимолетное. Неповторимое

У Средненького и Младшенького наконец подходит к концу учебный год.

Маме со списком «чего купить на следующий» от школы приходит приглашение на внутришкольную ярмарку от местных магазинов этого самого «чего купить» и на совершенно бесплатную индивидуальную (!) встречу… с психологом.

Таки Мама их понимает – к концу учебного года не только преподавателям нужен психолог, но…

Лучше бы они предложили это «а поговорить с этим профессиональным врачевателем душ», как раз после окончания каникул – тогда родительницам помощь психолога понадобится в значительно больших объемах.

* * *

«Кара Бернар», – читает Средний название книги, лежащей на мамином столе.

– Ну, таки для кого-то она и была карой, я ж не спорю, – ответствует Мама, поглядывая на биографический опус одним глазом, – но ты все же прочитай внимательнее, сынок.

– Ну-у-у, и чего читать – Кара Бернар, – настаивает на своем ребенок.

«Господи! И у меня теперь своя кара!» – проскальзывает в Маминых мыслях где-то между «чего приготовить на ужин» и «собрать завтраки на завтра в школу».

У Мамы тоже упрямства не занимать, и она опять в учебных целях заставляет ребенка искать ошибку в своих словах.

Так длится еще пару минут.

Мамино терпение уже трещит по швам, а в голове бьется крамольная мыслишка «мол, на фиг эти воспитательные цели – скажи ребенку, как надо и все», пока…

– А! Сара Бернар, – выдает дeть под Мамин облегченный вздох, – Я просто английское «С» перепутал с русским!

«Оно и не мудрено, – мысленно снова повздыхала Маман. – Могу себе представить, что будет, если к его трем языкам добавят в обязательную программу еще и четвертый».

* * *

Младшенький выцыганил у Мамы себе ролики…

Помните Муравьеву в фильме «Карнавал» и ее попытки удержаться на подобном колесном пыточном инструменте?

Поза полусогнутая, пока параллельно полу, ножки в раскорячку, ручки в растопырку…

Теперь у Мамы дома та же картина – все сносится, переворачивается и падает.

И до того нескучная жизнь, можно сказать, заиграла новыми красками.

* * *

Прошло детское время и началось оно, время грязевых масок!

Дети, наученные горьким опытом встречи с Маминой маской в полутьме вечерней квартиры, больше не рискуют и после вечернего отбоя не отсвечивают.

* * *

«Любовь к работе по дому мужчине нужно прививать с детства», – наблюдала Мама за качеством исполнения розданных ею ЦУ.

Посуду после себя помыть…

Полы подмести…

Не глядя на каникулы…

И главное, на полном серьезе сочувственно кивать под горестные стенания, что «нету у них сестер! не-е-е-ту!».

* * *

«Бесплатная медицина – зло! – твердо решила Мама. – Человек, помня о призрачной (взятки-конфетки-бутылки-коньяки-шоколадки тоже денег стоят) халяве, совсем забывает за собой следить и вспоминает о собственном организьме только, когда что-то начинает болеть… То ли дело медицина платная – стоит столько, что поневоле начинаешь следить за собственным рационом, наяривая комплексы упражнений, пытаясь угнаться за незабвенным «в здоровом теле – здоровый дух»…

То есть если оргнизьму хорошо, то и душеньку твою некое

земноводное за деньги на лекарство не давит.

Чтоб вы таки были – от всего Маминого щедрого сердца, – здоровы!

* * *

Мама таки теперь понимает эту тягу местных солдат по окончании службы отчалить, куда-нить в горы, в Гималаи… Или в крайнем случае, в Индию – в глубинке побродить.

Все эти (купленные родителями в дополнительную экипировку) апгрейденные головные фонарики с кучей опций; супер-пупер-складные ножички (модные названия, которых Мама даже не помнит) на все случаи жизни; неубиваемые рюкзаки (иногда выше самих солдат); походное и не только теплое белье, которые дети в армии упорно не носят, мня себя «горячими эстонскими парнями с кровью эскимосов», мол, «нам энти холода и не холода совсем…»

В общем, по Маминому объективному рассуждению, все это добро стоит столько, что просто невозможно после окончания службы оставить просто так пылиться в углу темного чулана – нужно все-таки убить его в хлам и со спокойной совестью вернуться домой.

* * *

Прочная нитка и дверь – вот лучшие выдергиватели молочных зубов на все детства, а то – стоматолог… стоматолог…

Мама, это к чему?

Младшенькому дернули очередной зуб – радости было-о-о…

Конечно, в Мамином же доме потом все эти *зубья* под подушкой в полночь превращаются в полновесную монету на вкусности.

Прям Золушка какая-то.

В Мамином семействе это вообще происходит уже в штатном режиме.

Столько, сколько Мама, этих молочных еще никто не понавыдергивал.

Из троих-то челюстей!

Нет, со Старшеньким была первая, самая неудачная попытка поступить правильно – в смысле к зубному лекарю нагрянуть для «зубик вырвать».

Было это во времена тотального дефицита и недостатка

хороших врачей, в общем…

Отделались тогда детскими слезами, покусанными пальцами несчастного доктора и Маминым стыдом за этим самые, которые пальцы.

Больше Мама таких экспериментов не проводила и доставляла детей в поликлинику в двух случаях – плановый осмотр и непредвиденно-экстренные случаи типа заехавшего футбольного мяча.

* * *

Разнообразна и богата Мамина жизнь по пятницам за последний календарный год.

То в кармашке форменных штанишек ребенка, готовя их к стирке, чеку от гранаты найдет…

То помогает винтовку собирать…

Папа купил дет*ю* новые матпэсим (специальные подвесы на ствол для фонарика и прочей лабуды) со всеми прибамбасами и укатил.

А Маме… то колечко с пружинкой на максимум отверточкой отожми и зафиксируй…

То тут кулачком постучи, пока ребенок там что-то состыкует…

Так и хочется Маме под конец козырнуть ровной ладошкой к непокрытой голове и отчитаться: «Папа, ответственно заявляю: мы *усё*-таки собрали!»

Из парково-развлекательного

Раньше в окна Маминой квартиры в ночное время можно было услышать просто тявканье койотов.

Теперь им предшествуют ослы.

Не подумайте, что Мамино семейство переехало – все там же, в доме рядом с городским парком.

Просто традиция в ее городе такая – каждый год, в летние каникулы, когда на землю опускаются сумерки и благословенное понижение температуры (ну и что, что на градус-два – зато понизилось-то!)…

В парк мелким горохом высыпает вся детвора округи.

(На газонах здесь можно не только ходить, но и лежать, сидеть и бегать.)

В общем, носятся, скачут, играют…

Все это делается совершенно бессистемно и хаотично – сплошное броуновское движение.

Причем со скоростью звука – по-другому они, эти обладатели личного шила в одном месте, просто не умеют.

К этому времени на зеленной, местами нэмножко подвявшей траве, между причудливо изогнутых стволов, невысоких олив, высятся надутые аттракционы – батуты и горки…

Когда-то Маме смешно было с балкона наблюдать в такие моменты за своими: Старшенький справа на аттракционе карабкался вверх при помощи каната; Младшенький – слева без остановки подскакивал на огромном батуте (заело), будто пытается взлететь; а Средний мечется между ними двумя, как сами-знаете-что в ополонке, не зная, что выбрать.

То туда подбежит, то обратно…

Так вот, теперь ко всему этому счастью, на радость детворе, бродят у Мамы по парку два унылых осла.

Ведомые под уздечку предприимчивыми подростками, катают всех малолетних желающих.

Так и получилось, что Мамины окна теперь принимают ранним вечером – детский счастливый визг из серии «покатай меня, большая черепаха!»…

Ближе к полуночи – торжествующее иаканье, в котором так и слышится радостное: «Свобода»…

А ночью хитровато-ехидное койотное: «Ну-у-у, чем у вас тут интересным пахнет?»

Из несоответствующего

В Мамином детстве было много сказок.

Сначала это были просто грузинские, персидские, дагестанские… продолжать можно до бесконечности.

Потом Мамина мама, сдав энное количество макулатуры, получив талончик и отстояв бессонную ночь в очереди в книжный магазин, таки купила свои заветные четыре томика «Тысячи и одной ночи», которую всё семейство по дружно таскало друг у друга и устанавливало очередность кто за кем и что читает…

Потому некие критерии для каждого уважающего себя подобного жанра опуса Мама точно знала…

Непременно в каждой восточной сказке описывалась луноликая дева, имеющая голосок тише самого тихого ручейка… (уж простите Маму за тавтологию).

Это все к чему сейчас?

За луноликую Мама ничего сказать не может – иногда даже попадается.

И смуглая нежная кожа, и цвета темного бархата глаза, и даже яркие губы с четко очерченным контуром, не тронутые ни граммом помады…

Но стоит луноликим девам старше шестнадцати открыть рот – и Мама в девяносто процентов из ста слышала такой голос…

Невольно Мама начинала думать – какой стаж курильщика у этой луноликой?

Какой там ручеек?! Иерихонская труба, не иначе.

Сразу же к Маме приходило понимание одного простого факта.

Стоит только сцепиться с таким ручейком, и ее, Маму, снесет просто децибелами. Причем с каждой убывающей минутой уровень звука голосовой атаки только будет повышаться.

Хитро так, не переходя в фальцет. То есть громкость больше, а голос заядлого курильщика с хроническим бронхитом останется.

Иногда Маме кажется, что, если бы у мужчин древности не было подходящих труб – достаточно было бы поставить строй таких вот дев с «ручейками» вместо голоса и позволить в волю поразговаривать.

Тогда бы не только стены рухнули – дома бы сровняло.

Из родильно-воспоминательного

У Мамы случилось радостное событие. Вернее, целых два… вернее, две…

Две подруги родили промежутком в шесть часов: первая – двух мальчиков, вторая – девочку.

В общем, Мама мечется-носится, чтоб и дамочек своих поздравить, и мужей их не расслаблять.

Это Мама к чему?

Энное количество лет назад, когда Мама ходила беременной Старшеньким. Тем самым, что сейчас перерос ее на две головы и делает своим сорок седьмым размером кроссовка Маме головную боль…

Так вот, в те далекие времена у Мамы родился родной племянник.

Все как положено – сестра с дúтем в роддоме, ейный муж-ш-ш празднует рождение сына.

Что такое первенец мужеского пола для мужчины, не мне вам рассказывать.

Гуляли мужчины хорошо, со вкусом и (главное!) долго.

Это вам не здесь – три дня в роддоме и выписка.

Тогда и там – полноценные семь дней на гульки давали.

В общем, зять отметился, протрезвился… и начал звонить Маме: «Шо делать?»

Мама с уже приличным пузом лично поприсутствовать для «проконтролировать» не могла, потому все ЦУ диктовала строго по телефону.

Таки надо сказать, что это же целое искусство, потому как давать мужчине перечень работ без подробной сопроводительной инструкции по каждому пункту – все равно, что внедрить в глубокий немецкий тыл какого-нибудь Васю Пупкина вместо Штирлица.

Вот так и делали по одному пункту за раз в пояснениями, утрясениями и согласованием.

К концу всей эпопеи ухо у Мамы уже вспухло, язык еле ворочался, а в голове натурально ветер гулял…

Родственник был тоже нэмножко уставший – переделать дневную норму жены по домоводству – это подвиг, о котором можно слагать легенды.

Особенно мытье полов со шваброй-тряпкой и хлорированной водой (пожелание сестриной свекрови).

В общем, все друг другом могли бы гордиться, если бы не одно «но» – зять совершенно забыл заключительный этап в связке

белье-стиралка-погладить.

Так что Мамина сестра вышла, конечно, из роддома во всем чистом, но таком мятом, что на всех фотографиях прикрывалась то мужем, то свертком одеяла с сыном, то, собственно, Мамой…

В общем, с кем фотографировалась – тем и прикрывалась.

Из учителя-добивательного

У Маминых младших наконец-то закончилась школа.

Школа на радостях, что она уже заканчивается, последние две недели устраивала им каждый день развлекушки в виде «дня спорта», экскурсий, выездов на природу а-ля пикник с шашлыками… и прочей лабуды.

Апофеозом всего этого дела должно было стать вручение подарков ученикам за всевозможные достижения в школьной деятельности.

Причем детям предоставили список того, что им могут вручить, и те могли спокойно выбрать, чего же им больше всего хочется.

Душенька Младшенького все эти две недели металась между двухместной палаткой для походов и маской с трубкой для ныряния.

Маска победила. Выбор был учителю заранее озвучен.

Ребенок замер в ожидании дня «Ч», ежедневно ездя Маме по ушам, какой у него отличный подарок будет.

В общем, все как обычно в Мамином веселом жизненном балагане.

И вот время торжества маски над палаткой наступило… и неожиданно обломало.

Господа учителя не успели доехать до магазина и купить *д*итям подарки.

Дети, хоть и расстроились, но не надолго – им клятвенно пообещали, что подарки будут к вечеру последнего учебного дня.

Мама не знает, на что рассчитывали учителя, говоря такие речи. Видимо, на то, что малышне после окончания учебного года будет просто лень пилить к вечеру обратно в школу за получением своего.

Но! Они просто плохо знали Младшенького.

Этот целеустремленный мальчик, подойдя рационально к вопросу, решил убить одним выстрелом двух зайцев.

Сначала сходить с Мамой тем же вечером к Среднему на заключительный ко́нцерт в классе и таки словить своего классного руководителя для «забрать добро», по возможности еще и отстучавшись однокашникам за «подарков прибыло».

Естественно, вечером ребенку удалось только поживиться сладким столом на концерте брата – потому как обещанного в школу опять не привезли.

Возможно, на этом история и закончилась бы…

Только… это ж Мамин Младшенький.

Этот упорный маленький человечек, когда ему надо, может весь мозг вынести прямо в вашу печень, пока своего не добьется.

Сказал ему добрый учитель, что в течение первых трех дней следующей недели подарки прибудут в их учебное заведение – молодец! Получи ежечасные звонки от ученика.

Ребенок планомерно вторые сутки названивал преподавателю и уточнял: «Ну что, прибыло?»

И пофиг, что у того тоже вроде как каникулы. Без вручения подарка – спокойного отдыха ему не будет!

На третьи сутки к обеду Младший услышал приятнейшую во всех смыслах вещь – подарки в секретариате «ляглы и просють»… их забрать.

Препод правильно решил, что легче сделать, чем потом всю жисть отбиваться.

Малолетнее Мамино чудо, после озвученной новости, сдуло из дому в момент – никакая полуденная жара ему не помеха.

Понесся на всех парах к своему счастью.

Мама была за него рада и даже вздохнула было свободно, пока не зазвонил телефон:

«Мама! Тут кроме маски с трубкой еще и ласты!!! – вопила трубка детским голосом. – В общем, я тут шел и всех своих одноклассников обзвонил – пусть ловят препода, пока не уехал…»

Таки Маме учителя стало даже нэмножко жалко.

Из веселого-разведывательного

Вы когда-нибудь участвовали в охоте на лис?

Нет-нет, не в знаменитом на весь мир развлечении английской аристократии, а в самой обычной спортивной радиопеленгации.

Когда все бегают по пересеченной местности с картой, компасом и радиоприемником для того, чтобы отыскать свой радиопередатчик.

А Мама почти что поучаствовала.

День Маса Кумта у Старшенького.

Шесть тридцать утра.

Чат батальонных мамочек:

– Заняли наблюдательный пост рядом с … стадионом, пока никого не видно.

– Мы тоже на месте – вокруг тишина, наших не видно.

– Вы уверены, что они пройдут именно там?

– По рассказам весеннего призыва в прошлый раз проходили здесь.

Мама со всем благородным семейством уже вовсю тряслась в машине по дороге на… трепетно зажимая в ладошке телефон.

Тот не молчал, вибрировал и пиликал, в общем, всем своим видом сообщал, что чат не дремлет и уже вовсю охотится.

– Ну что там? – нервически переспрашивает Папа, одним глазом следя за дорогой, вторым – кося на Маму.

– Пока не нашли, – бормочет Мама, одновременно с этим прочитывая очередное, выскочившее на экране сообщение.

Утро перед деточкиной маса кумта для Мамы началось рано.

Очень рано.

Мама уже вовсю собирала сумку-холодильник со всем для «перекусить семье на целый день» рационом, когда на кухню по ее зычному зову начали подтягиваться остальные члены дорогого семейства.

О том, с какой стороны в Иерусалим будут входить измученные затяжным марш-броском солдаты, данные разнились.

Потому еще с вечера по тайному уговору в мамочковом чате было принято решение отправить сразу в несколько мест по мобильной группе из таких же солдатских родителей.

Мечущиеся по городу мобильные группы умудрялись не только не привлечь к себе внимание бдительной полиции, но и оперативно сообщать остальным о том, где кто побывал и что никого там совсем не застал.

Кто-то из мамочек уже дожидался своих деток в форме возле

Гиват-ха-Тахмошет (Арсенальной Горки), ожидая отмашку.

Кто-то только еще выезжал из дома и надеялся успеть приехать к моменту, когда отмытых в гостиничных душах солдат можно будет разобрать на родительский час.

Кто-то же на просьбы присутствующих обещал сфотографировать и снять видео, проходящих последние километры детей и разослать по контактам чата…

В общем, телефон Мамин накалялся, нервировал Папу, прыгал в Маминых руках и тем самым заставлял подрыгивать остальных в нервическом ожидании.

Долгожданное сообщение застигло Маму на въезде в город.

Папа прибавил газу…

Несчастные замученные солдаты родительской поддержке были рады.

Отцы-командиры, промаршировавшие с ними все семьдесят шесть километров, тоже сделали вид, что «конечно же, прекрасно понимают – встреча была совершенно случайна и дорогие родственники, переодетые в футболки с принтами фотографий своих сыновей и поднимающими дух слоганами, совершенно случайно оказались у них на пути».

Дальше вся радостная (со стороны родственников) и замученная (со стороны солдат) толпа двинулась в сторону все того же Гиват-ха-Тахмошет под приветственные звуки клаксонов проезжающих мимо машин.

Мамы-папы, следуя за своими кровинушками радостно перекликались и во всех ракурсах фиксировали замурзанные щетинистые мордахи. Мордахи же цепочкой трудолюбивых муравьев в полном снаряжении и с дополнительной нагрузкой, которая иногда скрывала их полностью, оставляя на виду только голову, держа каждый товарища за плечо, вот так подталкивали друг друга к концу своего экзаменационного похода.

Кое-как доковылявшие до точки сбора, дети падали на собственные вещи прямо на землю в редком тенечке от сосен, готовые раскинуться звездочкой и не отсвечивать.

Армейское начальство же, вообще, решило не давать им расслабиться, отрывая просто-таки от материнского сердца, загоняли солдат по автобусам.

Вид они, солдаты – не автобусы, имели несчастный и Маме даже иногда напоминали документальные хроники «потрепанные немцы зимой на оккупированных территориях». Отличало тех персонажей былых времен от нынешних современных хроник – совершенно счастливое выражение лиц последних.

Несмотря на сутки без сна, килограммы пыли и песок по всему (даже на зубах) и кровавые мозоли на ногах – мамочковые

солдаты были счастливы.

Что прошли этот путь, что с успехом сдали еще один жизненный экзамен.

Автобусы, увезшие детей в гостиницу для помывки и переодевания, дал самим родителям возможность прийти в себя и приготовить радостную встречу своим отпрыскам.

«Свои люди – наше все», – так думала Мама, глядя на организованность действий избранного мамочкового комитета.

Раскинутые на территории музея тенты от дяди такого-то… «у него открытый ресторанчик есть – он поможет…».

Столы и стулья от дедушки такого-то… «Йоси его самый любимый внук, он из своего олама (зал для проведения торжеств) привезет…»

– Все нормально, – ответствовала очередная мамаша, – я договорилась с музейным кафе – они нам дадут два морозильных ларя, так что мороженое-торты и вода не пропадут и будут холодные…

Робота кипела.

Ставились тенты.

Стелились одноразовые скатерти.

Расставлялись стулья.

Бедные папы под зычным женским ором метались с одного места на другое, расставляя стулья и крепя динамики, подключенные к усилителю и магнитофону…

Отправленные на пост дожидаться кейтеринг засланцы высматривали нужную машину…

Менее организованные родители из других батальонов с легкой завистью посматривали на этот пчелиный рой, расставляя сумки-холодильники и расправляя соломенные циновки для пикника…

Из автобусов свежевымытых детушек разбирали сразу, подхватив под ручки.

Некоторые хромающие на обе ноги товарищи опирались на подставленные мамо-папиные плечи и шли к накрытым всякой снедью столам.

– Ну рассказывай, – пристала Мама к Старшенькому, стоило тому откинуться от стола с округлившимся пузом, – где вас черти носили?

Старшенький, испытывая Мамино терпение, потянулся за персиком, в другую руку подхватил нарезанный красивыми ломтиками арбуз…

– Покусаю, – пригрозила Мама, одновременно с этим давая по рукам младшим, потянувшимся за третьей порцией мороженого.

– Ты не поверишь, мам…

«Все-таки Моисеевы гены иногда пробиваются в наших соплеменниках», – думала Мама, слушая рассказ сынули.

Второй неосознанной мыслью в голове отплясывало: «Если б я только знала…»

Что бы в таком случае было, Мама еще не знала, но перед глазами отчетливой картинкой вставали кадры из виденного еще в детстве мультфильма «Про Сидорова Вову».

Вечером до этого весь батальон высадили рядом с парком, что возле Маминого города. А потом младший командный состав, аки Моисеи по пустыне, водили всю ночь на пятаке в двадцать два километра между Маминым городом и Иерусалимом солдат.

Водя их по горным тропам кругами, отмеряли полагающиеся семьдесят шесть полноценных километров.

Маме так и представлялось, как запыленные бойцы, плутая между сосен, кустарника и эвкалиптов, наматывали извилистые круги, то поднимаясь вверх, то скатываясь с горки вниз…

Накормленные до отвала, обласканные родительским теплом, детки по зову ротных и их заместителей поднимались из-за столов и ковыляли на репетицию будущей церемонии вручения.

Мамо-папино сообщество тоже времени зря не тратило – зашуршало, готовя деточкам сладкий стол для «подкрепиться после репетиции», уселось кучками за столы, переговариваясь и заново знакомясь…

Каменный амфитеатр всех желающих, естественно, не вместил. Потому дорогие родственники, следуя местной традиции, размещались на парапетах и ступенях.

Уже знакомые по предыдущим торжественным событиям операторы в фирменных футболках носились, выбирая лучший кадр, а по воздуху лилось с перерывами знакомое объявление о традиционных «видео и фотографиях».

«Все же эта армия одна сплошная социальная каша, – прослезившаяся Мама ждала нужного момента, чтобы самолично сфотографировать ребенка во время вручения кумты, – в одном подразделении дружно служат сын банкира и ребенок из семьи среднего достатка… а различия между ними делают только по личным достижениям во время службы, а не за счет родительского благосостояния».

В Мамином сознании определялась какая-то неправильность в подобном положении дел. Но эта неправильность или, даже сказать, непохожесть была хорошей. Маму совсем не расстраивала, а наоборот – радовала…

Три дня, данные ребенку для отдыха, тот провел совсем не отдыхая, на следующий же день унесшись на встречу в баре с

друзьями.

А Мама, выпытав у родной кровинушки все интересное по второму кругу, со спокойной совестью принялась уже по сложившейся традиции разгребать стоящее от въевшейся пыли армейское шмотье для генеральных постирушек.

* * *

«Ну чисто выпускной вечер с продолжением», – шептала под нос Мама, рассматривая полученные в чате фотографии с «Йом Плуга» (день роты).

Бассейн, шезлонги, опять же таки кейтеринг на столе и подарки от родителей и спонсоров для всей роты и их командиров…

Вот как праздновали мамочатовские чадушки окончание прохождение учебки, организованное родителями.

Мамин телефон уже несколько дней не смолкал партиями, передавая по чату фотографии и видео с Маса Кумта, снятое добросовестными мамашами и выдаваемое партиями по пятьдесят штук за раз.

Изображения с Масы плавно переходили уже в фотографии у бассейна из серии «шоб я так жил!», а Мама выискивала мордочку своего чадушки, тихо хихикая над счастливыми пацанячьими лицами. И особенно тщательно всматриваясь в фотоотчет по подаркам, на собранные деньги родителей…

* * *

«Шо, уже всё?» – Мама в легком недоумении изредка поглядывала на, до того не замолкающий, телефон.

За прошедший месяц с «дня роты» мамочковый чат вымер, лишь изредка выплевывая фотографии сыночковых сослуживцев на недельном отдыхе со всей семьей где-то на местных трех морях.

Старшенький тоже катался в свой отпуск. И шашлык с семьей жарил. В общем, как и положено, развлекался.

Теперь же, вместе с друзьями снова отправленный на службу в пустыню, к бедуинам, с их вечно забредающими на территорию воинского расположения верблюдами и ослами.

В мыслях у Мамы уже крутилась настойчивая мысль, что клуб батальонных мамочек, успешно пережив учебу детей, постепенно распадается, если бы…

– Дорогие мамочки, – возмущенный смайлик одной из мам вопиял, требуя обратить на себя внимание, – была сегодня у детей на базе. Детям нечего пить!!!

Мамино сердце дало сбой на мгновение, а глаза по строкам заскользили в ускоренном режиме.

В чате тем временем уже вовсю начали выскакивать возмущенно-вопросительные сообщения – мамочки еще не могли окончательно определиться, чего в них бурлило на тот момент больше.

– …У них сломалась машина для генерирования льда, – продолжала вещать навестившая ребенка мамочка, – питьевая вода теплая – совершенно невозможно пить. А киоск с бутилированной водой стоит далеко, и они не могут туда сбегать купить сладкую воду! Что будем делать?

В ответ тут же посыпались предложения готовых то ли саму машинку для льда на своем горбу притащить, то ли поставить на уши все армейское (вплоть до министра обороны) начальства ради собственных детей мамочек.

«Ничего в этой жизни не меняется», – удовлетворенно кивала, успокоенная недавним разговором с чадушком, Мама и посмеивалась над особо деятельными особами.

Из старше-сестринского, незабываемого

В Маминых детских воспоминаниях ее старшая сестрица была чем-то средним между Шварценеггером в роли «детсадовского полицейского» и просто-таки нечеловеческой язвой…

Обличенной властью «старшей сестры» язвой.

«Скорпион», одним словом! Что с нее взять?

Школьные каникулы каждый раз в противостоянии старшего и младшего поколения обостряли, находившееся до того времени в перманентном состоянии, противостояние в возложенном родительницей на собственных дочерей деле «привести в порядок дом».

Проще говоря, между Мамой и ее старшей сестрой всегда начиналась война, когда дело заходило о двух таких простых вещах: мытье посуды и подметание пола.

Вы не подумайте, пылесос в Маминой жизни тоже присутствовал, но…

Громоздкий, утробно ревущий, как целый львиный прайд, больше смахивавший на космическую ракету и по форме, и по звуку, чем на пылеуборщика «Буран-какой-то-там-номер» стоял в доме на почетном месте в кладовой и доставался исключительно в тяжелые периоды генеральных уборок.

Потому простой веник и совочек – вот удел ежедневных Мамино-сестринских упражнений по борьбе с грязью.

И все бы ничего, но… посуду ни Мама, ни ее сестрица не любили никогда.

Устанавливать между собой очередность тоже не хотели.

Справедливо полагала, что если уж и делать очередность, то по всем правилам и без отлыниваний.

Старшая же сестрица, наоборот, имела мнение, что вполне могла бы на правах старшей переложить нелюбимую, мокрую, посудо-помывочную обязанность на Маму и тоже не стремилась «встать у станка», в смысле у мойки.

Брошенный жребий же упорно вызывал между ними потасовку из серии «я видела – ты смухлевала…».

Потому вечная борьба за право воспользоваться веником, а не мыльной мочалкой, иногда доходила до просто-таки батальных размеров.

Итогом которых часто являлись покусанные руки, расцарапанные лица, стоящие дыбом волосы и местами порванные вещи… В общем, обычный девчачий набор.

Победившая в битве чаще всего бодро хваталась за веничек (а вдруг противница очнется после нокаута и заберет его первым?!) и гордо удалялась в комнаты зализывать раны легкими движениями руки уничтожать даже намек на грязь на полу.

Проигравшей же ничего не оставалось, как плестись на кухню и заниматься посудомоечными мероприятиями.

Из особенного, воспитательного

«Только дурак нуждается в порядке – гений господствует над хаосом» – один из афоризмов от Альберта Энштейна больше всего подходит к определению жизни в Маминой стране, по ее же сугубо субъективному мнению.

Знаете, чему учатся мамы здесь в первую очередь?

Правильно – терпению, Мама бы даже сказала, легкому пофигзму.

Причем учат мам этому не их дети (хотя и они дают своим родительницам жару).

Нет, дети чужие.

Потому что если своим чадам любая среднестатистическая мама может высказать всё, что она думает о произошедшем инциденте (в разумных пределах, конечно), вылавливая из мысленного потока словоизлива наиболее культурные словечки, то с чужими детьми эта же мама будет в десять раз осторожнее.

Во-первых, потому что прекрасно понимает – у этого «чужого» ребенка тоже есть еврейская мама, которая не просто «пасть порвет, моргала выколет» за свое чадушко, но и такой хай в восточно-базарных традициях поднимет, что привлечет внимание не только прохожих, но и полиции.

Народ в стране отзывчивый, в стороне стоять или мимо проходить не привык, так что вполне себе обычная перебранка двух мамаш вполне себе могла бы перерасти в разборки прости-таки глобальных масштабов. А там уже и до полиции недалеко.

Во-вторых, любая местная мама просто не может держать зла на любого ребенка больше минуты по одной простой причине – это же ребенок! И не важно ее или чужой, потому что прекрасно понимает – не существует в этой стране такого понятия, как «чужой ребенок» – все дети общие и сильно любимые…

В общем, причин Мамочкового терпения здесь можно было бы перечислять до бесконечности и все равно это не объяснило бы в полной мере такой титановой выдержки.

Мама же, следуя местному колориту, вывела для себя простую формулу: детушке можно почти всё, что не вредит здоровью и жизни ребенка и окружающих.

Для постсоветских мамочек, привыкших к послушным, аккуратным, прилежно себя ведущим, проще говоря, выдрессированным детям, местный детский хаос покажется, наверное, сплошным кошмаром.

Все эти вечно лезущие в каждую дыру карапузы, прыгающие, визжащие, носящиеся туда-сюда-обратно в возрасте от трех и

выше девочко-мальчиковые группки могут вполне создать впечатление начала конца света даже в простом торговом центре.

Так же, как и вызвать возмущение в отношении спокойно болтающих между собой родительниц, одним глазом наблюдающих за этими детскими бандами и совершенно не мешающих им беситься…

Но Мама уже давно привыкла к подобным вещам относиться проще.

Ну налетела на нее гурьба малолетних крышесносов, не достающих ей даже до пояса. Оттоптала все ноги… Зато улыбки такие, что солнце можно от них зажечь заново – так тепло внутри стало.

Уже за такое точно никого убивать не стоит.

Вся эта перманентно появляющаяся пятнистость на детской одежде, сто-тысяч-миллионов «почемучек» и «мама, а ты знаешь…», местами пропаленные или подрезанные пледы-штаны-занавески-скатерти – полная ерунда по сравнению со здоровым, живым и любознательным ребенком.

По простому Маминому размышлению кажущаяся расхлябанность и безалаберность, демонстрируемые местным населением по отношению к собственным чадам в первую очередь, учит тому, что быть мамой не должно являться каким-то тянущим все жилы подвигом, а просто быть счастьем.

Счастьем видеть каждый день улыбчивые мордашки и замечать на своей физиономии ответную, не сходящую с лица (иногда даже слегка идиотскую) усмешку.

Из парадоксально-невероятного

Знаете, что такое злобно-задорный азарт из серии «не дождетесь»?

В Маминой стране – это обычное состояние каждого среднестатистического гражданина.

И не важно, в чем именно и где это «не дождетесь» должно сработать…

На работе ли с ее «живой конкуренцией» между сотрудниками…

С соседями ли и их «наш Гавриэль – такой молодец, а у вас как?..»

С врагами ли, когда просыпается та самая последняя ступень бешенства берсерка и народ на голом энтузиазме и абсолютной взаимопомощи, несмотря ни на что, начинает творить чудеса…

Злобно задорная же общенародная фига торчит впереди, как знамя, герб и вечно популярный слоган, демонстрируя полное единодушие в данном вопросе.

Маму всегда поражала подобная особенность ее сограждан.

Каша из менталитетов, национальных особенностей воспитания, восприятия окружающего мира, религиозных направлений, тянущих за собой целый хвост из различий в традициях…

Все это не могло не породить за собой кучу противоречивостей и споров, но…

Стоит хоть кому-то со стороны попытаться вставить свои пять копеек в эту кажущуюся разобщенность и все – каша превращалась в однородный неубиваемый суперпрочный цемент, о который уже не один раз разбивали свои бедовые головы другие.

Из возмущательного

«Ну кто ж так делает?!» – мысленно сокрушалась Мама, слушая новости.

Все мировые новостные каналы не смогли обойти стороной новый установленный ценовой рекорд – почти сто восемьдесят миллионов долларов, за которые была продана картина «Алжирские женщины» Пабло Пикассо.

«Я совсем ничего не смыслю в искусстве, – ворчала Мама, – может, все эти кружочки-точечки-треугольники-квадраты и одно лицо и можно считать вершиной художественного мастерства, но давать за нее такие деньги?! Такие деньги!..»

Продолжало стучать в Маминой голове.

Мамина меркантильная душа не могла смириться с таким разбазариванием средств.

Бухгалтерская жилка в уме уже вовсю подсчитывала, сколько не имеющих возможности сделать это самостоятельно смогла бы приобрести себе квартир…

А уязвленное чувство равновесия в мире вопило о справедливости, требуя сделать хоть что-то…

Ну вот хоть об стенку головой побиться в знак протеста.

Маме, в принципе, было наплевать на чужие деньги, но жизненная практичность обливалась слезами и требовала немедленно добиться принятия закона, устанавливающего ценовые рамки на произведения искусства, не имеющие в себе драгоценных металлов и камней.

Вот как на хлеб в некоторых странах, например…

– Это в тебе бунтарские корни говорят, – хихикал над пышущей возмущением Мамой Старшенький, – надо в генеалогическом семейном древе покопаться, вдруг какого-нибудь рэволюционэра там найдем.

Из несъедобного-съедобного

«Дожились, – крутилось в Маминой голове при разглядывании полок с кремами. – Теперь черную икру в маски да крема пихать будем, – уже под нос тихо бубнила она. – Мало им минералов и грязи Мертвого моря было!»

О том, что уже четыре года ее страна входит в мировую тройку лидеров по экспорте черной икры, Мама знала.

Осетр – рыба не кошерная, местным народом не поедаемая…

В общем, девать это солоноватое черное золото в Маминой местности некуда.

Львиную долю ее в далекое «туда» отправляют, но… видимо, не всю.

Народ у Мамы предприимчивый, всему применение найдет… и раз уж что-то не отправленное здесь не скушается, то теперь уж точно на что-то намажется.

В Мамином воображении возникла на мгновение картинка лица и волос, укрытых плотным слоем черной икры, которая местами провисала, отлипала и падала вниз…

Всплывшая картинка немедленно растаяла, уступая место реальности в виде совершенно обычной белой кремообразной массы в аккуратненькой, красиво оформленной баночке.

Сокрушительное «что делается» медленно трансформировалось в любопытствующее «может купить-попробовать».

Из взаимоповязанного

Взаимопомощь в Маминой стране развита до каких-то гиперогромных размеров.

Первый случай примера общенациональной взаимопомощи явился Маме во время последних военных действий.

Солдаты – эти всеобщие дети попросили родных и друзей привезти чего-нибудь вкусненького, пока бойцы находились проездом недалеко от своего родного города.

И не потому, что в армии плохо кормят.

Нет, просто детям захотелось домашнего.

Тем же днем в местных соцсетях Мама увидела фото и видео той самой кучки солдат в окружении толпы с кастрюльками и одноразовыми противнями.

Толпа ширилась, машины все подъезжали, и уже не просто родные-близкие-друзья привозили «домашненькое», а друзья друзей их друзей…

Масштабы надвигающейся катастрофы армейское начальство осознало две недели спустя, когда уже волна «привези ребенку-мужу-брату-другу-свояку» стала приобретать неосязаемые размеры.

Группки желающих кооперировались и передавали с кем-то одним на передовую вкусности короткого и долгого хранения, средства гигиены и прочую тысячу и одну мелочь…

Такую необходимую для того, чтобы почувствовать себя дома.

Еще пару недель спустя отчаявшееся армейское начальство обратилось к населению с мольбой не закармливать военнообязанных товарищей, пригрозив попутно повесить на народ еще и приобретение новой формы – в свою обычную, откормленные, общие дети уже влезали не во всех местах…

Сказать о том, что угроза покупки формы испугала сограждан, Мама не может, потому что им по ее разумению было все равно – правило «если надо, то и это купим, лишь бы детям было хорошо» прочно засело в национальном сознании.

Военная операция закончилась, жизнь (будто ничего и не было) быстро вошла в свою колею (периодически демонстрируя отдельные случаи единения ради кого-то одного…) до следующего неприятного инцидента.

Множественных пожаров по всей стране.

Огонь, следуя чужой воле и сильным порывам ветра, оставил многие семьи без крыши над головой и без остального имущества…

Дальше вы уже догадываетесь, что было дальше?

Первым взвыл уже через неделю после окончания пожаров мэр одного из самых крупных городов с просьбой народ попридержать свою активность и обуздать поток пожертвований пострадавшим – администрация просто не справлялась.

Сладкое. Мимолетное. Незабываемое

Суббота.

Утро.

Младшие, уже позавтракавшие, активно у себя в комнате наводят шороху.

Мама и Старшенький, пришедший на выходные в увольнительную, пьют кофа с молоком и печенюжками.

Не диетично, но вкусно.

В общем, лепота, тишина и полное спокойствие.

Пока…

– Тут слух прошел, что Капитан Америка – агент Гидры…

Утро… Даже с полчашкой кофа… У Мамы мозг в выходные и ранние часы в латентном состоянии…

Ассоциативный ряд какой?

Пра-а-ально.

Агенты. Армия…

В Маминой голове поначалу мелькает: «Это, что? шифр какой-то? Шо иш-шо я должна знать?»

Дальше: «Капитан Америка – что-то знакомое…»

Судя по Маминому пустому взгляду, Старший сам начинает понимать, как оплошал.

Но Мама ж человек с понятием.

Ей, конечно, за перипетиями всех, в последние годы вышедших в прокат, фильмов не уследить, но всегда можно ж начать с наводящих вопросов…

– Это он там… против Супермена?

– Ты что-о-о-о?! Капитан Америка в последний раз был против Железного Человека… Раньше они вообще дружили…

– А-а-а, – у Мамы в голове проскакивают кадры из трейлера (Мама вообще только их в последнее время и успевает просмотреть), – а против Супермена – Бэтмен.

Старший ребенок радостно кивает.

– Фигня, – не верит Мама, – это тебе кто-то лапшу на ухи навешал. Не может Капитан Америка быть агентом Гидры.

В голове же мелькает о том, что хоть бы знать, кто такая энта Гидра…

Но с ребенком же разговор поддержать надо. А потому приходиться делать мину «шо таки да, я в курсе».

– Не фигня, – ответствует великовозрастное Мамино старшее счастье, – я в каком-то анонсе видел в инете о ближайших планах

создателей фильма….

Мама, естественно, с умным видом покивала, прокручивая в многострадальной, раньше времени разбуженной голове:

«Аспади-ты-ж-боже-мой, как раньше-то проще было – Бэтмен отдельно, Супермен отдельно. За Железного Человека вообще говорить нечего…»

* * *

«Каждый год, 31 декабря…»

О чем это Мама?

Да, сейчас совсем не декабрь.

И за окном +40, но… есть в Маминой жизни так же, как и известном советском фильме, один, все время повторяющийся факт.

Прибавление чемодана.

Каждый раз с возвращением Папы после длительной командировки в Мамином доме появляется совершенно новенький чемодан-чемоданчик-чемоданище.

Разнокалиберность размеров сей, необходимой в путешествии вещи зависит обычно от нескольких факторов: продолжительность периода отсутствия Папы дома; смены сезонов (а с ними и формы одежды) и наличие в близком грядущем будущем дней-рождений-праздников.

И если первый и третий пункты из выше перечисленного объясняются просто – количество и размеры подарков жене-детям, то второй…

Мужнина одежда в Мамо-Папином доме плодится так же, как и чемоданы, потому как если он улетает из дому ранней осенью, когда в стране еще +30 и вещи-обувь совсем летние, а более теплые брать еще рано и присутствует надежда на скорый прилет обратно в семейное гнездо (то есть чемодан один и полупустой), а в итоге возвращаться приходится в середине зимы и с полным обновленным комплектом одеться-обуться…

В общем, сами понимаете – мужской гардероб в Маминой семье обновляется даже чаще, чем женский.

Привезенные, оставленные, купленные вновь вещи складируются-складируются-складируются… и так может длиться до бесконечности.

И если его вещи, после генерального шмона в Мамином исполнении, можно раскидать по знакомым, то вот чемоданы…

Разве что только солить.

Но до подобного еще дойти надо, а пока… остается только в

очередной раз изыскивать еще свободный закуток, куда впихнуть еще одну дорожную путешествовательную красоту.

* * *

На некоторых сборищах Мама чувствовала себя, как тот несчастный герой Андрея Миронова на собственной свадьбе в фильме «Блондинка за углом».

Ну, помните…

Догилева – продавщица универсама, которая всех знает и у которой всё схвачено (нормальное положение вещей для тогдашних Советов)…

Миронов – непризнанный гений-ученый, вынужденный зарабатывать на жизнь грузчиком в том же универсаме…

Их любо*фф*…

Свадьба с кучей народа, совмещающих приятное с полезным…

И запоминающаяся фраза «…а это у нас главный по тарелочкам…».

Так вот, это самое «главный по тарелочкам» каждый раз настойчиво лезет Маме в голову, когда рядом произносят: «…а это человек с алмазной биржи… отличный ювелир… глава отделения такой-то партии от такого-то города… главный по мясу… специалист по недвижимости…» (вариации меняются, костяк фразы остается тот же).

Не-не, Мама всех этих людей любит, уважает и даже хорошо с ними общается, но (!) не в таких масштабах.

Когда собирается толпа и пытается громко со всеми и обо всем говорить, перемежая рабочее с нерабочим… (рабочее, почему-то превалирует).

Честное слово, у Мамы возникает дикое желание найти тихий угол и пересидеть бурю, потому как, по ее скромному разумению, рабочее нужно оставить работе.

Иначе и шашлык из барашка будет не таким вкусным, и отличное вино на пользу не пойдет.

* * *

«Пора брать деньги!» – носилась в Маминой голове очередная сумасбродная мысль.

Нет, ну правда!

Пора брать деньги за собственные идеи.

Так и хочется Маме сказать: «Бедные! Бедные писатели-фантасты! Писать им скоро станет совсем не о чем…»

(Они таки, правда, часто бедные.)

Расписывали во всей красе в своих опусах автопилотируемые машинки без водителей?

Нате вам, получите! Ну и что, что это грузовик?! Зато какой красавец! И вообще, то ли еще будет, скоро и до легковушек дойдут!

За японские роботы, которые почти что человеки, Мама вообще молчит.

Вот, теперь добрались и до языков!

Захотел – на одном пообщался, еще – на другом…

Скоро еще заговоришь на чужих языках, не учивши (мечта любого подростка)!

Так скоро дело и до внеземных цивилизаций дойдет.

И кто, спрашивается, сливки собирать будет?

В смысле, инопланетных гостей встречать?

Уж если такое и будет, виделось Маме, то точно с теми самыми фантастами – у них психика и логика уже под это дело заточены.

У мамы уже и слоган-призыв для уважаемых фантастов нарисовался: «Товарищи, тренируйте фантазию и стригите после этого купоны – не теряйте время!»

* * *

Сделали друг другу приятное по-папановски из «Бриллиантовой руки».

Мама – *д*итям мороженое.

Они – «бабе», в смысле Маме – цветы.

* * *

Старшенький пришел домой в увольнительную.

Что делает Мамин командировочный Папа в отпуске?

Правильно, начинает его учить, как носить наколенники!..

Ну, таки да, его в армии этому вообще «не учат» и ответ на рекомендации «инструкция запрещает» Папу не остановит, потому как на ютюбе знают лучше.

* * *

«Все-таки Восток – это заразно», – думала Мама…

Насмотришься на этих восточных бабушек с палочками в полусогнутом виде и кучей звенящих браслетов на руках…

Или на девочек-девушек-молодых барышень со всем вот этим блестящим-на-солнце-горящим-искрящим…

И самой хочется на себя, что та сорока, нацепить браслетики-колечки-колье-цепочки-сережки-висюлистые…

Чтоб уж звенеть – так звенеть!

Блестеть – так блестеть!

И радоваться всему энтому драгоценному счастью на всю катушку!

* * *

– Как в школе ему могли задать на самостоятельную работу делать фильм?! – возмущался Папа.

– Никак, – поддакивала Мама, – ему просто задали тему, на которую нужно сделать проект…

– Ну-у-у?.. – требовал продолжения Папа.

– Ну он сказал «будет кино» – я делаю, – хихикает Мама, – у нас этот, как его, творческий союз: ребенок-автор рассказал, что он хочет видеть в фильме о космосе; мама-ассистент-сценарист-р*ыжы*ссер-монтажник лепит фильм*у*. Видишь, тут даже в конце ролика в титрах написано: «Фильм сделал такой-то при содействии мамы».

Папа краснеет – то ли ржет от наглости д*е*тя, то ли возмущается… от того же.

– Это еще ничего-о-о, почти за двое суток предупредил – было время приготовиться, – спешит успокоить его Мама, – а вот реферат на…ое количество листов в ночь перед сдачей у Младшего…

* * *

В конце мая-июне в Маминой стране начинается период летних лагерей.

Понятие здесь распространенное и дюже полезное.

Это когда кооперируется группа дяденек-преподавателей в отпуске или юношей-девушек предпризывного возраста и за денюжку забирают детей из дому на целый день для активных игр, походов по ближней местности и прочей подобной лабуды.

Дети стонут от родительского произвола и встают рано (как в

школу), чтобы не опоздать на развлекаловку.

Стонут, но идут и потом обратно не сильно хотят возвращаться, потому как интересно.

Теперь у Мамы в парке возле дома очень многодетно.

Из окон кухни по утрам можно услышать трансляцию матча по бейсболу, часто перемежающийся непонятными ей англоязычными игровыми терминами, ударами бит о мяч и крики болельщиков команд.

Окна салона выдают репортаж с юниорского матча по футболу. Тоже очень эмоционального. Не менее терминологичного, но тут Мама уже подкованная – понимает.

А в спальнях можно насладиться попеременно американским футболом или криками участников очередного игрового квеста для самых маленьких.

Покоя в Мамином доме не знает даже маленькое зарешеченное окно в прачечной, выходящее во двор, на автомобильную стоянку – оттуда яростно льется звук глухих ударов тяжелого мяча и негодующих воплей игроков нескончаемого баскетбола.

* * *

Иногда Мама стала ловить себя на жестах Свекрови по отношению к вещам собственного старшего сына.

Нет, не какой-то там абстрактной незнакомой ей свекрови, а самой обычной, ее личной, матери собственного мужа…

То свернет что-то из вещей именно как она, то проверит таким же образом…

В общем, пророческая тенденция Маму стала пугать.

Из новогоднего-поломательного

Когда Мама еще не была мамой, а маленькой девочкой с косичками и веселыми бантами, все ее семейство к празднованию Нового года подходило серьезно.

Мамина мама с раннего утра тридцать первого декабря начинала кудесничать на кухне.

Мама и ее старшая сестрица помогали ей, чем могли…

Хотя чаще всего больше мешали.

Воздух в доме наполнялся одуряющими запахами свежей выпечки, мандарин и хвои…

А Мамин папа, устраиваясь в гостиной, рядом с выставленным посреди комнаты большим столом, раскладывал инструменты.

Так уж получалось, что в Мамином родительском доме в последние годы, кроме оливье, шубы, холодца и сметанника, появилась еще одна традиция – починка телевизора.

Каждый год, в конце декабря, буквально за несколько дней до праздника – телевизор торжественно издыхал.

Старая черно-белая «Весна-304» напрочь отказывалась сотрудничать и, решив, что достаточно хорошо поработала на семью, заявляла, что тоже имеет право на отдых в праздничные дни.

Мамин папа мужественно с отверткой и паяльником наперевес обихаживал обиженный телевизор, меняя перегоревшие лампы, перепроверяя схемы и контакты и поминая о такой-то матери.

Последнее он делал тихо, практически беззвучно, чтобы, не дай-то Бог, не услышала любопытная Мама.

Телевизор, оправдывая свое название изменчивой весны, капризничал.

То соблазняя Маминого папу своей беспрекословной работой…

То обрушивая все его надежды и демонстрируя безмолвный экран, покрытый рябью…

То мигая, точно елочная гирлянда, периодически показывая плывущие полосы…

Маме было очень любопытственно смотреть на производимые ее папой шаманские пляски и «семейного друга».

Так же, как и кухня манила своими ароматными загадками…

В общем, Мама разрывалась ровно пополам, мечась из кухни в гостиную и обратно.

В обед жужжащий с рассвета дом замирал.

Салаты и закуски настаивались в холодильнике, пропитываясь соусами и заправками…

В под самым морозильником пропитывался до состояния «таю во рту» торт…

На плите тихо попыхивал редким паром большой чугунок с жаркое…

На кухонном столе, в широкой миске, накрытые льняным полотенцем остывали пирожки со всевозможной начинкой…

А вся семья уходила отдыхать…

Мамина мама разгоняла всех по кроватям, под теплые пуховые одеяла на дневной сон, чтобы в новогоднюю ночь не клевать носом.

К Маминому пробуждению ее папа обычно уже сдавался, и, если в редкие минуты всему семейству везло – раритетная «Весна» работала исправно…

Если же нет – то же было неплохо.

В капризный агрегат транслировала «Голубой огонек» односторонне, выдавая то звук без изображения, то изображение без звука.

В первом случае Маме и ее сестре ничего не мешало отплясывать рядом со столом под льющуюся из динамиков музыку.

Во втором же – всему семейству было очень весело под беззвучно шевелящиеся губы ведущих и выступающих декламировать свои реплики.

К обеду первого числа враждебно настроенный телевизионный ящик резко добрел и соглашался показывать уже все исправно и даже целый год, но…

Тогда уже семейству было не до него.

Хитрый агрегат прекрасно осознавал, что использовать его будут еще меньше, чем раньше.

Приходили гости.

Гостей в Мамином родительском дому всегда было много.

Многочисленная родня, таща с собой в сумках большие и маленькие судочки, устремлялась в мамино-родительский дом для «всех со всем поздравить».

Застолья длились долго.

Дорвавшиеся до свободного общения дяди-тети-бабо-деды-родители сидели допоздна, болтая обо всем.

Сначала под закуски и горячее…

Потом под чай и тортик, который таки да – просто таял во рту.

Ближе к полуночи, когда Мамина братия в виде многочисленных двоюродных сестер и уступающих в численности

двоюродных же братьев уже почти спала на ходу, все начинали потихоньку собираться.

Сначала, чтобы не держать в жаркой прихожей уже одетых родственников, готовую к выходу партию родственников Мамин папа выводил на улицу и там все так же продолжал занимательные беседы.

Постепенно к ним присоединялись другие, и Мама со своей сестрицей и родительницей, в том числе, с единственной целью – «апоговорить», которое плавно переходило в «надо проводить».

Мамино-родительское в полном составе шло провожать гостей.

Шло степенно, скрепя снегом под сапогами, ведя разговор и рассказывая сто и один миллион интересных новостей.

Вся Мамина многочисленная родня жила от ее дома на равных расстояниях – ровно через две параллельные улицы, потому путь друг к другу все знали, как и экватор этого пути.

Ту самую золотую середину на углу одной из улиц, откуда проводы уже переходили в наведывания в гости.

На точно выверенной не наговорившиеся взрослые останавливались и еще долго болтали, пока теперь уже родственники не решали проводить Маминых родителей домой.

Эти туда-сюда-провожания обычно повторялись энное количество раз.

Мамино-сестринское сообщество носилось вокруг вихрем, уже больше смахивая на оживших снеговиков, чем на обычных детей.

И продолжалось бы эти похождения вечно, пока навстречу не попадалась еще одна компания знакомых, которая одним своим видом напоминала, что спать-таки пора.

Из домашне-уборочного

Раз в неделю в Маме просыпается самая домовитая домовая.

О чем она предвкушающе-угрюмо объявляет своим.

И всё благородное семейство вспоминает сразу же две вещи.

Первая – домовая-Мама очень уважает свои уборочные традиции.

Их у нее не слишком много – выучить несложно.

А основная, так вообще, единственная – всё, что валяется неприбранным на полу и соответственно мешает уборке, автоматически приобретает статус мусора и летит в мусорный контейнер прямым ходом.

Сердце домовой-Мамы – кремень, никаким слезам-соплям не верит и действует исключительно в соответствии собственной традиции.

Потому, как только в доме звучит задумчивая фраза: «Я завтра делаю уборку, кто не спрятал – я не виновата», Мамины родные дружно начинают разгребать свои завалы.

Второе, что усвоили Мамины домашние, – на время уборки нужно куда-то смыться.

И не потому, что в них начисто атрофировано стремление ей помочь (если Маме что-то надо сделать, она и из-под земли достанет, загодя предупредив, чтоб даже мысли не возникало смыться).

Нет, просто в день «Ч», неожиданно ставшая ниже ростом, приобретшая домовитую фигуру поплотнее, облачившаяся в свою уборочную спецовку и вооружившаяся инвентарем, домовая-Мама приобретает оченно-сильно-грозный вид.

И начинает своими установками «здеся не стой», «тудой не ходи» и «ужо я тебе…» гонять уже совсем не благородное, а несчастное семейство из комнаты в комнату.

Домочадцы же продолжают носиться сайгаками, по-кенгурушечьи перескакивать и задирать повыше от пола ноги, мысленно проклиная тот момент, когда им взбрела в голову ленивая мысль не убегать, а остаться дома.

И понимают, что самым оптимальным для них вариантом было бы Карлсонами летать под потолком, а в особо ответственные моменты вообще там зависать статуей и не отсвечивать.

Из думательно-размышлятельного

В детстве Мама почему-то непременно мечтала о четверых детях: двух девочках и двух же мальчиках.

Откуда взялась эта цифра, Мама и по сей день не знает.

Семья у ее родителей была стандартная для Советов, в которых три ребенка уже воспринимались, как полноценная многодетность со всеми отсюда вытекающими…

Постоянным гвалтом, неряшливостью и наличием вечно-сопливым потомством – то есть всем тем, что вызывало ужас и пренебрежительную брезгливость и опять же таки среднестатистического советского человека.

(Стоит сказать, даже в тот далекий период Мама не раз встречала многодетные семьи со значительно бóльшим количеством детей и ни в одной не был замечен хоть один признак уже сложившегося стереотипа.)

В общем, в ее представлении эти четверо неизвестных карапуза просто были.

А как и что, было уже делом десятым.

Время шло, Мамины предпочтения менялись, и ей уже просто хотелось, чтобы были дети и количество не так ее волновало.

Поэтому новость о первой беременности произвела на Маму самое радостное впечатление.

И плевать было, что в те далекие времена эпоха перемен только набирала свои обороты (в двадцать лет к таким вещам Мама относилась намного проще).

Когда перед попаданием в роддом нужно было приобрести два здоровенных пакета лекарств, которых (вроде кетгута под нужным номером) в аптеках по определению найти было невозможно и приходилось нелегально приобретать через знакомых врачей, которые тоже хотели кушать; а «Скорая помощь» могла приехать и забрать роженицу только если им сначала на эту самую станцию «Скорой помощи» привезут бензин для поездки…

Пугало Маму в те времена совсем не встающие на пути трудности, а то, что она, выросшая и воспитывавшаяся в почти-что-исключительно-девичьем царстве, будет делать с собственным ребенком мужского пола.

Как его воспитать так, чтобы потом не было стыдно.

И Мама даже не знала, к кому она могла бы обратиться за рецептом, «как вырастить настоящего мужчину и в то же время хорошего человека».

Время все еще шло.

Старшенький рос.

Мама получила еще две попытки узнать нужный ей рецепт.

Или, по крайней мере, изобрести новый – исключительно свой.

И хоть материальные препятствия уже были не такими глобальными на ее пути, но она все еще боялась.

Того самого.

Страха воспитать плохого человека.

Годы не стояли на месте.

Извилистый жизненный путь Мамы рождал всё новые запоминающиеся моменты.

Иногда смешные, иногда не очень.

Научив Маму ценить каждый миг, потому что в следующий – уже будет не с кем поделиться своим весельем и радостью совместного сосуществования.

К страху о неправильном воспитании у Мамы добавился еще один – страх «незнания».

Потери знаний о своих корнях.

Не просто сухих строк из серии «родился-жил-умер», а того, что собственно делает человека человеком.

Его живые истории.

И тогда Мама принялась просто так, уже для собственных детей записывать свои воспоминания.

О тех, кого давно уже нет.

Деды-прадеды, которые остались живы только на фотографиях.

О тех, кто живет далеко и, наверное, никогда уже с Маминими обормотиками больше никогда не увидится.

О детях же, чтобы их воспоминания о детстве могли еще не раз во всей красе предстать уже перед их потомками…

О своих впечатлениях, которые с годами стирались, теряя всю палитру красок ощущений.

Мама все еще пишет, наслаждается жизнью и прекрасно понимает, что к уже существующим страхам в любой момент могут прибавиться новые.

Заветный рецепт воспитательного толка так и не был ею изобретен…

Да и попросту это было бы невозможно.

Потому что, как бы Маме не хотелось, а свои заработанные шишки на собственных детей не пересадишь, как и не добавишь собственного же жизненного опыта.

А без них, жизненного опыта и полученных от него шишек, понимания собственной жизни не получишь.

Так что Маме еще писать много.

Обо всех ее непутевостях, появляющихся на жизненном пути.

Мамин постскриптум

Ко всем возможным старшеньким, средненьким и младшеньким Мама обращается.

Она, конечно, понимает, что «фу-у-у-телячьи-нежности» – это серьезно, так же как «я-сильно-занят-очень-спешу».

Но мамо-обнимательную терапию никто не отменял.

Так что, можете тихо, на цыпочках и «чтобы из сверстников никто не знал» подойти к собственной родительнице и подарить ей и себе тепло в душе и хорошее настроение на целый день.

Помните – нужно всегда ловить момент! Именно из них состоит ваша жизнь!